

ФГБОУ ВО «Пятигорский
государственный университет»

ГОУ ВПО «Донецкий
национальный университет»

Сопоставительные
и **Д**иахронические исследования
Языковых единиц и категорий

Сборник статей
XIV-го Международного лингвистического семинара
14 – 15 ноября 2016 года

Пятигорск 2016

**ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный
университет»
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»**

**Сопоставительные и диахронические исследования
языковых единиц и категорий**

**Сборник статей
XIV-го Международного лингвистического семинара
14 – 15 ноября 2016 года**

Пятигорск 2016

УДК 801. 55:807 + 801. 561. 1 : 807

Печатается по решению редакционно-издательского отдела ФГБОУ ВО «ПГУ» и Учёного совета ГОУ ВПО «ДонНУ».

ББК 81.2

С64

Сопоставительные и диахронические исследования языковых единиц и категорий : Материалы XIV Междунар. лингвистического семинара (Донецк-Пятигорск : 14–15 ноября 2016 г.) / под общ. ред. Л. Н. Ягуповой, 2016. – 212 с.

В сборник вошли материалы Международного лингвистического семинара «Сопоставительные и диахронические исследования языковых единиц и категорий». В статьях рассматриваются актуальные проблемы типологического, сопоставительного, исторического языкознания, межкультурной коммуникации, переводоведения, терминоведения, когнитивной и функциональной лингвистики.

Для широкого круга специалистов, преподавателей, докторантов, аспирантов и студентов филологических специальностей.

Редакционная коллегия:

доктор филологических наук, профессор В. Д. Калиущенко
доктор филологических наук, профессор Л. Н. Ягупова (гл. ред.)
доктор филологических наук, профессор Ш. Р. Басыров
доктор филологических наук, профессор О. Л. Бессонова
доктор филологических наук, профессор А. Д. Петренко
кандидат филологических наук, доцент Н. С. Шавкун

Рецензенты:

доктор филологических наук, доцент С. Е. Кремзикова
доктор филологических наук, профессор В. И. Теркулов

ISBN 978-5-4220-0787-5

© ФГБОУ ВО «ПГУ», 2016
© ГОУ ВПО «ДонНУ», 2016
© Авторы статей, 2016

Содержание

Предисловие	7
<i>Басыров Ш.Р.</i> Метафоры в сфере глагов понимания разноструктурных языков	8
<i>Белова В. Ф., Сабержанова А. Р.</i> Средства выражения экспрессивности в немецком политическом и парламентском дискурсах	16
<i>Берещенко Н. В.</i> Произносительные варианты британского английского	23
<i>Беспамятная Л.В.</i> Межъязыковые вероятностные универсалии (на примере терминов кораблестроения)	29
<i>Воробьева О.С.</i> Семантика постпозитивного компонента в системе английских фразовых глаголов	35
<i>Гончарова К. Д.</i> Основные направления исследования цветообозначений в лингвистике	42
<i>Гордиенко Е.В.</i> Способы актуализации семантики неологизмов понятийной сферы «Семья»	49
<i>Гудова О. В.</i> Семантика коннотативных антропонимов: на материале английских сатирических произведений	58
<i>Долгополова Л. А.</i> Инфинитив как объект современных лингвистических исследований	65
<i>Дроздов В. А., Дроздова Н. В.</i> Алгоритм выбора видо-временных форм английского языка при переводе с русского на английский	72
<i>Жданова Н. А.</i> О терминообразующей функции научной метафоры	78
<i>Игнатюк Г. Н.</i> Фразовые глаголы английского языка в диахроническом аспекте	85

<i>Калиущенко В. Д., Чайковская М. В.</i>	
Семантические актанты глаголов со значениями ‘смотреть’, ‘видеть’ в немецком и русском языках	92
<i>Карасенко Е. А.</i>	
Историко-этимологический анализ лексем со значением ‘моряк’ в английском языке	100
<i>Квач Ю. А.</i>	
О лексических и грамматических проблемах перевода нормативной технической документации в сфере строительства	105
<i>Керова Л. В.</i>	
Методика лингвокультурологического исследования личных имен в английском и немецком языках	112
<i>Кирюшкина А. А.</i>	
Семантика имени как компонента несвободного словосочетания	121
<i>Клименко О. В.</i>	
Вариативность представления места в английских и испанских глаголах изображения	126
<i>Косицкая А. Г.</i>	
Лексико-семантические связи компонентов композитных наименований человека в искусстве	135
<i>Логутенкова О. Н.</i>	
Сопоставительный анализ русских и новогреческих традиционных метафорических загадок	142
<i>Мирзаханова А. Э.</i>	
К вопросу о средствах выражения эвиденциальности	149
<i>Нарчук А. П.</i>	
Графема β в немецком языке: тенденции развития	156
<i>Николаева Л. Б.</i>	
Universal Nature of a Kinship Term	162
<i>Рыжикова М. Д.</i>	
Роль профессиональной принадлежности при реализации стратегии похвалы (на примере англоязычных рецензий на книги)	171

<i>Склярова Д. Д., Мирзаханова А. Э.</i>	
Межъязыковая омонимия в межкультурном пространстве	177
<i>Ткаченко С. Г.</i>	
Градуальные маркеры в структуре фразеологического значения.....	182
<i>Ус Ю. Н.</i>	
Динамика цветообозначения <i>gelb</i> и его производных в словаре и тексте (XVI-XVII века)	188
<i>Фатьянова И. В.</i>	
Сопоставительный анализ микроконцептосферы <i>терроризм</i> : на материале русского и англо-американского политического дискурса .	195
<i>Ягунова Л. Н.</i>	
От <i>urloup</i> до <i>Urlaub</i> , или Как изменялся немецкий язык	204
Авторы	213

ПРЕДИСЛОВИЕ

14 – 15 ноября 2016 года на факультете иностранных языков ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет» состоится Международный лингвистический семинар «Сопоставительные и диахронические исследования языковых единиц и категорий».

Впервые Международный лингвистический семинар проводится частично в формате видеоконференции – как результат сотрудничества двух университетов: ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет и ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет»». Впервые в рамках данного научного форума пройдет международный аспирантский семинар, который позволит молодым исследователям представить результаты своих научных изысканий коллегам из соседних стран.

Целью форума, впервые проведенного в 2002 году под названием «Компаративистика и типология в современной лингвистической науке: достижения и проблемы», была и остается собрать ученых-единомышленников, которые исследуют вопросы типологического, сопоставительного и исторического языкознания, переводоведения и терминоведения, межкультурной коммуникации, изучают коммуникативно-прагматическую и когнитивную природу дискурса.

Международный лингвистический семинар – это не просто место встречи его участников, это точка пересечения разных концепций и разных научных школ, разных взглядов и разных научных парадигм, это школа для молодых ученых, это место, которое не разъединяет, а объединяет языковедов, которые стремятся постичь суть и познать глубины лингвистического бытия.

Интерес к лингвистическому семинару свидетельствует о стремлении ученых всесторонне познать богатые источники лингвистических знаний и искать новые пути и методики в решении актуальных языковедческих проблем. Палитра представленных на форум докладов охватывает широкий спектр – от общих аспектов типологического, сопоставительного, исторического языкознания, когнитивной лингвистики и межкультурной коммуникации до частных языковедческих проблем.

Мы благодарим авторов докладов за сотрудничество и надеемся на интересные дискуссии в широком лингвистическом кругу.

Особую благодарность хотим выразить канд. филол. наук, доценту, заведующей кафедрой германистики и межкультурной коммуникации ГОУ ВПО «Пятигорский государственный университет» Наталье Сергеевне Шавкун, которая своим энтузиазмом и практическими делами сделала возможной встречу коллег и молодых учёных по обе стороны «экрана».

Донецк, октябрь 2016 года

Л. Н. Ягунова

Метафоры в сфере глагов понимания разноструктурных языков

Статья посвящена поиску метафорических моделей в сфере глаголов понимания в разноструктурных языках – германских (английском, немецком), романских (французском, испанском) и славянских (русском, украинском). Выявлено пять типов метафор, связанных с движением, получением истины, зрительным восприятием, светом и ударом.

Ключевые слова: *метафора, типовая ситуация, глаголы понимания, ментальное значение, продуктивность.*

The paper deals with the search of metaphorical models in the sphere of the verbs of intellectual activity in four Indo-European languages – two Germanic (English, German), two Romanic (French, Spanish) and two Slavonic (Ukrainian, Russian). Five types of metaphor have been determined. They are connected with movement, attainment of the truth, light, eyesight and blow.

Key words: *metaphor, typical situation, verb of intellectual activity, mental meaning, productivity.*

Метафоры понимания носят разнообразный характер, в их основе лежат определенные глубинные представления, позволяющие образовывать новые слова и переносные значения. Поскольку процесс понимания включает в себя человека и окружающий мир, поэтому разные взгляды на отношения между человеком и определенными фактами действительности порождают различные типы метафор [1-7].

В настоящей статье на материале преимущественно глаголов понимания, относящихся к германским (немецкому, английскому), романским (французскому, испанскому) и славянским (русскому, украинскому) языкам, устанавливаются типовые ситуации понимания и соответствующие им виды метафор. Наиболее распространенными в названных языках оказались следующие пять типов метафор, связанных с: 1) движением; 2) получением истины; 3) светом; 4) зрительным восприятием; 5) ударом.

1 Движение. В ментальной лексике метафора движения играет ведущую роль. Интеллектуальная деятельность человека мыслится как движение и часто не имеет внешнего проявления. Человеческая мысль ни на минуту не останавливается, т.е. человек постоянно находится в поисках истины, определенного знания. Зависимо от того, кто является активным в этом процессе – субъект или объект – ситуацию понимания можно рассматривать в двух направлениях: 1) как движение человека к истине, ср.: англ. *grasp* ‘схватывать, понимать, усваивать’; нем. *begreifen / fassen* ‘понимать’; укр. *осягати*; рус. *постигать*; исп. *captar el pensamiento* ‘уловить мысль’ и, наоборот, 2) как движение истины к человеку, ср.: англ. *dawn* ‘приходить в голову, осенить (кого-л.)’; нем. *einfallen / aufblitzen* ‘осенить’; укр. *осягати / осявати*; рус. *осенить*; фр. *une idee (une pensée) lui est venue (à l'esprit)* разг. ‘его осенила мысль’.

Рассмотрим подробнее каждый из подтипов метафоры движения.

1.1 Движение человека к истине. Язык может рассматривать интеллектуальный процесс человека как работу его мысли, как поступательное или внезапное движение к истине, ср.:

англ. *to come to conclusion* ‘прийти к выводу, решить’; нем. *er fasst alles schnell* ‘он схватывает все быстро’; укр. *схопити / схоплювати думку*; рус. *идти (прийти) к пониманию*; исп. *captar el pensamiento* ‘уловить мысль’; фр. *saisir le sens* букв. ‘схватить (уловить) смысл’, т.е. ‘понять что-л.’

Полученные в процессе понимания определенные знания интерпретируются в языке как достижение некоторой цели, как результат предшествующих действий субъекта, связанных с его движением в определенном пространстве, среде, ср.:

рус. *дойти (доходить) до чего-либо, найти / постичь что-л.*, разг. прен. *донереть*, сленг. *въехать*; англ. *come (to something)* ‘прийти к пониманию чего-л.’, *get next (to the idea)* ‘уловить’, букв. ‘приблизиться (к идее)’, *reach* ‘постигнуть’, *bottom* букв. ‘коснуться дна’, *fathom* ‘проникнуть, дойти до глубины’; нем. *eingehen* букв. ‘войти’; укр. *дійти / доходити*; исп. *llegar a la*

alucinacion ‘дойти до чего-л. своим умом’; фр. *saisir l'intention de qn* букв. ‘схватить (уловить) намерение’, т.е. ‘угадать намерение’.

Если понимание связано с трудностями, то оно вербализуется как преодоление препятствий на пути человека к истине. Добавим, что в немецком языке такие глаголы в своей структуре часто содержат префикс *durch-*, который сообщает корневой морфеме смысл ‘движение сквозь что-л.’, а в русском и украинском языках – соответственно префиксы *про-*, *рас-* / *роз-*, ср.: нем. *durchdringen* / *durchschauern* ‘проникнуть’, *durchsteigen* (разг.) букв. ‘продираться сквозь скалы’; рус. *проникнуть во что-л.*, *раскусить что-л.*; укр. *розкусити/розкушувати*; англ. *penetrate, pierce* ‘проникнуть, пронизывать’; исп. *callar el sentido del texto* ‘понять (букв. пробивать) содержание текста’.

В рамках метафоры *мышление – это движение* понимание человеком определенных фактов ассоциируется с достижением субъекта определенного пункта назначения и, наоборот, непонимание им чего-либо – сравнивается с человеком, который заблудился во время путешествия, ср.:

англ. *to guess / wonder* ‘теряться в догадках’, аналогично: нем. *sich in Vermutungen ergehen*; рус. *теряться в догадках*, т.е. ‘не понимать чего-л.’.

Достижение истины предстает в сопоставляемых языках как внезапная/неожиданная встреча, ср.: англ. *tumble (on smth)* ‘натолкнуться (на что-л.)’, *be on (to smth)*, *nick (it)* ‘попасть в точку, угадать (что-л.)’; рус. *напасть (на счастливую мысль)*, *наткнуться / натолкнуться (на разгадку)*; укр. *наштовхнутися (на розгадку)*, *угадати (вгадати)*.

1.2 Движение истины к человеку. В метафорах этого типа процесс понимания рассматривается языком под противоположным углом зрения, т.е. не человек движется к истине, а наоборот, истина (мысль, идея) – к человеку:

англ. *go in* букв. ‘войти’, *get through* ‘достичь (кого-л.)’, *come (in) upon* ‘прийти в голову’, *come (to somebody)* ‘дойти до сознания’, *come home to somebody* букв. ‘прийти домой’, ‘дойти (до кого-л.)’, *rush into one's mind* букв. ‘ворваться в чье-л. сознание’, *penetrate* ‘проникнуть’, *be borne in* ‘становиться понятным’, букв. ‘вдавливаться’, *sink in* ‘дойти до сознания’, букв. ‘погрузиться’;

исп. *ocurrirse una idea* разг. перен. ‘прийти в голову; натолкнуться на мысль’, *venir a las mientes / acudir al pensamiento* разг. ‘прийти в голову’; фр. *une idee (une pensée) lui est venue (à l’esprit)* разг. ‘его осенила мысль’; рус. *доходить / дойти (до кого-нибудь)*; укр. *дійти (до когось), прийти (в голову) / приходити (на думку), осяяти / осявати (когось)*; нем. *einfallen* ‘прийти в голову’, ср. также употребляемый в шутливой форме в немецкой разговорной речи фразеологизм *der Groschen ist gefallen (bei jmdm)* букв. ‘монета упала (у кого-л.)’, по аналогии с телефоном-автоматом, который заработал после приема монеты (т.е. наконец человек что-то понял). Аналогичная метафора отмечена и в испанском языке: *caer en la cuenta* букв. ‘падать на счет, т.е. наконец кто-то что-то понял’.

2 Получение истины. Понимание в языковой картине может рассматриваться как присвоение истины. Так образовались следующие глаголы и выражения:

рус. *осмысливать / осмыслять, осознавать, брать в толк*; англ. *to comprehend, apprehend* ‘понимать’ (от латинского *prehendere* ‘схватить, овладеть’), *acquire* ‘понять’, букв. ‘овладеть’, *conceive* ‘постигать, понимать’ (от латинского *concipere* ‘принимать, вбирать, впитывать’), *perceive* ‘постигать, понимать’ (от латинского *percipere* ‘охватывать, овладевать’), *absorb* ‘понять’, *take in* ‘усвоить’; нем. *mitkriegen / mitbekommen / wegbekommen / wegstehlen / rauskriegen / abkriegen* ‘понять’, а также: *einen glänzenden Gedanken haben* ‘осенить’; укр. *оволодівати / заволодівати когось чим*.

Истина может двигаться не только к человеку, но и от него – отплывая, ускользая, – и в таком случае ее необходимо уловить. Так возникают метафорически переосмысленные глаголы типа: рус. *схватить / схватывать (мысль на лету)*; аналогично: укр. *спіймати / уловити (вловити) думку*; англ. *to grasp (the meaning of)*; нем. *(er)fassen / auffassen / schnallen*.

3 Свет. В русском языке для концептуализации понимания важной представляется метафора света, которая лежит в основе ментальных значений многих слов, например: *просветить, пролить / бросить свет, высветить,*

озарить, осветить, проясниться, забрезжить, блеснуть (о мысли). На основе этой метафоры в английском языке образовались глаголы и глагольно-именные выражения типа *become clear* ‘становиться ясным’, *dawn* ‘стать понятным’, *flash* ‘блеснуть’, *to see daylight* букв. ‘увидеть дневной свет’, т.е. ‘увидеть выход из положения’, *to see the light* ‘прозреть, понять в чем дело’. Метафоры света встречаются также в немецком, украинском, испанском и французском языках, ср.: нем. *einleuchten* ‘становиться ясным, очевидным’; укр. *висвітлювати, прояснитися / прояснятися*; исп. *iluminar* ‘постигать, охватывать (о мысли)’, *iluminarse* перен. ‘просветлеть’; фр. *jeter (tt) une lumière sur qch.* букв. ‘кинуть свет на что-л.’, *éclaircir* перен. ‘прояснить что-л.’.

Напротив, отсутствие понимания (знания) в языковом сознании человека связывается с идеей темноты, ср.: рус. *Ученье – свет, неученье – тьма*, а также однокорневые производные в аналогичном значении: *темный* 3. ‘неясный, непонятный’; 6. ‘невежественный, отсталый’; *темнить* 1. ‘делать темным’, 2. перен. прост. ‘путать, обманывать’; *затмение* разг. ‘временное помрачение сознания’, аналогично: нем. *verdunkeln* ‘unklar machen’: *Der Täter versuchte, die Vorgänge während der Tat zu verdunkeln* букв. ‘Преступник пытался сделать темными события преступления (т.е. запутать/обмануть)’; исп. *o(b)scurecer / obnubilar* ‘темнить, неясно выражать мысль’.

С идеей темноты связана также идея помутнения разума у сумасшедших, невежд, ср.: рус. *помрачение рассудка, мракобесие, обскурантизм*; аналогично: исп. *alucinacion* (разг.). Темнота, мрак порождают хаос, в котором факты утрачиваются и становятся невидными, недоступными для понимания. Неполное или нечеткое понимание определенных вещей, явлений напоминает плохое освещение или занавес, который в момент понимания как бы спадает, либо ассоциируется с туманом, который рассеивается и позволяет человеку увидеть окружающий мир, ср. другие сходные переносные значения в русских однокоренных словах: *туман* ‘О состоянии неясности, смешанности мыслей, представлений’, *(за)туманить* ‘лишать возможности ясно видеть или

соображать», *туманный* «неясный, непонятный, неопределенный», аналогично: фр. *nébuleuse* перен. «неясные (букв. туманные) идеи».

4 Зрение. Метафора *понимание* – это зрение тесно связана с выше рассмотренной метафорой *свет* – это *понимание*, поскольку свет и зрение дают человеку более полную информацию об объектах окружающего мира, чем все другие чувства.

Глубокая взаимосвязь зрения и мышления находит свое отражение в языке. Так, в английском языке глагол *to see* «видеть» имеет и ментальное значение «понимать» (на основе видимых признаков): *I don't see his objective* «Я не понимаю (букв. не вижу), какова его цель»; *discern* «различать, понимать», *make out* «различать, разобраться, понять», *become evident* «бросаться в глаза, становиться очевидным», *insight* «глубокое понимание, постижение», *to see the joke* «понять анекдот», аналогично: нем. *einsehen* «понять», (*etw. aus etwas*) *ersehen* «понять (что-л. вследствие чего-л.)»; рус. *разглядеть, присматриваться*; укр. *побачити*. В русском языке базовый глагол зрительного восприятия *видеть* также имеет ментальное значение «понимать», например: *Мать видела по лицу сына, что не все ладно в его семье, но что – он ей не говорил. Нетрудно увидеть, как человека меняет обстановка.*

Полное непонимание в языке часто сравнивается со слепотой, а такой человек именуется слепым, ср.: рус. *слепота* 2. перен. «Неумение понимать, разбираться в чем-н., правильно судить о чем-н.» : *политическая слепота*. Аналогичные параллели отмечены и в немецком языке: *eine geistige, politische Blindheit* «духовная, политическая слепота», ср. также такие пословицы: *Blinde Eifer schadet nur* букв. «Слепое старание лишь вредит»; *Die Liebe macht blind* букв. «Любовь делает слепым», и выражения: *das Augenlicht widererlangen* «прозреть» (глаза как бы вновь начинают воспринимать свет); *Er ist nicht nur blind, sondern sieht auch schlecht* букв. «Он не только слепой, но к тому же он и плохо видит», т.е. абсолютно глупый; *Das merkt ein Blinder* «Это совершенно ясно и не требует объяснений» (букв. это видит и слепой) .

На базе данного типа метафоры построены ментальные значения некоторых выражений и в английском языке: англ. *he was enlightened* ‘тут он и прозрел’, аналогично: укр. *прозрівати / прозріти*; рус. *прозреть*.

5 Удар. Понимание как толчок, вспышка, удар (в частности, электрический) лежит в основе многих метафорических переносов, ср.: англ. *the truth suddenly burst upon him* ‘внезапно его осенило, внезапно он все понял’; *he had a hunch* ‘его внезапно осенило’; нем. *er wurde plötzlich von einem glänzenden Einfall erleuchtet* ‘внезапно его осенила блестящая мысль (идея)’, *jetzt hat es bei mir gezündet / gefunkt* (разг.) букв. ‘сейчас у меня вспыхнуло (загорелось)’; рус. *его ударило (толкнуло, подтолкнуло; стукнуло), пронзила мысль*; укр. *йому спало на думку (щось)*; исп. *una idea brillo en su mente* букв. ‘идея блеснула в его сознании’, т.е. ‘его осенила определенная мысль’, аналогично: исп. *una idea cruzo por su mente* букв. ‘мысль пересекла его сознание’; фр. *une pensée m’a traversé l’esprit* ‘у меня мелькнула мысль’ (букв. ‘мысль прошла сквозь мое сознание’).

Итак, в основе понимания в германских, романских и славянских языках лежат универсальные типы метафор, часто вербализующиеся в виде оппозиции (свет – тьма; движение истины к человеку – движение человека к истине; зрение – слепота; получение истины; удар). Наиболее продуктивным типом метафоры при описании процесса понимания в сопоставляемых языках является метафора света. Важную роль в сфере глаголов интеллектуальной деятельности во всех исследованных языках играет также метафора движения и метафора «понимание – это зрение».

Список литературы

1. *Апресян, Ю. Д.* Избранные труды. Т. 1. Лексическая семантика [Текст] / Ю. Д. Апресян. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. – 472 с.
2. *Апресян, Ю. Д.* Синонимия ментальных предикатов: группа *считать* [Текст] / Ю. Д. Апресян // Логический анализ языка : Ментальные действия. – М. : Наука, 1993. – С. 7-22.
3. *Арутюнова, Н. Д.* Языковая метафора (синтаксис и лексика) [Текст] / Н. Д. Арутюнова // Лингвистика и поэтика. – М. : Наука, 1979. – С. 30-35.
4. *Зализняк, А. А.* Метафора движения в концептуализации

интеллектуальной деятельности [Текст] / Анна А. Зализняк // Логический анализ языка. Языки динамического мира. – Дубна: Международный университет природы, общества и человека «Дубна», 1999. – С. 10-23.

5. *Иомдин, Б. Л.* Лексика иррационального понимания : автореф. дис. ... канд. филол. наук [Текст] / Б.Л. Иомдин. – М., 2002. – 24 с.

6. *Падучева, Е. В.* К аспектуальным свойствам ментальных глаголов : перфектные видовые пары [Текст] / Е. В. Падучева // Логический анализ языка. Ментальные действия. – М. : Наука, 1993. – С. 309-375.

7. *Фоллесдаль, Д.* Понимание и рациональность [Текст] / Д. Фоллесдаль // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. XVII : Логический анализ естественного языка. – М. : Прогресс, 1986. – С. 47-58.

В. Ф. Белова

ФГБОУ ВО «Пятигорский
государственный университет»,
г. Пятигорск
e-mail: belovav2008@yandex.ru

V. F. Belova

Pyatigorsk State University,
Pyatigorsk

А. Р. Сабержанова

ФГБОУ ВО «Пятигорский
государственный университет»,
г. Пятигорск
e-mail: enerix@yandex.ru

A.R. Saberzhanova

Pyatigorsk State University,
Pyatigorsk

Средства выражения экспрессивности в немецком политическом и парламентском дискурсах

Статья посвящена исследованию средств экспрессивизации в политическом и парламентском дискурсах на материале немецкого языка. Проводится анализ наиболее употребительных средств экспрессивизации, а также выявляются некоторые сферы-источники, которые особенно актуальны в экспрессивной речи политиков Германии.

Ключевые слова: *парламентский дискурс, политический дискурс, экспрессивность, сфера-источник*

The article investigates the expressive means in political and parliamentary discourses in German. The analysis of the expressive means in common use and identifies some source sphere, which are relevant in expressive speech of German policy.

Key words: *Parliamentary discourse, political discourse, expressivity, source sphere*

Политическая деятельность всегда играет важную роль в жизни общества. От политической позиции или ситуации зависит место страны на международной арене, зависят также ее взаимоотношения с другими государствами, определяется ее роль в деятельности мирового сообщества. Имидж страны определяется, не в последнюю очередь, речью политических лидеров какого-либо государства. Политики обращаются к международному сообществу и к гражданам своей страны посредством их выступлений.

Экспрессивные языковые средства активно развиваются внутри самого публицистического стиля [1: 7]. Написание публичной речи довольно сложный процесс и во многих случаях политики, выступая перед слушателями, должны не только проинформировать аудиторию о каком-либо аспекте общественной жизни, но и, что важнее, добиться положительной оценки своего мнения

аудиторией, убедить слушателей принять ту или иную позицию, а также получить поддержку граждан.

Большинство политиков воздействуют на аудиторию специальными, эмоционально окрашенными речевыми средствами. Политики, цель которых достичь психологического эффекта, стараются отходить от традиционных форм общения. Эмоциональность речи, её экспрессивность исследуются активно лингвистами [3: 122-129]. Интерес к данной проблематике, который ярко проявился в последнее время, объясняется рассмотрением проблематики «языковой личности». Благодаря целому комплексу языковых факторов можно рассматривать поведение человека, его моральные качества и, в общем, его внутреннюю духовную деятельность.

Исследования публичных выступлений [4: 47-57] позволяют предвидеть дальнейшие действия и намерения политика, а также узнать о наиболее эффективных способах воздействия на слушателей.

Большинство политических деятелей используют метафоры, так как они более четко выражают индивидуальность и специфику их речи. Знаменательным является название книги Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Метафоры, которыми мы живем» [5: 28], которое свидетельствует о значимости данного вида переноса значения слов.

Сопоставительное исследование парламентского и политического дискурсов показывает, что абсолютно все тексты официальных речей, нашедших преломление в статьях или интервью многих нынешних немецких политиков, характеризуются употреблением большого количества метафор [2: 183-187]. Если рассматривать метафоры с точки зрения когнитивистики, то можно сказать, что они воплощают все знания немецких политиков о социально-политическом положении в Германии, в Евросоюзе, а также в мире в целом. Метафоры вскрывают самые актуальные проблемы, о которых говорят политики в политической коммуникации.

Использование метафор помогает повысить внимание аудитории или заставить слушателей/читателей действовать так, как «правильно» по мнению

политиков. Практически все политики довольно часто используют метафорические аргументации для того, чтобы побудить аудиторию понять свою точку зрения, так как они наиболее ярко ее отражают.

Например, Франк Швабе (СДПГ) сообщает в интервью о Турции следующее:

(1) *Nach meinem Eindruck haben wir beim Thema Stimmrechtsentzug gelernt, dass Sanktionen gegen Abgeordnete nicht der richtige Weg sind* [6].

Политик говорит, что санкции против самих политиков не являются правильным путем. Метафора *nicht der richtige Weg* взята из сферы-источника «природа». Подобные метафоры показывают реальные предметы и ситуации, в которых происходит коммуникация политиков.

Представитель ООН по координации гуманитарных вопросов Йенс Лэрке в речи о беженцах и о Сирии в целом прибегает к традиционной метафоре:

(2) *Wir operieren mit einem 3,8 Milliarden Dollar-Budget in Syrien* [7].

В этом случае следует обратить внимание на подбор глагола *operieren*, который имеет прямое значение ‘проводить операцию, оперировать’ из сферы-источника «медицина». Такой выбор лексической единицы говорит о том, что с данным бюджетом обходятся аккуратно и внимательно распределяют его. Представитель этой же организации Криста Армстронг подчеркивает:

(3) *Wir stehen im ständigen Dialog ...* [7].

Устойчивая метафора *im ständigen Dialog stehen* ‘находиться в постоянном диалоге’ объясняет слушателю / читателю необходимость и реальность взаимного диалога и напряженной работы в этом направлении. Сферой-источником данной метафоры является «общение».

Во время посещения французского порта Кале, президент Олланд объявил о полном сносе джунглей (*Dschungel*), т. е. лагеря беженцев [8]. Такой перенос значения взят из сферы-источника «природа», что подразумевает дикость для цивилизованного общества. По его мнению, люди должны быть распределены по всей территории страны. Слушатель / читатель понимает, что Олланд считает неприемлемыми лагеря беженцев для современного мира.

Парламентарии используют эмотивность в своей речи не так часто, но иногда присутствуют некоторые высказывания, требующие особого внимания: Валери Вилмс (партия «Зеленые») говорит о реформе, используя метафорический оборот из сферы-источника «движение»:

(4) *Und diese heute zu beschließenden Gesetzesänderungen sind doch nur ein klitzekleiner Schritt hin zu einer echten Reform* [9] ‘И эти изменения в законе, которые необходимо сегодня принять, являются всего лишь одним крохотным шажком к настоящей реформе’.

Вышеприведённые слова политика говорят о небольшом, но все же продвижении в нелегкой политической ситуации.

В следующем примере обращение к фрейму «движение» *von Sieg zu Sieg eilen* подчеркивает опасность развития ситуации в Германии в связи с тем, что партия «Альтернатива для Германии» быстрыми темпами набирает популярность:

(5) *Wir brauchen in Zeiten, in denen die AfD von Sieg zu Sieg eilt, einen Kandidaten, der weit über jedes Spektrum hinaus Akzeptanz findet* [10].

Метафоры, используемые политиками в своих выступлениях, а также журналистами, которые комментируют эти выступления, демонстрируют эмоциональный накал обсуждаемой проблематики. Как подтверждение данного утверждения можно привести цитаты, характеризующие другую ситуацию: *den Albtraum beenden* [11] (по отношению к бомбардировкам в Сирии).

Экспрессивно окрашенное предложение, возникающее в результате изменения порядка слов и подключения парантезы, также важно для рассмотрения. Эти средства позволяют сделать более очевидным для читателя логическое завершение одной мысли. Так, исполнительный секретарь партии «Союз-90» / «Зеленые» Бритта Хассельман высказывалась в парламентских дебатах о правах человека:

(6) *Deshalb haben wir gerne, Herr Grosse-Brömer, im allerletzten Moment – es war wirklich die allerletzte Möglichkeit vor Fristsetzung – dem Gesetz zugestimmt, damit das Deutsche Institut für Menschenrechte abgesichert werden konnte ...* [9].

В этом же предложении эмоциональность создается за счет повторов. Повторяется суперлативная форма прилагательного *allerletzt*, подчеркивающая необходимость быстрых и решительных мер.

Для выражения иронии политики зачастую выбирают слова, которые сами по себе не обладают иронической наполненностью, поскольку лексическая система языка не имеет большого количества единиц с ироническим смыслом. Во время выступления на этом же заседании парламента в Бундестаге, представитель СДПГ Карамба Дьяби высказался в ответ на слова Бритты Хассельман: *Na, na! So ist das nicht!* [9]. В высказывании особо чувствуется ирония, которая выражается междометием *Na, na!*.

В лексической сфере необходимо упомянуть устойчивые выражения и фразеологизмы, способствующие экспрессивизации высказываний:

(7) *Der sonst eher als zurückhaltend bekannte UN-Generalsekretär Ban Ki-Moon nahm kein Blatt mehr vor den Mund* [11] ‘Известный своей сдержанностью генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун говорил в этот раз без обиняков’.

Важным средством воздействия на аудиторию является экспрессивная лексика. В процитированном ранее высказывании политика (4) употребляется усилительное прилагательное *klitzeklein*, подчеркивающее со всей экспрессивностью трудность пути в продвижении в нелегкой политической ситуации.

Риторический вопрос – прием, использующий вопросительную форму для наиболее яркого выражения мысли. Лидер СДПГ Зигмар Габриэль сообщил интернет-порталу Deutsche Welle, что на совещании обсуждали гражданские протесты в Сирии против войны:

(8) *Ich habe ja Verständnis für Demonstrationen gegen CETA. Aber wo ist der Aufschrei der Weltöffentlichkeit gegen den Krieg in Syrien? Wo ist der Aufstand?* [12] ‘... Но где крик мировой общественности против войны в Сирии?’.

Задав риторический вопрос, З. Габриэль показывает, что в принципе мировую общественность не особо интересует ситуация в Сирии, свидетельством чего является отсутствие «крика мировой общественности».

Риторический вопрос усиливает эмоциональное напряжение во фразе. По сути, ответ на риторический вопрос настолько очевиден, что его можно прочесть «между буквами» вопроса, где и «спрятан» главный смысл. Ср. также:

(9) *Glaubt Russland wirklich, dass es Vertrauen gewinnen kann ...* [11].

Несмотря на свою широкую открытость для проникновения в него лексических единиц из других сфер жизни, немецкий политический язык имеет свои специфические, собственно политические языковые формы. Подобные исследования могут показывать предпочтения каких-либо политиков при выборе той или иной понятийной области для описания политического действия. Экспрессивность в политической речи выражается многими средствами, но основные из них – это метафоры. Были также выявлены некоторые сферы-источники, которые на сегодняшний день особенно актуальны в политической экспрессивной речи: природа, медицина, общение, движение.

Список литературы

1. Белова, В. Ф. Употребление артикля в жанрах немецкой газеты : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Московский гос. пед. ин-т им. Мориса Тореза [Текст] / В. Ф. Белова. – М., 1973. – 25 с. 2. Белова, В. Ф. Экспрессивизация как стратегия парламентского дискурса [Текст] / В. Ф. Белова // Вестник ПГЛУ. – 2015. – № 2. – С.183-187. 3. Белова, В. Ф. Сопоставительное исследование метафор в парламентском и публицистическом дискурсах на немецком языке [Текст] / В. Ф. Белова // Политическая лингвистика. – Екатеринбург, 2015. – Вып. 2 (52). – С. 122-129. 4. *Belova, V. F. The Functions of the Replying Component in the German Parliamentary Discourse* / [Text] // 7th International Scientific and Practical Conference «Science and Society» 29-30 August 2014 / Наука и общество. – Лондон : SCIEURO, 2014. Vol. 2, No 2. – P. 46-56. 5. *Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем* [Текст] / Дж. Лакофф, М. Джонсон ; пер. с англ. А. Н. Баранова и А. В. Морозовой ; под ред. и с пред. А. Н. Баранова. – 2-е изд. – М. : Изд-во ЛКИ, 2008. – 256 с.

Список источников примеров

6. *Interview mit dem SPD-Abgeordneten Frank Schwabe, stellvertretender Leiter der Bundestagsdelegation, zur Frühjahrssession der Parlamentarischen Versammlung des Europarats vom 10. bis 14. Oktober 2016 in Straßburg* [Электронный ресурс]. – URL. : <http://www.bundestag.de/dokumente/textarchiv/>

2016/kw40-interview-schwabe/446578 (дата обращения: 08.10.16). 7. *Syrien : NGOs stoppen Arbeit mit UN* [Электронный ресурс]. – URL. : <http://www.dw.com/de/syrien-ngos-stoppen-arbeit-mit-un/a-19540714> (дата обращения 28.09.16). 8. *Hollande kündigt in Calais Abriss des „Dschungel“ an* [Электронный ресурс]. – URL. : <http://www.dw.com/de/hollande-kündigt-in-calais-abriss-des-dschungel-an/a-35887466> (дата обращения: 04.10.16). 9. *Deutscher Bundestag* [Электронный ресурс]. – URL. : <http://dip21.bundestag.de/dip21/btp/18/18158.pdf> (дата обращения : 02.09.16). 10. *Deutschland sucht den Bundespräsidenten* [Электронный ресурс]. – URL. : <http://www.dw.com/de/deutschland-sucht-den-bundespräsidenten/a-19571946> (дата обращения: 04.10.16). 11. *UN-Sicherheitsrat demonstriert Hilflosigkeit zum Krieg in Aleppo* [Электронный ресурс]. – URL. : <http://www.dw.com/de/un-sicherheitsrat-demonstriert-hilflosigkeit-zum-krieg-in-aleppo/a-35887195> (дата обращения: 04.10.16). 12. *Gabriel ruft zu Friedensdemos für Syrien auf* [Электронный ресурс]. – URL. : <http://dw.com/p/1K7Kx> (дата обращения: 23.09.16).

Н. В. Берещенко

УО «Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины», г. Гомель
e-mail: *nadusha_b@inbox.ru*

N. V. Bereschenko

Francisk Scorina
Gomel State University,
Gomel

Произносительные варианты британского английского

В данной статье анализируются основные особенности двух произносительных вариантов современного британского английского – Received Pronunciation и Estuary English, знание которых позволяет скорректировать произношение, уменьшить фонетическую интерференцию, служит развитию аудитивных навыков, что является непременным условием эффективной иноязычной коммуникации.

Ключевые слова: британское нормативное произношение, эстуарный английский, сращение согласных, гортанная смычка, вокализация.

This article analyzes the main features of the two variants of pronunciation of modern British English – Received Pronunciation and Estuary English, the knowledge of which allows to correct pronunciation, reduce phonetic interference and develop auditive skills, which is a prerequisite for an effective foreign language communication.

Key words: *Received Pronunciation, Estuary English, coalescence, glottalling, vocalization.*

В статье изучаются основные особенности двух произносительных вариантов современного британского английского, а именно, Received Pronunciation (RP) или британского нормативного произношения, и Estuary English или эстуарного английского. Настоящее исследование ставит своей целью помочь изучающим английский язык скорректировать свое произношение, сделав его звучание более естественным и современным, уменьшить фонетическую интерференцию, повысить способность к совершению действий и операций по узнаванию и различению отдельных фонем, слов, смысловых синтагм, предложений и т. д. (развитие аудитивных навыков), что является непременным условием эффективной иноязычной коммуникации. Именно сформированность устойчивых норм произношения обеспечивает последующее нормальное функционирование диалогической и монологической устной речевой деятельности, а также является непременным условием успешного восприятия и понимания речи на слух, т.е. аудирования.

Практический опыт обучения иностранному языку, практика устного перевода и просто общения на иностранном языке убеждают в том, что

аудирование является одним из самых сложных видов речевой деятельности. Существует целый ряд объективных сложностей, препятствующих пониманию речи с первого раза [2: 125]. Проблемы с восприятием речи на слух зачастую обусловлены звуковыми особенностями иностранного языка и имеют чисто фонетическую природу, будучи непосредственно связаны с фонологической компетенцией [1: 152].

Существует большое количество вариантов произношения английского языка. Эти разновидности отражают социальный класс, к которому принадлежит говорящий, географический регион, откуда он родом, также они передают стилистические коннотации речи.

Каждый национальный вариант английского языка имеет свою собственную орфоэпическую норму, например RP (Received Pronunciation) или южноанглийский является орфоэпической нормой для британского варианта английского языка [3: 112], General American – вариант, считающийся стандартом для американского варианта английского языка [3: 117]. Каждая из этих орфоэпических норм имеет свои особенности.

Вариант Received Pronunciation (RP) был принят в качестве фонетической нормы английского языка около ста лет назад [3: 112]. Он в основном базируется на южноанглийском региональном произношении, но с течением времени развил свои собственные особенности, которые сделали его самостоятельным вариантом произношения, не относящимся к какому-либо конкретному региону страны. RP используется по всей Великобритании сравнительно небольшим числом британцев (около 3 %) [8], которые получили привилегированное образование в частных школах Великобритании. RP фактически является социальным стандартом произношения английского языка, из-за чего его часто называют престижным, шикарным (posh) акцентом.

Следует отметить, что RP является произносительной моделью, на которую традиционно ориентируются изучающие британский вариант английского как иностранный. Таким образом, мы считаем необходимым подробно остановиться на тех изменениях, которые произошли в британском

нормативном произношении (RP) в течение десятилетий. По мнению британского лингвиста и фонетиста Дж. Уэллса, изучающие английский язык должны быть знакомы с данными характеристиками, не смотря на то, что они не являются обязательными для имитации в собственном производстве речи обучаемых [9].

Основные изменения, которые повлияли на RP, Дж. Уэллс [Там же] группирует по трем хронологическим категориям: 1) начало XX века, 2) середина XX в., 3) конец XX в. Остановимся на наиболее важных из них.

1) Дж. Уэллс отмечает такие изменения в RP начала XX в.:

Слияние [ɛə] и [ɜ:]. Раньше наблюдалось различие в произношении в парах слов, таких как, напр.: *floor* [flɔə] и *flaw* [flɔ:]. В современном RP *floor* и *flaw* являются омофонами, также как и *four* и *for*, *cores* и *cause*, *shore* и *Shaw*.

Дифтонг [oʊ] изменил свое качество и стал [əʊ], ядром дифтонга сейчас выступает нелабиализованный гласный смешанного ряда среднего подъема, вместо огубленного гласного заднего ряда [o], транскрипция фонемы была изменена в 1962 году [9].

2) Изменения в RP в середине XX в.:

Исчезновение [ʊə]. Слова, содержащие ранее дифтонг [ʊə] все чаще произносятся с [ɜ:]. Таким образом, *your* произносится не как [jʊə], а как [jɜ:]. *Poor*, *sure*, *moor*, *cure*, *tourist* часто звучат как [pɜ:, ʃɜ:, mɜ:, kjɜ:, 'tɜ:rist].

Переход от слабого [ɪ] к [ə]. В безударном слоге [ə] все чаще употребляется в тех позициях, где раньше звучал [ɪ]. Поэтому *possible* сейчас звучит ['pɒsəbl], а не как раньше – ['pɒsɪbl].

Сращение согласных звуков [tj] и [dj] (Yod-coalescence). В английском языке уже давно наблюдалась тенденция превращать [tj] в [tʃ], [dj] в [dʒ], например, как в слове *nature*, где [t] и [j] уже давно заменены на аффрикату [tʃ] – ['neɪtʃə]. В течение двадцатого века данный процесс получил дальнейшее развитие – [pə 'petʃʊəl, 'grædʒʊeɪt].

Гортанная смычка (T-glottalling). Смычно-взрывной согласный звук [t] часто заменяется гортанной смычкой [ʔ], как в *football* ['fʊʔbɔ:l], *quite good* [kwaɪʔ gʊd], *witness* ['wɪʔnəs], *quite wrong* [kwaɪʔ rɒŋ] [Там же].

3) Для конца XX в. Дж. Уэллс отмечает такие изменения в RP:

Гортанная смычка (T-glottalling), употребление которой распространяется на конечное положение в слове – *quite easy* [kwaɪʔ 'i:zi], *take it off* [teɪk ɪʔ ɒf], *not only* [nɒʔ 'əʊnli] и абсолютно конечное положение (в конце предложения перед паузой) – *right* [raɪʔ].

Вокализация L. В RP традиционно описывается два основных аллофона звука [l] – светлый оттенок [l], используемый перед гласными и сонантом [j] и темный [ɫ], используемый перед согласными и в конце слов. Именно темный оттенок [ɫ] подвергается процессу вокализации и становится гласным, т.е.: [ɫ] → [o]. Таким образом, при произнесении таких слов, как *milk* (традиционно [mɪlk]), кончик языка может вообще не касаться альвеол: вместо этого произносится новый вид дифтонга – [mɪok]. По аналогии *shelf* становится [ʃeɒf], *tables* ['teɪbɔz], *apple* ['æpɒ].

Сращение согласных звуков [tj] и [dj] (Yod-coalescence) распространяется теперь на ударные слоги. Так, например, слово *Tuesday*, первоначально имеющее в начале ['tju:z-], начинает звучать ['tʃu:z-], идентично *choose* [tʃu:z]. Слова *tune* и *duke* звучат как [tʃu:n], [dʒu:k], а в *reduce* второй слог произносится как *juice* [9].

Второй широко употребляемый вариант произношения в Британии – эстуарный английский (Estuary English). Данный вид произношения широко распространен на юго-востоке Англии, особенно вдоль реки Темзы и ее устья. Впервые он был замечен в начале 1980-х годов. Термин «эстуарный английский» был впервые употреблен Дэвидом Роузварном в 1984 году и происходит от английского названия устья Темзы [4].

Фонетист Дж. Уэллс определяет эстуарный английский как переходный вариант между стандартным британским английским RP и кокни (диалектом лондонского Ист-Энда) [6]. Эстуарный английский можно услышать в

восточном Лондоне, на севере Кента и на юге графства Эссекс, он имеет много общего с лондонским диалектом кокни, и среди лингвистов ведутся споры о границах одного и другого [7].

Эстуарный английский распространяется под влиянием эгалитаризма, а также благодаря популярной культуре и средствам массовой информации. В последние десятилетия наблюдается снижение употребления RP и возможная замена последнего эстуарным английским. Таким образом, эстуарный английский становится новой моделью для имитации. Как правило, он воспринимается, как компромисс между использованием лондонского просторечья кокни и RP, его можно услышать от учеников престижных частных учебных заведений, в палате общин, в деловых кругах, на государственной службе, в органах местного самоуправления, а также в средствах массовой информации на юго-востоке страны.

Использование эстуарного английского для многих начинается как адаптация сначала к школе, а затем к трудовой жизни, и часто ведет к принятию данного вида произношения также и в частную жизнь. Данную тенденцию можно рассматривать как лингвистическое отражение изменений в классовых барьерах в Великобритании [4].

К наиболее значимым фонетическим особенностям эстуарного английского Дж. Уэллс относит следующие явления:

Удлинение и напряженный характер [i:] в позиции перед гласным и в конце слова: *happy* ['hæpi:], *city* ['siti:], *lovely* ['lʌvli:]. В ряде работ [ср. 6; 9] исследователь для обозначения данных изменения конечного [ɪ] на звук, по своим качественным характеристикам являющийся промежуточным между [ɪ] и [i:], использует значок [i] – ['hæpi, 'kɒfi, 'væli].

Опускание звука [h] (H-dropping), т. е., отсутствие [h] в ударных словах, например: *hat* [æʔ] [5].

Замена согласных [θ, ð] звуками [f, v] (Th-Fronting) [Там же] – замена межзубных согласных [θ, ð] звуками [f, v] соответственно, как, например, в словах *three* [fri:], *think* [fiŋk], *north* [nɔ:f], *other* ['ʌvə].

Другие фонетические особенности были перенесены в современное нормативное произношение (RP) и были описаны выше – вокализация L, гортанная смычка (T-glottalling), сращение согласных звуков [tj] и [dj] (Yod-coalescence).

Таким образом, с фонетической точки зрения эстуарный английский представляет собой нечто среднее, компромисс между традиционным RP, с одной стороны, и кокни, с другой. Многие из характеристик эстуарного английского постепенно включаются в орфоэпическую норму британского английского, RP. Тем не менее, учителям иностранного языка, применяющим британско-ориентированный английский, рекомендуется продолжать использовать RP в качестве произносительной модели. Однако данную модель, по мнению Дж. Уэллса, следует время от времени пересматривать и обновлять [9]. В этом и заключается перспектива исследования.

Список литературы

1. *Берещенко, Н. В.* Основные трудности восприятия и понимания иноязычной речи на слух [Текст] / Н. В. Берещенко // Вопросы лингвистики и методики преподавания иностранного языка : Сб. науч. статей. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2015. – Вып. 5. – С. 151-156.
2. *Соловова, Е. Н.* Методика обучения иностранным языкам : Пособ. для студентов пед. вузов и учителей. – 3-е изд. [Текст] / Е. Н. Соловова. – М. : Просвещение, 2005. – 239 с.
3. *Borisova, L. V.* Theoretical Phonetics / L. V. Borisova, A. A. Metlyuk. – Minsk : Вышэйшая школа, 1980. – 144 p.
4. *Rosewarne, D.* Estuary English / David Rosewarne [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.phon.ucl.ac.uk/home/estuary/rosew.htm>. – (Дата обращения : 10.10.2016).
5. *Wells, J. C.* Estuary English / John C. Wells [Электронный ресурс]. – Режим доступа : www.phon.ucl.ac.uk/home/estuary/Estuary_English.pdf. – (Дата обращения : 10.10.2016).
6. *Wells, J. C.* Questions and answers about Estuary English, 1998-1999 / John C. Wells [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.phon.ucl.ac.uk/home/estuary/ee-faqs-jcw.htm> (Дата обращения : 10.10.2016).
7. The Info List – Estuary English [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.theinfolist.com/php/SummaryGet.php?FindGo=Estuary%20English>. – htm (Дата обращения : 10.10.2016).
8. *Trudgill, P.* The sociolinguistics of modern RP / Peter Trudgill [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.phon.ucl.ac.uk/home/estuary/trudgill.htm>. (Дата обращения : 10.10.2016).
9. *Wells, J. C.* Whatever happened to Received Pronunciation? / John C. Wells [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.phon.ucl.ac.uk/home/wells/rphappened.htm> (Дата обращения : 10.10.2016).

Л. В. Беспамятная

ФГАОУ ВО «Севастопольский
государственный университет»,
г. Севастополь
e-mail: lilya_pavlova23@mail.ru

L. V. Bespamiatna

Sewastopol State University,
Sewastopol

Межъязыковые вероятностные универсалии (на примере терминов кораблестроения)

Статья посвящена поиску межъязыковых универсалий в сфере субстантивных терминов кораблестроения (СТК) английского, немецкого, русского и украинского языков. Выявляются межъязыковые обобщения формального и семантического типов, позволяющие глубже проникнуть в терминологическую систему кораблестроения сопоставляемых языков и установить универсальные и специфические черты в их организации.

Ключевые слова: универсалия, сопоставительно-типологический метод, семантический тип, термин-словосочетание, композит.

The article deals with the search and formulation of language universals in the field of word-building of substantive ship-building terms in English, German, Russian and Ukrainian. On the basis of the formal and semantic classification of the substantive terms of shipbuilding, built by means of compounding and word-composition according to the comparative-typological approach are determined implicational universals.

Key words: universal, comparative-typological method, semantic type, term-compounding, term-composite.

Современная лингвистическая типология как метод познания общих и особенных свойств отдельных языков и свойств человеческого языка в целом нацелена на поиск общих лингвистических черт и выявление универсалий определенных подсистем языка [3:2].

Объектом настоящего исследования выступают субстантивные термины кораблестроения (СТК), а предметом – СТК со структурой композита и словосочетания в германских (английском и немецком) и славянских (русском и украинском) языках.

Целью данной работы является поиск общих закономерностей в формальной и семантической организации СТК германских и славянских языков. Для достижения поставленной цели предусматривается решить следующие задачи: 1) выявить корпус СТК-композитов и словосочетаний в названных германских и славянских языках; 2) осуществить классификацию СТК-композитов и словосочетаний по формальным и семантическим

признакам; 3) установить межъязыковые универсалии в сфере образования СТК в английском, немецком, русском и украинском языках.

Материалом исследования послужили СТК указанного типа, отобранные методом сплошной выборки из специальных словарей названных языков, а также из интернет-источников и журналов. Общий объем выборки составил 6 966 единиц (англ. – 2128 ед., нем. – 1936 ед., рус. – 1467 ед., укр. – 1435 ед.)

Как указывалось выше, сопоставительно-типологическое исследование языков направлено на поиск универсальных черт, в частности в их отдельных подсистемах. Поиску межъязыковых обобщений были посвящены работы многих лингвистов, в частности Дж. Гринберга [2], С. Д. Кацнельсона [4], М. П. Кочергана [5], Н. Б. Мечковской [6], С. Г. Шафикова [8], С. Ульманна [7], Р. Якобсона [9]. Понятие «универсалия» включает в себя общие законы и тенденции, которые проявляются с высокой степенью вероятности для разных языков или для одного языка в процессе существования во времени [2: 35]. В этой связи в типологии выделяют три типа универсалий:

1) универсальные высказывания о языке (или абсолютные универсалии), которые касаются вообще всех языков и имеют вид «для всех X, где X является языком, имеет место...» [1: 28]. В качестве примера такой универсалии можно привести высказывание «Во всех языках существуют гласные звуки»;

2) импликационные универсалии, которые относятся к ограниченному количеству языков. Данный тип универсалий допускает наличие связи между двумя языковыми явлениями и имеет следующую формулировку: «Если в языке имеет место какое-то явление X, то в нем есть и явление Y, хотя обратное не обязательно правильно, т.е. наличие Y не имплицирует X» [2: 133];

3) статистические универсалии, которые строятся по принципу «Для любого языка наличие X более вероятно, чем любая другая (часто наличие не – X)» [5: 371].

Поиск межъязыковых закономерностей формального и смыслового плана имеет большое значение и при изучении терминологических систем различных языков, поскольку это позволяет не только выявить изоморфные и

алломорфные черты в их организации, но и прогнозировать возможный характер проявления подобных связей в терминологических системах других языков.

Сопоставительный анализ СТК германских и славянских языков дает возможность сформулировать ряд вероятностных межъязыковых обобщений имплицативного характера.

1. Если в языке отмечены СТК-композиции и СТК-словосочетания, то между их базовыми (В) и зависимыми (А) компонентами с большой вероятностью будут существовать семантические отношения акционального, партитивного, орнативного, локативного, модального, эквативного, инструментального, агентивного, субстанционального, кондиционального, компаративного, фигуративного типов [10] (см.табл. 1).

2. Если в языке отмечены СТК-композиции и СТК-словосочетания акционального, партитивного, орнативного, локативного, модального, эквативного, инструментального, агентивного, субстанционального, кондиционального, компаративного, фигуративного типов, то степень продуктивности данных типов в этом языке неодинаковая (см. табл.1).

Во всех германских и славянских языках высокую продуктивность обнаруживают СТК акционального, партитивного, орнативного, локативного и модального типов, а в русском языке – также СТК инструментального типа. Напротив, низкой продуктивностью обладают СТК компаративного типа (за исключением немецкого языка) и СТК фигуративного типа (за исключением английского языка).

3. Если в терминосистеме кораблестроения (ТК) определенного языка имеются партитивные СТК, то в них с большой долей вероятности могут существовать и орнативные СТК, что обусловлено вариациями семантических ролей у их компонентов: зависимого компонента А (целое/часть или носитель/признак) и стержневого компонента В (целое/часть или носитель/признак) (см. табл.1). Ср. следующие *партитивные* СТК: нем. *Bordseite f* ‘борт судна’ → *Seite (В) des Bordes (А)*; англ. *counterplate* ‘лист

обшивки кормового подзора' → *plate (B) of a counter (A)*; рус. *кница бимсовая* → *кница (A) бимса (B)*; укр. *скоба якірна* → *скоба (A) якоря (B)*. Приведем примеры *орнативных* СТК: нем. *Segelschiff n* 'парусное судно, парусник' → *Schiff (B), das die Segel (A) hat*; англ. *membrane tank* 'мембранный танк' → *tank (B), which has a membrane (A)*; рус. *топенант* (А – часть/снасть, поддерживающая конец реи, мачты, стеньги в нужном положении) *стрелы (B)*; укр. *вітка (A) шпангоута (B)*.

Таблица 1

Семантические типы СТК-композигов и СТК-словосочетаний
в немецком, английском, русском и украинском языках

Семантические типы СТК (кол-во единиц)	Примеры
1. Акциональные нем. – 522 англ. – 573 рус. – 519. укр. – 500	нем. <i>Tragflügel m</i> 'подводное крыло' → <i>Flügel (B), der das Schiff trägt (A)</i> ; англ. <i>drilling vessel</i> 'буровое судно' → <i>vessel (B) which drills (A)</i> ; рус. <i>судно буксировочное</i> → <i>судно (B), которое буксирует (A)</i> (ø другие суда); укр. <i>стоп-анкер</i> → <i>анкер (B), який стопорить (A) щось(ø)</i> , (например, корабель).
2. Партитивные нем. – 618 англ. – 554 рус. – 167 укр. – 155	нем. <i>Bordseite f</i> 'борт судна' → <i>Seite (B) des Bordes(A)</i> ; англ. <i>counterplate</i> 'лист обшивки кормового подзора' → <i>plate (B) of a counter (A)</i> ; рус. <i>кница бимсовая</i> → <i>кница (A) бимса (B)</i> ; укр. <i>скоба якірна</i> → <i>скоба (A) якоря (B)</i> .
3. Орнативные нем. – 126 англ. – 241 англ. – 268 укр. – 276	нем. <i>Segelschiff n</i> 'парусное судно, парусник' → <i>Schiff (B), das die Segel (A) hat</i> ; англ. <i>membrane tank</i> 'мембранный танк' → <i>tank (B), which has a membrane (A)</i> ; рус. <i>топенант</i> (А – часть/снасть, поддерживающая конец реи, мачты, стеньги в нужном положении) <i>стрелы (B)</i> ; укр. <i>вітка (A) шпангоута (B)</i>
4. Локативные нем. – 264 англ. – 227 рус. – 86 укр. – 101	нем. <i>Heckabteilung f</i> 'кормовой отсек' → <i>Abteilung (B), die auf dem Heck (A) liegt</i> ; англ. <i>bowthruster</i> 'носовое подрулевающее устройство' → <i>the truster (B) which is on the bow (A)</i> ; рус. <i>анарель кормовая</i> → <i>анарель (B), которая находится на корме (A)</i> ; укр. <i>мідель-шпангоут</i> → <i>шпангоут (B), який розташований на міделі(A)</i>
5. Эквативные нем. – 37 англ. – 59 рус. – 14 укр. – 16	нем. <i>der Fabriktrawler</i> 'траулер-завод' → <i>Trawler (B), der eine Fabrik (A) ist</i> ; англ. <i>base-ship</i> 'судно-база; плавучая база' → <i>a ship (B), which is a base (A)</i> ; рус. <i>контейнер-цистерна</i> → <i>контейнер (A), который является цистерной (B)</i> ; укр. <i>креслення-шаблон</i> → <i>креслення (A), яке є шаблоном (B)</i>
6. Модальные нем. – 97 англ. – 104 рус. – 96 укр. – 97	нем. <i>Senkrechtuder n</i> 'вертикальный руль' → <i>Ruder (B), das senkrecht (A) steht</i> ; англ. <i>pair masts</i> 'парные мачты' → <i>masts(B) which in pairs (A) situate</i> ; рус. <i>борт вертикальный</i> → <i>борт (B), который расположен вертикальным образом (A)</i> ; укр. <i>відсік(B) окремиий (A)</i> → <i>відсік (B), який розташований окремо (A)</i>

7. Кондициональные нем. – 29 англ. – 37 рус. – 34 укр. – 10	нем. <i>die Dienstgeschwindigkeit</i> ‘эксплуатационная скорость’ → <i>Geschwindigkeit</i> (B), <i>wenn das Schiff im Dienst /Betrieb(A) ist</i> ; англ. <i>launching mass</i> (B) ‘спусковая масса (судна)’ → <i>a mass</i> (B), <i>which has a vessel by being launched</i> (A); рус. <i>ветростойкость</i> → <i>стойкость</i> (B) <i>судна при сильном ветре</i> (A – условие); укр. <i>штормтрап</i> → <i>(мотузковый) трап</i> (B), <i>яким користуються під час сильного шторму/хвилювання моря</i> (A)
8. Инструментальные нем. – 29 англ. – 17 рус. – 110 укр. – 78	нем. <i>Dieselmotor m</i> ‘дизельный двигатель’ → <i>Motor</i> (B), <i>der mit Diesel</i> (A) <i>betrieben wird/funktioniert</i> ; англ. <i>motorship</i> ‘дизельное судно; теплоход’ → <i>a ship</i> (B), <i>which is operated by the motor</i> (A); рус. <i>двигатель электрический</i> → <i>двигатель</i> (B), <i>который приводится в движение электричеством</i> (A); укр. <i>лебідка парова</i> → <i>лебідка</i> (B), <i>яка приводиться в рух паром</i> (A)
9. Субстанциональные нем. – 62 англ. – 17 рус. – 17 укр. – 20	нем. <i>Stahlbeplattung f</i> ‘стальной настил’ → <i>Beplattung</i> (B), <i>die aus Stahl</i> (A) <i>hergestellt ist</i> ; англ. <i>boardwalk</i> ‘дощатый настил’ → <i>a walkway</i> (B), <i>which is made of boards</i> (A); рус. <i>деревянный настил</i> → <i>настил</i> (B), <i>который изготавливается из дерева</i> (A); укр. <i>сталеві трубопроводи</i> → <i>трубопроводи</i> (B), <i>які виготовлені зі сталі</i> (A)
10. Агентивные нем. – 4 англ. – 30 рус. – 17 укр. – 10	нем. <i>Lotsenbrücke f</i> ‘(передний) ходовой мостик’ → <i>Brücke</i> (B), <i>auf der sich Loste</i> (A) <i>befindet und das Schiff führt/dirigiert</i> ; англ. <i>captain's accommodation</i> ‘каюта капитана’ → <i>an accomadation</i> (B), <i>in which the captains</i> (A) <i>live</i> ; рус. <i>помещение экипажа</i> → <i>помещение</i> (B), <i>в котором проводит время/проживает экипаж</i> (A); укр. <i>місток капітанський</i> → <i>місток</i> (B), <i>на якому знаходиться капітан та керує судном</i> (A)
11. Компаративные нем. – 40 англ. – 6 рус. – 3 укр. – 0	нем. <i>Ring-Elementen pl</i> ‘кольцевые элементы’ → <i>Elemente</i> (B), <i>die wie Ring</i> (A) <i>aussehen/sind</i> ; англ. <i>mushroom anchor</i> ‘грибовидный якорь’ → <i>an anchor</i> (B), <i>which looks like a mushroom</i> (A); рус. (3 ед.) <i>якорь грибовидный</i> → <i>якорь</i> (B), <i>который подобен/выглядит как гриб</i> (A).
12. Фигуративные нем. – 6 англ. – 20 рус. – 1 укр. – 1	нем. <i>Tunnelheck n</i> ‘туннельная корма’ → <i>Heck</i> (B) <i>in Form von Tunnel</i> (A); англ. <i>angle bearer</i> ‘кронштейн’ → <i>a bearer</i> (B) <i>of angled</i> (A) <i>shape</i> ; рус. <i>киль туннельный</i> → <i>киль</i> (B), <i>имеющий форму туннеля</i> (A); укр. <i>киль коробчастий</i> → <i>киль</i> (B), <i>який має форму коробки</i> (A)

4. Если СТК-комполит или СТК-словосочетание в определенном языке допускает двоякую трансформацию, то возможна его двоякая смысловая интерпретация.

Так, фигуративный тип СТК, в котором зависимый компонент А выражает форму существования величины В [10: 224], семантически пересекается с компаративным типом, непосредственные компоненты которого связаны между собой отношением сходства/подобия, что можно представить в виде таких предикаций: «В подобно/является таким, как А» или «А подобно/является таким, как В» [10: 194]. Данные смысловые типы имеют

сходное лексическое наполнение. Немецкий СТК фигуративного типа *Birnbalken m* ‘бульбовый бимс’ → *Balken (B) in Form von Birne (A)* может трактоваться также как СТК компаративного типа: *Birnbalken m* ‘бульбовый бимс’ → *Balken (B), der wie Birne aussieht (A)*. Ср. аналогично: англ. *spoonster n* ‘ложкообразная корма’ → *a stern (B) in form of a spoon(A)/ which looks like a spoon*; рус. *киль тунельный* → *киль (B), имеющий форму туннеля (A)/ который подобен/выглядит как туннель*; укр. *кіль коробчастий* → *кіль (B), який має форму коробки (A)/подібний/виглядає як коробка*.

Список литературы

1. *Басиров, Ш. Р.* Словотвор дієслів із рефлексивним комплексом у типологічному виставленні : монографія [Текст] / Ш. Р. Басиров. – Донецьк : Вид-во «Ноулідж» (Донецьке відділення), 2014. – 544 с.
2. *Гринберг, Дж.* Меморандум о языковых универсалиях [Текст] / Дж. Гринберг, Ч. Осгуд, Дж. Дженкинс // Новое в лингвистике. – М. : Прогресс, 1970. – Вып. V : Языковые универсалии. – С. 31-44.
3. *Калиущенко, В. Д.* Словообразовательные универсалии [Текст] / В. Д. Калиущенко // Человек и его язык (К 75-летию проф. В.П. Недеялкова) / Отв. ред. чл.-корр. САН ВШ Е. А. Пименов, М. В. Пименова. – Кемерово : Комплекс «Графика», 2003. – Вып. 4. – 211 с. (Серия «Филологический сборник»).
4. *Кацнельсон, С. Д.* История типологических учений [Текст] / С. Д. Кальценсон // Грамматические концепции в языкознании XIX века. – Л. : Наука, 1985. – С. 6-85.
5. *Кочерган, М. П.* Загальне мовознавство : Підручник [Текст] / М. П. Кочерган. – К. : Видав. Центр «Академія», 2003. – 371 с.
6. *Мечковская, Н. Б.* Общее языкознание : Структурная и социальная типология языков : Учеб. пособие [Текст] / Н. Б. Мечковская. – Минск : Амалфея, 2000. – 368 с.
7. *Ульманн, С.* Семантические универсалии [Текст] / С. Ульманн // Новое в лингвистике. – М. : Прогресс, 1970. – Вып. V : Языковые универсалии. – С. 250-298.
8. *Шафииков, С. Г.* Типология лексических систем и лексико-семантических универсалий [Текст] / С. Г. Шафииков. – Уфа : Изд-во Башкирского ун-та, 2000. – 260 с.
9. *Якобсон, Р.* Типологические исследования и их вклад в сравнительно-историческое языкознание [Текст] / Р. Якобсон // Новое в лингвистике. – Вып. III. – М. : Иностранная литература, 1963. – С. 95-105.
10. *Ortner, L.* Substantivkomposita (Komposita und kompositionsähnliche Strukturen [Text] // Deutsche Wortbildung: Typen und Tendenzen der deutschen Gegenwartssprache ; eine Bestandsaufnahme des Instituts für Deutsche Sprache, Forschungsstelle Innsbruck. Vierter Hauptteil / Lorelies Ortner, Elgin Müller-Bollhagen. – Berlin ; New York : de Gruyter, 1991. – 863 S. – (Sprache der Gegenwart, Bd. LXXIX).

Семантика постпозитивного компонента в системе английских фразовых глаголов

Статья посвящена изучению семантики постпозитивного компонента в системе английского фразового глагола, составлению классификации его типовых значений, определению его роли в формировании комплексной семантики фразового глагола.

Ключевые слова: *фразовый глагол, постпозитивный компонент, словообразовательная деривация, мотивация.*

The article focuses on the semantics of the postpositive component within an English phrasal verb, points out its main semantic types, defines its role in the formation of the complex semantic structure of a phrasal verb.

Key words: *phrasal verb, postpositive component, word-forming derivation, motivation.*

1 Общие положения. Одним из средств расширения и обогащения глагольной лексики многих языков, в том числе и английского, является словообразование. Изучению словообразовательных и семантических потенций глаголов в индоевропейских разноструктурных языках посвящены многочисленные исследования, среди которых стоит назвать, например, труды В. Д. Калиущенко [6], Ш. Р. Басырова [1], И. М. Подгайской [4] и др.

Отличительной чертой английского глагольного словообразования является функционирование комплексных единиц типа *to turn on* 'включать', *to turn off* 'выключать', в состав которых входит моноксемный глагол и постпозитивный компонент наречно-предложной природы.

В данной работе для обозначения второго компонента исследуемых комплексов был выбран термин «постпозитивный компонент» (ПК) или «постпозитив» как наиболее нейтрально характеризующий категориальный статус сочетания, а термин «глагол с постпозитивным компонентом» (ГПК) используется как синоним термина «фразовый глагол».

В любом конкретном языке каждый его элемент имеет свою семантико-функциональную историю. Именно поэтому для многих конститuentов,

несмотря на существование между ними общих признаков, характерно их доминантное употребление в одних германских языках в качестве предлога, в других – в качестве наречия, в третьих – в функции префикса [3: 25]. В связи с этим, свойством постпозитивов является их функционирование в качестве наречия, предлога и приставки в разные периоды истории [3: 23].

М. П. Ивашкин относит вторые компоненты ГПК к периферийным элементам широкого поля обстоятельственной характеристики глагольного сказуемого. По его мнению, они формируют зону перехода от наречия, которое является членом открытой значимой лексической системы, к предлогу, который представляет собой единицу относительно закрытой служебной системы [3: 22].

Согласно другой точки зрения, развитие постпозитивных компонентов глаголов происходит от некоторых древнеанглийских глагольных префиксов с локативным значением, которые постепенно отмежевывались от глагола и начинали использоваться в постпозиции к нему [2: 112].

В данной статье предпринимается попытка проанализировать семантику постпозитивного компонента в системе английских фразовых глаголов на примере одной из наиболее продуктивных пар этих единиц, а именно, постпозитивных компонентов *on* и *off* (далее ПК-*on* и ПК-*off*) в составе соответствующих фразовых глаголов, т.е. глаголов с постпозитивными компонентами *on* и *off* (далее ГПК-*on* и ГПК-*off*).

Несмотря на существование разных точек зрения на определение ПК, большинство ученых, занимавшихся данной проблемой, сходятся в одном: в английском языке второй компонент рассматриваемых сочетаний используется как основное средство внутреннего глагольного словообразования в противоположность другим индоевропейским языкам, которые в таком случае используют префиксацию. В современном английском языке постпозитивные компоненты выполняют в значительной степени те же функции, что префиксы в русском и украинском языках и отделяемые приставки в немецком языке.

В настоящем исследовании постпозитивный компонент рассматривается как неизменный словообразовательный элемент, который стоит после глагола и образует с ним единое смысловое целое. Чаще всего ПК модифицирует, а иногда и изменяет значение исходного глагола. Несмотря на то, что сочетания глагола с постпозитивным компонентом не являются формально однородными (состоят из двух или трех элементов), с точки зрения семантики они представляют собой единое целое.

В связи с этим, целесообразно анализировать семантику ГПК, в частности, семантику ПК в составе этих сочетаний, в рамках теории языковой деривации, которая связана с формированием языковых единиц (основ, словоформ) из более простых языковых элементов (лексических и грамматических морфем) [5: 5].

2 Семантика постпозитивных компонентов *on* и *off*. Глаголы с постпозитивными компонентами *on* и *off*, как и фразовые глаголы с другими компонентами, являются сложными единицами с точки зрения семантики: их значения формируются под влиянием и за счет взаимодействия значений исходного глагола (ИГ) и ПК-*on/off*. При этом ПК-*on/off* может иметь самостоятельное (обычно пространственное или аспектуальное) значение, которое вносит дополнительный смысловой оттенок в значение ИГ, не меняя его полностью, а лишь модифицируя, а может и терять свое исходное пространственное значение и в корне менять семантику ИГ при образовании ГПК-*on/off* или только интенсифицировать ее.

В этом контексте целесообразно говорить о мотивированности или немотивированности значений словообразовательно и семантически производных единиц, которыми являются фразовые глаголы.

2.1 Так, мотивированность значений фразовых глаголов проявляется в возможности вывести их значения из значений входящих в их состав исходных глаголов и постпозитивных компонентов. В таких случаях семантический центр комплексной глагольной лексемы обычно сконцентрирован вокруг исходного глагола, а постпозитивный компонент выполняет при этом функцию

адвербиального модификатора, выражающего пространственные ориентиры или способ действия.

Рассмотрим более детально функционирование ПК-*on* и ПК-*off* в роли единиц, модифицирующих или осложняющих значение исходного глагола; при этом, начнем с постпозитивного компонента, имеющего более развитую семантическую структуру, а именно, с ПК-*off*.

В целом, осложнение значений ИГ дополнительными семами в процессе образования ГПК-*off* происходит за счет следующих значений ПК-*off*:

1) 'удаление от какого-либо места' (пространственное значение), напр.: *to drive off* 'уезжать (в автомобиле и т.п., об автомобиле и т.п.)' ← *to drive* 'ехать (в автомобиле, об автомобиле)'; *to hop off* 'соскакать' ← *to hop* 'скакать';

2) 'отделение от чего-либо' (разрыв посессивных отношений), напр.: *to hack off* 'отрубить' ← *to hack* 'рубить'; *to come off* 'отрываться; отпадать; отклеиваться' ← *to come* 'делаться, становиться';

3) 'прекращение действия' (темпоральная характеристика), напр.: *to ring off* 'давать отбой (по телефону), прекращать телефонный разговор, класть трубку' ← *to ring* 'разговаривать по телефону'; *to go off* 'прекращать работать, выключаться' ← *to go* 'работать, быть в действии (о механизме)';

4) 'окончание действия' (темпоральная характеристика), напр.: *to play off* 'заканчивать спортивную игру, соревнования; сыграть ответный матч после ничьи' ← *to play* 'играть (напр. в футбол)'; *to work off* 'заканчивать работу' ← *to work* 'работать';

5) 'начало действия' (темпоральная характеристика), напр.: *to doze off* 'задремать' ← *to doze* 'дремать';

6) 'вдруг, неожиданно' (способ действия), напр.: *to break off* 'прерывать, приостанавливать что-то вдруг, неожиданно' ← *to break* 'прерывать, приостанавливать что-то';

7) 'полностью' (способ действия), напр.: *to finish off* 'полностью закончить, завершить что-то' ← *to finish* 'заканчивать, завершать'; *to burn off* 'сжечь что-либо полностью, дотла' ← *to burn* 'жечь'.

Значения ИГ при образовании от них ГПК-*on* могут осложняться следующими дополнительными семами за счет ПК-*on*:

1) ‘продолжение действия’ (фазовая характеристика), напр.: *to work on* ‘продолжать работать’ ← *to work* ‘работать’, *to drive on* ‘продолжать ехать (в автомобиле, об автомобиле)’ ← *to drive* ‘ехать (в автомобиле, об автомобиле)’;

2) ‘начало действия’ (фазовая характеристика), напр.: *to go on* ‘начинать работать, функционировать’ ← *to go* ‘работать, функционировать’;

3) ‘долгое время’ (способ действия), напр.: *to drone on* ‘монотонно говорить, читать долгое время’ ← *to drone* ‘монотонно говорить, читать’;

4) ‘нахождение на поверхности’ (локативная характеристика), напр.: *to have on* ‘быть одетым во что-либо, носить (одежду)’ ← *to have* ‘иметь’; *to lay on* ‘накладывать (слой краски и т. п.)’ ← *to lay* ‘класть’;

5) ‘(конкретное движение) вперед’ (пространственное значение), напр.: *to pass on* ‘пойти, поехать дальше’ ← *to pass* ‘проходить, проезжать’; *to wind on* ‘мотать вперед (пленку)’ ← *to wind* ‘вертеть, крутить; мотать’;

6) ‘(абстрактное движение) вперед, дальше; продвижение вперед’ (способ действия), напр.: *to hand on* ‘передавать дальше’ ← *to hand* ‘передавать’; *to get on* ‘стареть’ ← *to get* ‘делаться, становиться’;

7) ‘добавление’, напр.: *to build on* ‘достраивать что-то’ ← *to build* ‘строить’; *to throw on* ‘подбрасывать, добавлять (уголь и т.п.)’ ← *to throw* ‘бросать’;

8) ‘включение’, напр.: *to have on* ‘включать (оборудование, механизм)’, ‘(досл. иметь что-либо включенным)’ ← *to have* ‘иметь’.

Исходя из вышесказанного, ПК-*on/off* с конкретными прототипическими значениями можно систематизировать следующим образом: *локативные* ПК-*on/off*, предполагающие разное направление движения (‘вперед’, ‘от (какого-либо места)’) и нахождение на поверхности; *посессивные* ПК (касается исключительно ПК-*off* со значением разрыва посессивных отношений ‘отделение (обычно части от целого)’); *фазовые* ПК-*on/off*, которые, в свою очередь, могут подразделяться на *инхоативные* ПК-*on/off* (имеющие обобщенное

значение ‘начала действия’), *дуративные* ПК (относится исключительно к ПК-*on*, которые могут обозначать ‘продолжение действия’), *терминативные* и *перфективные* постпозитивы (исключительно ПК-*off*, обозначающие ‘прекращение действия’ и ‘завершение действия’ соответственно); а также так называемые *кваликативные* ПК-*on/off* (репрезентирующие в качестве признака фразового глагола его способ действия: ‘вдруг, неожиданно’, ‘полностью’, ‘долгое время’, ‘добавление’ и т. п.).

2.2 С другой стороны, фразовый глагол является словообразовательно и семантически немотивированным, если его значение невозможно вывести из значений соответствующих ИГ и ПК, ср.: *to bush on* ‘угождать; радовать’ ← *to bush* ‘обсаживать кустами’. *to set off* ‘отправляться куда-либо’ ← *to set* ‘ставить, класть, помещать’. Подобного рода ГПК-*on/off* можно отнести к разряду фразеологических или идиоматических единиц, в которых значение целого не связано со значением компонентов, и для которых характерной является абсолютная лексико-семантическая неделимость, наибольшее единство компонентов, наибольшее уподобление слову.

2.3 Еще одной особенностью взаимодействия значений деривационной базы (т.е. исходных глаголов) ГПК и их вторых компонентов является отсутствие словообразовательной деривации, когда значение исходного глагола и образованного от него с помощью ПК фразового глагола, совпадают, ср.: *to bring on* ‘вызывать что-либо, быть причиной чего-либо’ ← *to bring* ‘вызывать что-либо, быть причиной чего-либо’; *to lop off* ‘отрубать, подрезать (ветви, сучья)’ ← *to lop* ‘обрубать, подрезать (ветви, сучья)’ При этом соответствующий постпозитивный компонент подвергается полной десемантизации и превращается в показатель количественной характеристики действия (эмфатическую частицу, интенсифицирующую значение глагола).

3 Выводы. Исследование семантики постпозитивных компонентов *on* и *off*, входящих в состав словообразовательно и семантически производных ГПК-*on* и ГПК-*off*, позволило выделить три основных типа этих компонентов, которые указывают на наличие или отсутствие между исходными глаголами и

производными от них ГПК-*on* и ГПК-*off* словообразовательной деривации и специфику ее реализации.

Среди них выделяются *адвербиальный* ПК-*on/off*, который сохраняет свое конкретное лексическое значение (обычно пространственное или фазовое значение, а также значение образа действия) и, присоединяясь к исходному глаголу, только модифицирует его значение при образовании так называемых мотивированных ГПК-*on* и ГПК-*off* в условиях словообразовательной деривации; *идиоматический/лексический* ПК-*on/off*, который, подвергшись десемантизации, образует с глаголом в результате словообразовательной деривации новую семантически немотивированную лексему, значение которой невозможно вывести из суммы значений компонентов и *эмфатический* ПК-*on/off*, который только усиливает аспектуальный оттенок, заложенный в семантике исходного глагола, свидетельствуя об отсутствии между ИГ и ГПК-*on/off* словообразовательной деривации.

Список литературы

1. Басыров, Ш. Р. Типология глаголов с рефлексивным комплексом в индоевропейских языках [Текст] / Ш. Р. Басыров. – Донецк : ДонНУ, 2004. – 351 с.
2. Зернов, Б. Е. Взаимодействие частей речи в английском языке (статико-динамический аспект) [Текст] / Б. Е. Зернов; Ленингр. гос. ун-т им. А. А. Жданова. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1986. – 128 с.
3. Ивашкин, М. П. Синхронно-диахронический анализ переходных процессов в английском языке [Текст] / М. П. Ивашкин. – М.: «Прометей», 1988. – 171 с.
4. Подгайская, И. М. Древнеанглийские глаголы со значением 'строить': словообразование и семантика [Текст] / И. М. Подгайская // Научные труды Кубанского государственного технологического университета. – 2016. – № 4. – С. 495-503.
5. Сильницкий, Г. Г. Теория деривации и ее место в системе лингвистических дисциплин [Текст] / Г. Г. Сильницкий // Теоретические аспекты деривации. – Пермь, 1982. – С. 3-7.
6. Kaliuščenko, V. D. Typologie denominaler Verben [Text] / V. D. Kaliuščenko. – Tübingen : Max Niemeyer Verlag, 2000. – 253 S. – (Linguistische Arbeiten 419).

К. Д. Гончарова

ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет», г. Донецк
e-mail: *karolina_tsulaya@inbox.ru*

K. D. Honcharova

Donetsk National University,
Donetsk

Основные направления исследования цветообозначений в лингвистике

В данной статье рассматриваются основные аспекты исследований в лингвистике цветообозначений: сопоставительный, эволютивный, психолингвистический, когнитивный, лингвокультурологический. Анализируются концепции лингвистов, касающиеся исследования колоронимов.

Ключевые слова: *колоронимы, цветообозначения, сопоставление, семантика.*

The article deals with the main lines of the research in the linguistics of colour terms. Various linguistic approaches dedicated to studying the colour terms are closely scrutinized.

Key words: *colour terms, comparison, semantics.*

1 Вводные замечания. Вследствие значительного интереса исследователей к изучению колоронимов лингвистика цвета стала автономной дисциплиной языковедческих исследований с прочной методологической базой. Исследователи сопоставляют колоронимы на материале различных языков [3; 4; 6; 7], рассматривают их с исторической точки зрения [1; 5; 10], определяют связь между универсальными элементами языковой картины мира и их цветами-прототипами [6; 9], изучают их семантические и лингвокультурологические особенности [4; 9; 11].

Целью данной статьи является выделение основных направлений лингвистики цветообозначений, анализ исследований, выполненных в русле актуальных направлений на материале цветообозначений в различных языках, определение основополагающих теоретических положений в лингвистике цветообозначений.

Необходимо отметить, что лингвисты пользуются различными терминами для обозначения цветов: колоратив, колороним, цветообозначение, имя цвета, цветонаименование. В данной статье вышеперечисленные термины употребляются в синонимичном значении во избежание тавтологии.

2 Основные направления в лингвистике колоронимов. Колоронимы тщательно исследуются как в синхроническом, так и в диахроническом аспектах. Широкий спектр направлений на синхроническом срезе представлен типологическим, сопоставительным, психолингвистическим, когнитивным, лингвокультурологическим аспектами.

2.1 Диахронический аспект изучения колоронимов. Исследования цветообозначений в диахроническом аспекте проводят Н. Б. Бахилина [1], Т. И. Вендина [5], В. С. Фомина [11], Ю. Н. Ус [10]. Фундаментальное исследование в области исторического языкознания представлено в монографии Н. Б. Бахилиной, которая изучает тенденции в развитии колоронимов русского языка. Автор отмечает, что в древнерусском языке количество цветообозначений невелико, и они играют «второстепенную, вспомогательную роль» [1: 263]. Такая особенность сохраняется до XVII века, когда происходят «бурные процессы в группах цветообозначений» [1: 265]: слово *красный* все чаще используется как цветонаименование, появляются новые колоронимы (*померанцевый, сливный, лазоревый*), появляются народные и диалектные варианты цветообозначений. Тем не менее, в XVII в. еще «не оформились группы смешанных цветов: *коричневый, оранжевый, фиолетовый*» [1: 266]. Лишь в XVIII в. лексико-семантическая группа цветонаименований становится близкой к ее современному состоянию. Н. Б. Бахилина делает вывод, что хотя и внешне количество слов-цветообозначений увеличивалось, внутренне абстрактизация некоторых цветообозначений ограничивало возможности других цветообозначений данной группы. Более того, исследователь подчеркивает, что в современной литературе существует тенденция использовать цветообозначения, «называющие смешанные цвета с неопределенным значением, например, *лиловый, рыжий, сизый*» [1: 268], в то время как в терминологической системе господствуют цветообозначения, «называющие совершенно точно оттенки цвета», например, *фиолетовый* [1: 268].

2.2 Синхронический аспект изучения колоронимов. Больше количество исследователей сосредоточили внимание на изучении колоронимов в синхроническом аспекте. В сопоставительном ключе на материале цветообозначений работали такие лингвисты, как А. Вежбицкая [6: 231-291], В. Г. Кульпина [7, 8], Т. И. Шхвацабая [13], в психолингвистическом – Р. М. Фрумкина [12], А. П. Василевич, в когнитивном – Е. В. Рахилина [9]. Необходимо отметить, что многие работы выполнены одновременно в нескольких направлениях, в частности, А. Вежбицкая [6: 231-291] сопоставляет цветообозначения разных языков в когнитивном аспекте, А. П. Василевич [2; 3; 4] исследует цветообозначения русского языка, рассматривая их в сопоставительном, лингвокультурологическом и психолингвистическом аспектах.

Одним из основных исследований на материале цветообозначений является труд А. Вежбицкой [6: 231-291]. Исследователь, описывая семантику цветообозначений на материале неродственных языков, приходит к выводу, что концепт цвета тесно связан с «определенными элементами человеческого опыта» и этими универсальными элементами являются «день, ночь, солнце, огонь, растительность, небо и земля» [6: 283]. По мнению исследователя, хотя восприятие цвета в различных языках и культурах и концептуализируется различными способами (*blue* не обозначает то же, что *голубой*), тем не менее, поскольку «наши психические реакции совпадают, фундаментальные концептуальные модели, которые основаны на общем человеческом опыте, у нас одни» [6: 284].

Работа, выполненная А. П. Василевичем на материале 14 языков, помимо типологического аспекта содержит элементы психолингвистики. Автор предлагает описывать языковую картину цветового пространства «в виде списка категорий, определяемых на основе данных по денотативному значению большого числа слов-цветообозначений данного языка» [4: 12]. Таким образом, все цветообозначения не делятся на привычные категории, например, «желтый» (все желтые оттенки), а подлежат более детальному дроблению, поскольку, по

мнению автора, группа синонимов *изумрудный, ярко-зеленый, насыщенно-зеленый, изумрудно-зеленый* отличается от группы *нежно-зеленый, салатный, яблочно-зеленый*, составляя, таким образом, две разные категории зеленого цвета [2: 23]. Так, в русском языке исследователь выделяет 56 категорий, в английском – 53, в японском и бамана – 46 и 24 соответственно. Автор подчеркивает, что хотя и в разных языках, слова, обозначающие цвет одного и того же предмета (цвет неба, крови), попадают в одну категорию, наблюдается и немало случаев несовпадения, к примеру, цвет *хаки* в пяти языках находится в одной категории, а в двух других языках – в другой.

Р. М. Фрумкина в своей основной работе по цветообозначению «Цвет, смысл, сходство» [12] ставит перед собой задачу изучить семантику цветообозначений в психолингвистическом аспекте. Автор проводит экспериментальные исследования смысловых отношений «имен цвета», классифицирует цветообозначения, в результате применения психолингвистической методики, выстраивает структуры семантических взаимосвязей для них, определяет место каждого «имени цвета» в определенной группе. Р. М. Фрумкина также отмечает, что «цветообозначение, как и всякое слово, является знаком: выражает концепт (*красный* в противоположность *синему, серому* и т. д.) и указывает на денотат», однако, по мнению автора, любое цветообозначение «обладает большой денотативной неопределенностью» [12: 137]. Определив и сравнив в ходе экспериментального исследования референциальные характеристики для 20 наиболее употребительных колоронимов, исследователь приходит к выводу, что, «основываясь на характеристиках размытости определенности денотативного значения, между «основными» и прочими ИЦ («именами цвета» – прим. автора) не удастся провести четкой границы» [12: 138]. По наблюдениям автора, в целом «основные» цветообозначения менее размыты по денотативному значению, хотя имеют место и некоторые исключения, например, такие «основные» цвета, как *коричневый, голубой* и *розовый* обладают денотативной неопределенностью в большей степени, чем

«неосновные» *малиновый, салатový и бежевый*. Таким образом, Р. М. Фрумкина подчеркивает, что невозможно указать число «основных» цветообозначений в русском языке, поскольку не удалось «предложить удовлетворительного критерия для определения этого числа».

В диссертационном исследовании на соискание учёной степени доктора филологических наук на материале русского и польского языков В. Г. Кульпина анализирует поля цвета как «этносоциокультурологические значимые элементы языковой картины мира» [7: 10]. Исследователь проводит сопоставление в рамках «антропоцентрических блоков» Человек в цвете, Мир артефактов, Среда продуктов питания, Мир растений, Мир животных, Мир неодушевленной природы. В ходе исследования автор устанавливает «специфические пути «социализации» цвета с помощью цветоименований» [7: 646], например, в польском языке именно *zółty masło* ‘желтое масло’ обозначает масло высокого качества. Что касается мира артефактов, В. Г. Кульпина показывает, что один и тот же колороним, используемый с различными артефактами, может обозначать различные цвета. Так, например, польское слово *szara*, употребляемое со словами *пальто, бумага и картон*, обозначает соответственно темно-серый, беловато-желтоватый и бежево-коричневый. Описывая цветообозначения неодушевленной природы, исследователь, подчеркивая их разнообразие (звезды в польском языке белые, синие, золотые, серебряные, желтые), говорит о том, что «цвет природных объектов – не физическая, но ментально-феноменальная сущность» [7: 402]. Изучив колоронимы в сфере животного мира, автор отмечает, что их цветообозначения необязательно являются настоящими цветами животных, в основном «язык внушает нам – через свои этностереотипы – цветовой облик животного» [7: 651]. Автор полагает, что при межъязыковом сопоставлении цветообозначений с антропоцентрической точки зрения можно составлять этнические картины мира.

3 Выводы. В результате анализа некоторых основных работ, посвященных исследованию цветообозначений, можно сделать следующие выводы:

3.1 В целом восприятие цвета совпадает даже в неродственных языках, поскольку окружающая нас действительность универсальна, универсальны и психофизиологические механизмы восприятия цвета.

3.2 Бурное развитие цветообозначений в русском языке начинается в XVII веке, в XVIII веке состав группы колоронимов становится близок к современному.

3.3 В семантическом плане «основные» колоронимы обладают даже большей определенностью в денотативном значении, нежели «неосновные».

3.4 Все цветонаименования могут быть разделены на категории посредством выделения различных синонимических рядов. Таким образом, общая группа цветов может быть поделена на более конкретные категории.

3.5 Поделив колоронимы на антропоцентрические блоки, можно составить фрагменты языковых картин мира при сопоставлении различных языков.

Список литературы

1. *Бахилина, Н. Б.* История цветообозначений в русском языке [Текст] / Н. Б. Бахилина. – М. : Наука, 1975. – 288 с.
2. *Василевич, А. П.* Цвет и названия цвета в русском языке [Текст] / А. П. Василевич, С. Н. Кузнецов, С. С. Мищенко. – М. : КомКнига, 2005. – 216 с.
3. *Василевич А. П.* Язык и культура: сопоставительный анализ группы слов-цветообозначений [Текст] / А. П. Василевич // Этнопсихоллингвистика. М. : Наука, 1988. – С. 58-64.
4. *Василевич, А. П.* Языковая картина мира цвета. Методы исследования и прикладные аспекты : дисс. в форме науч. докл. на соиск. учён. степ. д-ра филол. наук [Текст] / А. П. Васильев ; РАН, Ин-т языкознания. – М., 2003. – 95 с.
5. *Вендина, Т. И.* Цвет в этнокультурной системе русского, старославянского и древнерусского языков [Текст] / Т. И. Вендина // Славянский альманах. – М. : Индрик, 1999. – С. 277-304.
6. *Вежбицкая, А.* Язык. Культура. Познание [Текст] / Анна Вежбицкая. – М. : Русские словари, 1996. – 416 с.
7. *Кульпина, В. Г.* Теоретические аспекты лингвистики цвета как научного направления сопоставительного языкознания : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.20 [Текст] / В. Г. Кульпина ; Рос. ун-т дружбы народов. – М., 2002. – 695 л.
8. *Кульпина, В. Г.* Система цветообозначений русского языка в историческом освещении [Текст] / В. Г. Кульпина // Наименования цвета в индоевропейских языках : системный и исторический анализ / Отв. ред. А. П. Василевич. – М. : КомКнига, 2007. – С. 126-184.
9. *Рахилина, Е. В.* Когнитивный анализ предметных имен : семантика и сочетаемость [Текст] / Е. В. Рахилина. –

М. : Русские словари, 2000. – 416 с. 10. *Ус, Ю. Н.* Розвиток системи кольоро- і світлопозначень у німецькій мові XVI-XIX століть : автореф. дис. ... канд. філол. наук : 10.02.04 [Текст] / Ус Ю. М. ; Донецький національний університет. – Донецьк, 2009. – 21 с. 11. *Фомина, В. С.* Семантика цветообозначения как объект исследования и изучения [Текст] // IV международный симпозиум по лингвострановедению : Тез. докл. и сообщ. [Текст] / Институт русского языка им. А . С . Пушкина. – М., 1994. – С. 230-231. 12. *Фрумкина, Р. М.* Цвет, смысл, сходство : Аспекты психолингвистического анализа [Текст] / Р. М. Фрумкина. – М. : Наука, 1984. – 175 с. 13. *Шхвацабая, Т. И.* Цветообозначения в языке и речи (на материале английского языка) : дис. ... канд. філол. наук : 10.02.04 [Текст] / Т. И. Шхвацабая. – М., 1985. – 180 с.

Способы актуализации семантики неологизмов понятийной сферы «Семья»

Данное исследование посвящено изучению контекстуальных способов актуализации значений английских неологизмов, вербализирующих концептуальный фрагмент действительности «Семья» с учетом социокультурных изменений, происходящих в языковом сознании английского лингвосообщества.

Ключевые слова: *неологизм, понятийная сфера, актуализация значения, контекст.*

The article introduces the contextual methods of realization of new words' semantics in the English language (as exemplified in the conceptual sphere «Family» that verbalizes this essential fragment of reality taking into account the changes happening within the linguistic consciousness of the English linguistic society).

Key words: *neologism, conceptual sphere, context, realization of semantics.*

1 Общие положения. Данная статья посвящена исследованию способов актуализации значений неологизмов английского языка начала XXI века, составляющих понятийную сферу «Семья».

Обзор теоретической литературы показывает, что большое внимание исследователей уделяется изучению таких теоретических аспектов неологизмов, как: определение понятия «неологизм» (Н. З. Котелова [4]), критерии идентификации новой лексики (Р. А. Будагов [2]), классификации (В. И. Заботкина [3]) и способы образования неологизмов (А. Лерер [8]) и др. Кроме того, стоит отметить, что неологизмы, связанные с «семейной» сферой, также являются объектом исследований (А. В. Белова [1], Г. И. Эмирсуинова [7]).

Адекватное понимание значения неологизма может быть достигнуто только при условии учета контекста, который предопределяет значение данных единиц и является средством актуализации, в частности, уточнения их семантики, чем, в свою очередь, и обусловлена **актуальность** настоящей работы.

Объектом исследования выступают английские неологизмы, являющиеся средством вербализации понятийной сферы «Семья». **Предмет** исследования составляют способы реализации значений английских неологизмов, входящих в состав изучаемой понятийной сферы.

В ходе формирования корпуса языкового материала из лексикографических источников отобрано 526 неологизмов, вербализирующих понятийную сферу «Семья», а также текстовые примеры исследуемых единиц, полученные из англоязычных периодических изданий [9-23].

Анализ материала показывает, что употребляя неологизм, автор использует все возможности для осуществления стратегии уведомления и выделения неологизма в контексте с целью максимально правильного восприятия его значения. Так, значение неологизмов в значительной степени может предопределяться как самой формой новообразования, так и влиянием непосредственного лексического окружения данного слова, при этом спорадически автор прибегает к графическому выделению неологизма в контексте (в большинстве случаев – к использованию кавычек).

2 Способы актуализации значений неологизмов понятийной сферы «Семья». Существует множество вариантов реализации значения неологизма, исходя из выбранного способа ввода нового слова в контекст. В ходе анализа исследуемых единиц было выделено пять способов реализации значений неологизмов понятийной сферы «Семья» в контексте: 1) внутритекстовое толкование/пояснение/дефиниция (216 ед., 41,1 %), 2) прозрачность формы (169 ед., 32,1 %), 3) прозрачность формы, совмещенная с толкованием/пояснением (87 ед., 16,5 %), 4) наличие ассоциативного ряда слов в пре- и постпозиции к неологизму (30 ед., 5,7 %), 5) использование неологизма наряду с единицами с противоположным значением (24 ед., 4,6 %).

2.1 Анализ неологизмов понятийной сферы «Семья» показывает, что наиболее продуктивным способом актуализации значения неологизма в контексте является его внутритекстовое толкование (пояснение, дефиниция). При таком способе реализации, согласно А. Б. Сергеевой, неологизм в

контексте получает расширенное толкование, или даже прямую дефиницию, из которой становится ясно точное значение нового слова [5: 91]. Например, неологизм *thresholder*, обозначающий молодого человека, достигшего взрослого возраста и слишком переживающего по поводу своих взрослых обязанностей, в контексте *It's little wonder that 'thresholders' – her term for young people aged between 18 and 24 – come to depend so much on their networks of friends* [18] раскрывает свое значение через постпозитивное пояснение по отношению к вводимому неологизму *her term for young people aged between 18 and 24*, при этом следует упомянуть, что автор прибегает и к графическому выделению данного новообразования, а именно, к использованию кавычек и тире.

Другим примером постпозитивного толкования нового слова в контексте является *Kids aren't the only ones who use slang in school. Here's some vocabulary that teachers aren't teaching: helicopter parent – a nosy grown-up who's always hovering around* [9], в котором неологизм *helicopter parent* 'родитель, который постоянно кружит над своим ребенком, всевозможно опекает его' также выделяется автором графически с помощью тире.

2.2 Следующим по продуктивности способом актуализации неологизмов понятийной сферы «Семья» является прозрачность формы, заключающаяся, главным образом, в реализации словообразовательного контекста. Под словообразовательным контекстом, вслед за А. Б. Сергеевой [5: 91], понимается особый вид контекста, который не просто включает новое производное слово, но и содержит словообразовательную информацию, позволяющую восстановить мотивирующее суждение, на базе которого это новое слово было создано. Специфика словообразовательного контекста заключается в том, что в нем проясняется значение неологизма путем раскрытия его внутренней формы.

В ходе анализа исследуемых единиц было выявлено, что словообразовательному способу реализации значений неологизмов в контексте присущи как сочетание отдельных известных слов (словосложение или телескопия), так и присутствие аффиксального компонента (аффиксация). Так,

например, значение неологизма *funclе* ‘веселый дядя’ реализуется при сложении усеченной формы слова *fun* ‘веселый’ и *uncle* ‘дядя’:

Prince Harry this week pledged to make his newborn nephew’s life as fun as possible, and so has found himself dubbed ‘the Funclе’ for the foreseeable future [19].

В контексте *Unusually for the entertainment world, it is not the over-protective parent that causes the problems for Lohan – her ‘momager’ Dina hardly figures in the press [11]* семантика неологизма *momager* ‘мама, которая занимается карьерой своего ребенка, мама-менеджер’ также реализуется через его форму, а именно использование телескопии для слияния лексемы *mom* ‘мама’ и усеченной формы лексемы *manager* ‘менеджер’.

В примере *Snapping at the well-shod heels of Kingston and Suri Cruise, Herms and Helena have raised the pretween stakes considerably, proving that high fashion for kids is now big business, and that its stars get younger everyday [15]* новое слово *pretween* ‘ребенок, еще не достигший возраста 8-10 лет’ реализует свое значение за счет присоединения приставки *pre-* ‘пред-, до-’ к известному слову *tween* ‘ребенок в возрасте от 8 до 10 лет’.

Кроме приставок в реализации значения нового слова могут принимать участие и суффиксы. Например:

As he saw his little daughter taking a walk around the playground, he realized that she was no longer a baby, but a real girlette [13].

В приведенном примере значение новообразования *girlette* ‘маленькая девочка (с того момента, как она научилась ходить и до четырех лет), когда ее милость начинает объединяться с первыми признаками женского поведения’, актуализуется за счет добавления к слову *girl* ‘девочка’ суффикса *-ette*, образующего существительные со значением уменьшительности.

В ходе анализа были также выявлены единицы, реализующие свое значение за счет аналогичной структурной модели, в соответствии с которой образованы уже существующие в языке слова. Например:

Например, *Looking forward to working with his nephew-in-law, Uncle Teddy said, the Kennedys have always been a big tent* [20].

В данном фрагменте слово *nephew-in-law* ‘супруг племянницы’ образовано на основе повтора структурной модели ‘noun + in-law’ таких слов, как *mother-in-law*, *daughter-in-law*, где структурный компонент *-in-law* означает ‘по закону; родня со стороны мужа или жены’. Данная структурная модель повторяется и в неологизмах, актуализирующих свои значения в следующих контекстах:

The watch he claimed, was a gift from Gandhi to his grand niece-in-law who served as his personal assistant... [12] и *Mandrake states that the Duchess of Gloucester is the Duke of Kent’s sister-in-law. Wrong! The Duke of Kent’s sister-in-law is Princess Michael of Kent. The Duchess of Gloucester is cousin-in-law to the Duke of Kent* [23], где *niece-in-law* и *cousin-in-law* обозначают ‘супругу племянника’ и ‘супругу(а) двоюродного брата/сестры’.

Примечательно, что существует пример, в котором данная структурная модель подвергается изменению, влекущему за собой изменение значения на противоположное:

It’s equally difficult to describe the peculiar membership of this new lineage. Does your first husband’s mother become a mother-out-law? [21].

В этом случае компонент *-in-law* заменяется на *-out-law* с противоположным значением ‘вне закона’, и, соответственно, новое слово *mother-out-law* уже будет означать ‘мама бывшего мужа/жены’.

2.3 Довольно распространенным способом экспликации значения в контексте является совмещение прозрачности формы нового слова с его внутритекстовым толкованием или пояснением. Данный способ помогает понять семантику нового слова не только с помощью его формы, но и с помощью реализации этого значения через его толкование. Например:

Though my 3-year-old is a little more calm, he demands lots of attention and is a bit of a drama king at times. I like to refer to him as my ‘threenager’. You never know what mood he’s going to be in, and he asks ‘why’ at least 100 times [16].

В данном случае значение неологизма *threenager* ‘трехлетний ребенок с характером и манерами поведения подростка’ реализуется как с помощью прозрачности его формы, раскрывающейся в сочетании слов *three* ‘три’ и *teenager* ‘подросток’, так и с помощью препозитивного по отношению к неологизму пояснения *Though my 3-year-old is a little more calm, he demands lots of attention....*

В контексте *Tracey Ruiz, 36, is a Toronto sleep doula, which means she does house calls and teaches parents how to get baby to go to sleep. Parents call her because they are exhausted* [10] значение неологизма *sleep doula* ‘помощница, обучающая родителей тому, как сделать сон малыше ночью крепче’ также раскрывается через его вполне прозрачную форму – сочетание слов *sleep* ‘сон’ и *doula* ‘помощница, сиделка’, совмещенную с постпозитивным контекстным толкованием данного новообразования ... *which means she does house calls and teaches parents how to get baby to go to sleep ...*

2.4 Менее частотным способом реализации значения неологизма в контексте оказался ввод нового слова наряду с единицами, обозначающими аналогичные понятия. Данный способ заключается в обращении к ассоциативным связям, т.е. когда неологизм вводится в контекст в сопряжении с синонимами, обозначающими аналогичные понятия, в восприятии у человека включается одновременно целый ряд ассоциативных связей. Подобным введением неологизма, в соответствии с А. Б. Сергеевой, проявляется «неологическая смелость» говорящего [6: 55].

Обычно неологизм появляется в конце ассоциативного ряда. Это объясняется тем, что автор в какой-то степени готовит читателя к появлению более яркого и эмоционального нового слова. Например, в контексте: *I am an adultescent, a kipper, a thresholder, a twixter, a parasitic single, a boomeranger. I am a part of a growing breed of people both in the UK and US who either fly back into the nest, or don't fly out at all* [22] неологизм *boomeranger* ‘взрослый ребенок, вернувшийся в родительский дом после получения высшего образования’ задействован в ассоциативном ряду как уже известного слова *an*

adulescent, так и таких же неологизмов, как *a kipper, a thresholder, a twixter*, являющихся наименованиями взрослых детей, живущих с родителями.

Стоит отметить, что проявление так называемой «неологической смелости» не является обязательным условием при введении неологизма в ассоциативный ряд. В примере *Trade conventions are held across the country to develop strategies to entice children to certain products and then get them to cajole their parents into buying the products. Those in the industry call it the 'nag factor' or pester power* [17] новообразование *nag factor* 'уровень выдержки родителей относительно решения покупать/не покупать то, что вздумалось ребенку' использовано в препозиции по отношению к своему синониму '*pester power*', также обозначающему уровень управления детей родителями, при этом, вводя неологизм, автор прибегает к его графическому выделению кавычками.

2.5 Введение неологизмов понятийной сферы «Семья» наряду с единицами с противоположным значением также является довольно непродуктивным способом актуализации значения нового слова в контексте.

А. Б. Сергеева [6: 56] отмечает, что создаваемые таким способом оппозиции реализуют противопоставление лишь в определенной, данной речевой ситуации, что может стать результатом «нетипичных» антонимических пар. Так, например, в контексте *My wife is jealous of my 4-year-old from a previous marriage, who recently joined us. We are fine when our mutual child is in the room, but miserable when my son is* [14] неологизм *mutual child* 'ребенок, рожденный у пары, у которой уже есть дети от прошлых браков' косвенно противопоставляется словосочетанию *my son*, давая понять, что у супруга есть ребенок от предыдущего брака.

Проанализировав неологизмы понятийной сферы «Семья» с точки зрения способов актуализации значения нового слова в контексте, можно сделать вывод, что в большинстве случаев значение реализуется за счет наличия прозрачности формы неологизма, а также за счет его внутритекстового толкования или пояснения (как в пре-, так и в постпозиции). Следует отметить,

что при этом автор может прибегать к графическому выделению вводимого нового слова спорадически.

Список литературы

1. Белова, А. В. Современная семья в зеркале английской неологии [Текст] / А. В. Белова // Вестник МГЛУ. – 2010. – № 21. – С. 28-35.
2. Будагов, Р. А. Новые слова и значения [Текст] / Р. А. Будагов // Человек и его язык. – М. : МГУ. – 1976. – С. 275-283.
3. Заботкина, В. И. Новая лексика современного английского языка [Текст] / В. И. Заботкина. – М. : Высшая школа. – 1989. – 126 с.
4. Котелова, Н. З. Новые слова и словари новых слов [Текст] / Н. З. Котелова – Л. : Наука. – 1983. – 224 с.
5. Сергеева, А. Б. О возможных типах толкований производного неологизма в тексте (на материале французского языка) [Текст] / А. Б. Сергеева // Филологические науки. – 1991. – № 5. – С. 90-100.
6. Сергеева, А. Б. Роль синонимов в процессе актуализации значения неологизма (на материале французского языка) [Текст] / А. Б. Сергеева // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. – 1991. – № 6. – С. 55-59.
7. Эмирсуинова, Г. И. Трансформации концепта «семья» в языковом сознании американцев [Текст] / Г. И. Эмирсуинова // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2011. – Т. 24 (63), № 4. – Ч. 2. – С. 203-207.
8. Lehrer, A. Understanding trendy neologisms / A. Lehrer // Italian Journal of Linguistics. Revista di Linguistica / A. Lehrer [Электронный ресурс]. – URL. : www.italian-journal-linguistics.com/wp-content/uploads/07.Lehrer.pdf (дата обращения : 11.04.2015).

Список источников примеров

9. *Buzzwords* [Электронный ресурс]. – URL. : <http://boards.fool.com/helicopter-parent-19810065.aspx?sort=postdate> (дата обращения : 20.09.2016).
10. *Doing it their way* [Электронный ресурс]. – URL. : <http://www.pressreader.com/canada/toronto-star/20070120/284206576172075> (дата обращения : 22.09.2016).
11. *Freakily normal* [Электронный ресурс]. – URL. : <http://www.telegraph.co.uk/culture/film/3638796/Freakily-normal.html> (дата обращения : 19.09.2016).
12. *Gandhi heirs condemn auction* [Электронный ресурс]. – URL. : <http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/asia/india/4634507/Gandhi-heirs-condemn-auction-of-his-belongings.html> (дата обращения : 19.09.2016).
13. *Girlette* // Інновації у словниковому складі англійської мови початку ХХ століття : англо-український словник. – Вінниця : Нова Книга. – 2008. – 360 с.
14. *Mutual child* [Электронный ресурс]. – URL. : http://new_words.enacademic.com/1951/mutual_child (дата обращения : 24.09.2016).
15. *My fashion life* [Электронный ресурс]. – URL. : <http://www.thesundaytimes.co.uk/sto/style/fashion/Shopping/article620332.ece> (дата обращения : 20.09.2016).
16. *My house is a zoo* [Электронный ресурс]. – URL. : <http://nestofkrohs.blogspot.com/2013/05/my->

house-is-zoo.html (дата обращения : 20.09.2016). 17. *Nag factor* [Электронный ресурс]. – URL. : http://new_words.enacademic.com/1955/nag_factor (дата обращения : 24.09.2016). 18. *Please help me, I'm falling* [Электронный ресурс]. – URL. : <https://www.theguardian.com/education/2001/aug/26/students.features> (дата обращения : 26.09.2016). 19. *Prince George: how Prince Harry will make his life fun* [Электронный ресурс]. – URL. : <https://www.theguardian.com/uk-news/shortcuts/2013/jul/26/prince-george-harry-life-fun> (дата обращения : 26.09.2016). 20. *The Terminatrix* [Электронный ресурс]. – URL. : <http://www.telegraph.co.uk/404/404.html> (дата обращения : 19.09.2016). 21. *The very extended family* [Электронный ресурс]. – URL. : <https://www.washingtonpost.com/archive/politics/1983/08/20/the-very-extended-family/01c251b6-a27c-43d1-84aa-efa68bee08be/> (дата обращения : 20.09.2016). 22. *There's no going back* [Электронный ресурс]. – URL. : <https://www.theguardian.com/education/2005/jul/05/highereducation.uk1> (дата обращения : 26.09.2016). 23. *Who's who* [Электронный ресурс]. – URL. : <http://www.telegraph.co.uk/404/404.html> (дата обращения : 19.09.2016)

О. В. Гудова

ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет», г. Донецк
e-mail: *skyo@mail.ru*

O. V. Gudova

Donetsk National University,
Donetsk

Семантика коннотативных антропонимов: на материале английских сатирических произведений

Данная статья посвящена исследованию литературных антропонимов в семантико-стилистическом аспекте, выявлению их роли в создании стилистического эффекта в соответствии с идейно-художественным замыслом автора.

Ключевые слова: *семантика, имя собственное, антропоним, стилистика, художественная литература, сатира.*

The present article dwells on the study of literary anthroponyms in the semantic and stylistic aspect, identification of their role in the creation of the stylistic effect in accordance with the message and the main ideas of an author.

Key words: *semantics, proper name, anthroponym, stylistics, fiction, satire.*

Любое произведение художественной литературы, независимо от его формы и жанра, представляет собой преломленное через призму мировоззрения, творческой фантазии, вкусов автора отображение объективной действительности. Явления, предметы объективного мира облачаются средствами общенационального языка в образы художественной литературы. Действие подавляющего большинства прозаических произведений, равно как и значительной части поэтических сочинений, строится вокруг поступков и мыслей определенных лиц [7: 36].

Герой художественного произведения утверждается в сознании читателей своим внешним видом, чертами характера, поступками, мыслями, своеобразной речью. Но если тот или иной характер удался писателю, то в представлении читателей все его черты будут связаны с одним словом – именем героя.

Одним из наиболее интересных аспектов ономастики в этой связи является изучение имени в художественном тексте. Поэтическое имя или поэтоним – это имя в художественной литературе, имеющее в языке произведения номинативную, характеризующую, стилистическую и идеологическую функции. Как правило, относится к категории вымышленных

имен, но часто писателем используются реально существующие имена или комбинация тех и других [10: 108].

Функционирование имен собственных (далее – ИС) в художественном тексте исследовали К. Б. Зайцева [2], В. М. Калинин [4], Ю. А. Карпенко [5], Э. Б. Магазаник [6], А. В. Суперанская [11] и др. Однако, несмотря на значительное количество работ, посвященных изучению специфики ИС и его разновидностей, существуют положения, до сих пор вызывающие противоречия, различные трактовки и подходы.

Актуальность данного исследования определяется, таким образом, необходимостью глубокого изучения языка и стиля художественного произведения в целом, а также анализа стилистического потенциала антропонимов в частности. Более того, стилистический потенциал имени собственного в художественном произведении ранее рассматривался лишь в произведениях отдельных жанров, без изучения влияния жанровых особенностей произведения на выбор автором имен собственных.

Объектом исследования в статье являются антропонимы, зафиксированные в художественных произведениях английских классиков сатиры – В. М. Теккерея *Vanity Fair* («Ярмарка тщеславия»), Р. Шеридана *The School for Scandal* («Школа злословия»), Б. Шоу *Candida* («Кандида») и *The Apple Cart* («Тележка с яблоками»), Б. Джонсона *Volpone* («Вольпоне»), *Bartholomew Fair* («Барфоломеевская ярмарка»).

Предметом исследования выступают семантические особенности антропонимов и их роль в раскрытии образов и замысла произведения.

Данное исследование является попыткой определить на конкретном практическом материале специфические признаки литературных антропонимов в семантико-стилистическом аспекте, выявить их роль в создании стилистического эффекта в соответствии с идейно-художественным замыслом автора.

Функции антропонимов, встречающихся в контексте художественного произведения, значительно отличаются от функций общеупотребительных

антропонимов. Такие антропонимы часто служат для характеристики персонажей произведения, придают имени определенную коннотацию, отсюда другое их название – коннотативные антропонимы [9: 7].

В результате исследования выделенного эмпирического материала представляется возможным разделить коннотативные антропонимы на группы и подгруппы в зависимости от объекта, на который направлен характеристический компонент значения имени. В анализируемых произведениях имена персонажей характеризуют, прежде всего, их внешность, внутренние качества и физическое состояние.

1. К группе антропонимов, обозначающих внешность, относятся:

Stubble (от англ. *stubble* ‘коротко остриженные волосы’) [8:584]; *Bristle* (от англ. *Bristle* ‘щетина’) [8: 73].

2. Группа имен, отображающих характер персонажей, является многочисленной и может быть разделена на четыре подгруппы.

2.1. Имена, в основе которых лежат существительные, обозначающие животных. Употребление таких имен характерно для произведений Бена Джонсона, напр.: *Volpone* (от итал. ‘матерый лис, большой лис’) [3: 979].

В фольклоре многих народов в образе лиса подразумевается хитрый и способный на притворство человек. *Вольпоне* – венецианский вельможа, который наживается путем обмана. Он притворяется больным, который перед смертью назначит наследником того, кто окажет ему больше внимания. *Вольпоне* увеличивает свое богатство за счет подарков, обманывает людей. Более того, он сам считает, что на его гербе следовало бы изобразить лиса, глядящего на обманутую им ворону.

Mosca (от итал. ‘муха’) [3: 567] является воплощением мелкого паразита. В произведении он – слуга *Вольпоне*, который помогает ему обманывать других людей, в то время, как сам также задумывает обмануть самого *Вольпоне*, чтобы присвоить его богатства.

Наделяя своих персонажей именами, взятыми из животного мира, авторы воскрешают традиции народных сказаний. Данный способ наделения именем персонажа является излюбленным приемом у сатириков и юмористов.

Представленные выше антропонимы имеют прозрачную семантику и являются стилистически окрашенными, что, в свою очередь, позволяет читателю легко раскрыть сущность описываемого персонажа.

2.2. Имена, характеризующие внутренние качества персонажей:

Careless (от англ. *careless* ‘беззаботный’) [8: 85] – друг Чарльза Серфиса. Он не знает другой жизни, кроме вина и карт.

Sir Bacbite (от англ. *to backbite* ‘злословить, плевать в спину’) [8: 46] – сочинитель колких эпиграмм.

Teazle (от англ. *to tease* ‘дразнить, надоедать’) [8: 604] – эту фамилию носят два персонажа: лорд и леди Тизл. С одной стороны, молодая беззаботная леди дразнит своими капризами и непослушанием своего мужа, с другой стороны, престарелый и подозрительный супруг постоянно надоедает жене своими претензиями.

В произведении В. М. Теккерея *Vanity Fair* одна из главных героинь носит имя *Sharp* (от англ. *sharp* ‘острый, резкий’) [8: 544]. Она представлена как эгоистичная и жестокая, бессердечная и тщеславная женщина, которая не останавливается ни перед интригами, ни перед бесчестными поступками, чтобы добиться желаемой цели: быть богатой, блистать в обществе, жить в свое удовольствие. В. М. Теккерей беспощаден в изображении похождения этой ловкой авантюристки, но вместе с тем всей логикой своего произведения он доказывает, что окружающие ее люди ничем не лучше.

У В. М. Теккерея также есть семейство *Crawly* (от англ. *to crawl* ‘ползать, пресмыкаться, тащиться’) [8: 129]. К нему принадлежат помещик *Pitt Crawly*, невежественный и грубый, не умеющий грамотно писать и никогда не стремившийся что-либо прочитать, не знающий никаких волнений, или радости, кроме грязных и пошлых; его сыновья и брат, а также обладательница огромного состояния престарелая *Miss Crawly*, в ожидании наследства которой

грызутся родственники. В мире титулованной знати расчет, лицемерие, лесть являются испытанным оружием в борьбе за преуспевание.

2.3. Имена, в основе которых лежат названия цветов. Эти имена также отражают внутренние качества персонажей и встречаются, в основном, у В. М. Теккерея:

Miss Brown (от англ. *brown* ‘коричневый’) [8: 74] характеризуется писателем как пустейшая девчонка.

Mrs White (от англ. *white* белый’) [8: 674] – у нее только и есть, что ее смазливое личико.

Mrs Black (от англ. *black* ‘черный’) [8: 62] не умеет и слова правильно вымолвить.

Таким образом, у В. М. Теккерея каждый человек может ассоциироваться с каким-либо цветом. Если человек интересен для него, то и цвет насыщенный, яркий, а если в нем нет какой-то изюминки, то он сравнивается с более тусклыми, неживыми цветами.

2.4. Имена с непрозрачной семантикой, характеризующие сущность персонажа. Яркими примерами, иллюстрирующими данную группу антропонимов, стали персонажи Бена Джонсона.

Так, смысл фамилии судьи *Overdo* (от англ. *to overdo* ‘чересчур, перестараться’) [8: 412] становится понятным только после прочтения пьесы. Судья задумал уличить беззаконие на ярмарке: он переодевается проповедником, чтобы его никто не узнал, и в таком виде наблюдает за тем, что происходит вокруг. Однако судья не способен отличить вора от честного человека, и настоящих беззаконий он не видит. Вора он принимает за благонаправленного юношу и всячески старается выразить ему свои симпатии. Не подозревая этого, он оказывается пособником вора. Усердные попытки судьи Оверду выявить преступления ни к чему не приводят, беззаконие продолжает царить в обществе. Однако пройдя все эти испытания, судья становится добрым и чутким, осознает себя обычным человеком среди других людей со своими пороками и добродетелями.

В этом контексте интересным представляется антропоним *Politic Wouldbe* (от англ. *politic-would be* ‘якобы политик’) [8: 454]. На самом же деле *Sir Politic Wouldbe* не просто «якобы политик», а обыкновенный болтун-попугай. В пьесе его постоянно называют *Sir Poll*, что является сокращением его имени и одновременно означает «попка-попугай». Данный антропоним является стилистически окрашенным – он привносит сатирический компонент в рассматриваемый образ.

Проведенное исследование позволяет констатировать, что при анализе коннотативных антропонимов в сатирических произведениях представляется возможным выделить несколько этапов, которым автор произведения следует в процессе подбора соответствующего имени персонажу:

1) определение писателем наиболее характерных свойств личности персонажа;

2) выбор понятия, которое бы характеризовало и обобщало какое-либо качество героя;

3) использование определенных языковых средств (в том числе и словообразовательных) с целью обеспечения персонажа наиболее соответствующим именем, которое бы в полной мере подходило свойству личности его носителя, создавая необходимый стилистический эффект.

Список литературы

1. *Бондалетов, В. Д.* Русская ономастика [Текст] / В. Д. Бондалетов. – М. : «Просвещение», 1983. – 224 с. 2. *Зайцева, К. Б.* Английская антропонимия и ее стилистическое использование : Автореф. дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.04 [Текст] / К. Б. Зайцева. – Одесса, 1979. – 20 с. 3. *Зорько, Г. Ф.* Новый итальянско-русский словарь [Текст] / Г. Ф. Зорько, Б. Н. Майзель, Н. А. Скворцова. – М. : Рус. яз., 1995. – 1018 с. 4. *Калинкин, В. М.* Поэтика онима [Текст] / В. М. Калинин. – Донецк : Юго-Восток, 1999. – 408 с. 5. *Карпенко, Ю. А.* Имена собственные в художественной литературе [Текст] / Ю. А. Карпенко // Филологические науки. – 1986. – № 4. – С. 34-40. 6. *Магазаник, Э. Б.* Ономапэтика, или «Говорящие имена» в литературе [Текст] / Э. Б. Магазаник. – Ташкент : Фан, 1978. – 146 с. 7. *Меркулова, Н. В.* Эстетическая ономастика в художественном тексте и интертексте : основные функции и проблема перевода : монография [Текст] / Н. В. Меркулова, С. В.

Моташкова. – Воронеж : Воронежский ГАСУ, 2013. – 177 с. 8. *Мюллер, В. К.* Англо-русский словарь [Текст] / В. К. Мюллер, С. К. Боянус. – К. : Канон, 1998. – 688 с. 9. *Отин, Е. С.* Словарь коннотативных собственных имен [Текст] / Е. С. Отин. – Донецк : ООО «Юго-Восток, ЛТД», 2004. – 412 с. 10. *Подольская, Н. В.* Словарь русской ономастической терминологии [Текст] / Н. В. Подольская. – 2-е изд. – М. : Наука, 1988. – 192 с. 11. *Суперанская, А. В.* Общая теория имени собственного [Текст] / А. В. Суперанская. – М. : Наука, 1976. – 366 с.

Список источников примеров

12. *Jonson, B.* Three Comedies [Text] / B. Jonson. – Harmondsworth, Middlesex, England : Penguin Books Ltd., 1985. – 489 p. 13. *Sheridan, R. B.* The School for Scandal [Text] / R. B. Sheridan. – М. : Foreign Languages Publishing House, 1949. – 91 с. 14. *Shaw, B.* Plays [Text] / B. Shaw. – Harmondsworth, Middlesex, England : Penguin Books Ltd., – 1978. – 438 p. 15. *Thackeray, W. M.* Vanity Fair. A novel without a hero [Text] / W. M. Thackeray. – М. : Foreign Languages Publishing House. – 1951. – Vol. 1 : 441 p, Vol. 2 : 434 p.

Л. А. Долгополова

ГБОУ ВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет»,
г. Симферополь
e-mail: *Lilian2000@mail.ru*

L. A. Dolgopolova

Crimean Engineering
and Pedagogical University,
Simferopol

Инфинитив как объект современных лингвистических исследований

Статья раскрывает основные подходы к изучению грамматических и функциональных особенностей инфинитива немецкого языка; рассмотрена проблема интерпретации термина «инфинитив» в истории лингвистических исследований; выявлены основные критерии выделения инфинитива как глагольной формы.

Ключевые слова: *инфинитив, синкретизм, глагольная парадигма.*

This article focuses on the study of the main approaches to the research of grammatical and semantic and functional features of the German infinitive; deals with the problem of interpretation of “infinitive” from the historical perspective; highlights the main criteria for their verbal interpretation.

Key words: *infinitive, syncretism, verbal paradigm.*

Изучение развития языкового явления требует идентификации его лингвистической природы, необходимой для выявления общих и специфических признаков и установления потенциала его динамики. Инфинитив представляет собой грамматическую форму, лишенную четких морфологических признаков и обладающую особенностями именной и глагольной части речи. Такие межчастеречные формы с трудом поддаются описанию, с одной стороны, из-за недостаточной разработанности общих принципов классификации частей речи, с другой стороны, из-за отсутствия комплексного описания синкретических единиц. В данной главе мы проанализируем основные положения современных грамматических теорий, занимающихся идентификацией грамматического статуса инфинитива.

Оживленные поиски путей нормализации языка, проводимые учеными во второй половине XIX столетия, способствовали активной разработке проблематики частеречной дифференциации, что, в свою очередь, привлекло внимание ученых к изучению лингвистической природы инфинитива. Традиционная грамматика, представленная в древнейших индийских и

греческих языковедческих трудах, не включает инфинитив в список основных частей речи из-за его противоречивой природы.

Дальнейшие поиски критериев разграничения частей речи приводят ученых к обнаружению в различных языках целого ряда синкретических единиц с признаками нескольких частей речи, что значительно усложняет их идентификацию. Применение разработанного в середине прошлого столетия принципа полевой частеречной структуры дало возможность обосновать их наличие в языке принадлежностью к периферии и расположить на стыке нескольких частей речи [1].

Благодаря своему синкретизму, инфинитив, начиная с середины прошлого века, становится объектом научного интереса отечественных и зарубежных лингвистов. В центре внимания оказываются как его отдельные формы, так и инфинитив конкретного языка в целом. Исследование инфинитива проводится в следующих направлениях: 1) изучение семантической природы и функционирования инфинитива современных европейских языков в синхронном аспекте; 2) морфологический и функциональный анализ отдельных форм инфинитива в синхронном и диахронном аспектах; 3) сравнительный анализ и типология инфинитива различных языков; 4) происхождение и развитие инфинитива в индоевропейских языках.

В конце прошлого столетия в рамках теории переходности была предложена концепция переходности отдельных частей речи, которая включает в методику исследования диахронный аспект. При таком подходе инфинитив рассматривается как семантико-функциональный класс с дифференциальными признаками имени и глагола [2], интерпретируется как переходная форма из одного класса в другой и квалифицируется как гибрид или контаминант [7: 11]. Инфинитив и другие нефинитные формы получают название вербоидов (термин предложен О. Есперсен). При анализе переходных явлений ключевыми становятся такие факторы, как механизм перехода классов и причины, которые

обуславливают такой переход, исчезновение и становление в языке грамматических категорий.

При *синхронном* рассмотрении в лингвистике сложилось несколько подходов к определению такого специфического явления как инфинитив. В большинстве случаев он трактуется как:

- *неличная форма глагола* (В. В. Виноградов, В. М. Жирмунский и др.);
- *отглагольное имя существительное* (А. М. Пешковский);
- *отдельная часть речи* (большинство представителей фортунаатовской школы, кроме А. М. Пешковского, а также А. А. Потебня, Л. Теньер).

Наличия различных критериев выделения частей речи и стремление не давать преимущества семантическим, морфологическим или функциональным признакам способствуют неоднозначной идентификации инфинитива как глагольной формы. Его характеризуют как «именную форму глагола» (В. М. Жирмунский, А. И. Смирницкий), «неопределенную форму глагола» (В. В. Виноградов), «неличную форму глагола» (Л. С. Бархударов, М. Я. Блох), «основную форму глагола» (грамматика Duden, Г. Хельбиг, И. Буша, Е. И. Шендельс), «исходную форма глагола» (Д. Э. Розенталь). Несмотря на многочисленность дефиниции, инфинитив, по оценке немецкого лингвиста П. Валентина, все еще остается для языковедов «terra incognita» [10: 9]

Понятие «именной формы» в отечественной славистике и германистике базируется на грамматическом учении А. А. Потебни, который настаивал на именном характере инфинитива и считал его особой частью речи. Несмотря на то, что в традиционной лингвистике признается глагольный статус инфинитива, подчеркивание его тесной связи с именем, проявляющейся в функциональном потенциале инфинитива, сохраняется. Следует отметить, что такая интерпретация инфинитива не является универсальной, поскольку именной природой обладает не только сам инфинитив, но и такие глагольные формы, как причастие, герундий, супин, масдар. По мнению А. И. Смирницкого, «герундий представляет собой более субстантивную форму репрезентации, чем инфинитив, т. е. имеет более именной характер» [8: 249].

Характеристика инфинитива как «неопределенной формы глагола», указывающая на характер его употребления без связи со временем, лицом и числом, скорее всего, также исходит от А. А. Потебни, который, вслед за Ф. И. Буслаевым, называл инфинитив «неопределенным наклонением».

А. М. Пешковский, считая вопрос об именовании данной глагольной формы второстепенным, все же заметил, что характеристика инфинитива как «неопределенной формы» является неудачной. На его взгляд, этот термин «чисто отрицательный», в то время как сама форма имеет положительные черты. Ученый предложил именовать форму «подглаголком», но позже отказался от этого названия в пользу латинского «*infinitiv*», скрывающего, на его взгляд, свою отрицательность «под оболочкой иноземного звучания» [6: 131].

Отсутствие признака определенного лица лежит также в основе именовании инфинитива как "неличной" формы глагола, что дает все основания рассматривать оба обозначения – «неопределенная форма» и «неличная форма» – в качестве синонимов и признать категории лица единственным дифференцирующим признаком в оппозиции *финитная / инфинитная форма* глагола.

Однако факт приоритетности категории лица не находит подтверждения у ряда лингвистов. Согласно А. А. Шахматову, инфинитив вызывает представление о производителе соответствующего действия-состояния подобно тому, как имя прилагательное вызывает представление о носителе соответствующего качества-свойства [9: 43]. В то же время, ученый признает, что при известных условиях представление о производителе признака может отсутствовать: «это имеет место там, где инфинитив является в качестве дополнения, где он имеет значение объекта» [там же: 44].

В то же время И. Р. Выхованец отмечает, что в украинском языке инфинитив с формами будущего времени аналитической синтаксической морфемы-связки *бути* «передает соответствующее временное значение, со вспомогательными глаголами и модальными предикативами – значение

настоящего, прошедшего и будущего времени и субъективные модальные отношения, а со вспомогательными фазовыми глаголами – значения всех трех временных форм и фазовые явления действия или состояния» [5: 221].

Следует отметить, что набор глагольных грамматических значений инфинитива в различных языках варьируется. В немецком языке инфинитив не обладает категориями лица, числа и, частично, времени; в русском языке – категориями лица, числа, наклонения и времени, в английском – времени, наклонения, числа и лица. Общими для германских и славянских языков все же оказываются категории числа и лица, что дает основание рассматривать инфинитив наряду с причастием и герундием как неличную форму глагола.

Распространенным в славистике и германистике является и интерпретация инфинитива как *основной, исходной* формы глагола, что выделяет инфинитив из группы других нефинитных глагольных форм. В свое время Д. Н. Овсяннико-Куликовский и А. А. Шахматов подчеркивали, что инфинитив русского языка следует считать основной формой глагола, «глагольным номинативом», а отношение к лицу делает инфинитив спрягаемой частью речи. Этому мнению придерживается и А. М. Пешковский: «Как именительный падеж (по большей части при том единственного числа) принимается нами за простое, голое название предмета, без тех осложнений в процессе мысли, которые вносятся формами косвенных падежей, так и неопределенная форма благодаря своей отвлеченности представляется нам простым голым выражением идеи действия, без тех осложнений, которые вносятся в нее всеми другими глагольными категориями» [6: 131].

На том, что форма инфинитива – это нулевая форма в глагольной парадигме, настаивает М. Я. Блох, называя ее «главной» формой (head-form): «инфинитив следует рассматривать как главную форму целой парадигмы глагола» [3: 105]. Эту точку зрения разделяют авторы грамматики немецкого языка Duden (1998), считая, что именно инфинитив является формой презентации глагола в словаре: «формой, в которой глагол как ключевое слово подаётся в словаре, является инфинитив».

Большинство ученых по грамматическим (морфологическим) признакам отводят инфинитиву место на периферии части речи *глагол*, поскольку он не обладает всеми глагольными грамматическими значениями и не имеет парадигму спряжения: «инфинитив – не центр глагольной системы, а ее окраина» [4: 511]. Лишь при семантическом подходе инфинитив является наиболее подходящим для роли основной глагольной формы, поскольку грамматические признаки глагола в этом случае оказываются несущественными.

Таким образом, при именовании инфинитива как глагольной формы существенными оказываются его морфосинтаксические («именная», «неличная», «неопределенная» форма глагола), либо семантические признаки («основная», «исходная» форма глагола).

При грамматическом подходе инфинитив оказывается в одной группе с другими нефинитными формами, такими, как причастие, герундий, супин и масдар, с которыми он находится в оппозиции по семантическим и морфосинтаксическим признакам. При семантическом подходе инфинитиву отводится основная роль при характеристике части речи *глагол*, а его грамматические признаки не учитываются. При этом инфинитив противопоставляется другим глагольным формам как исходная (основная) всей глагольной парадигмы.

Список литературы

1. *Адмони, В. Г.* Полевая природа частей речи (на материале числительных) [Текст] / В. Г. Адмони // Вопросы теории частей речи : на материале языков различных типов. – Л. : Наука, 1968. – С. 98-104.
2. *Бабайцева, В. В.* Явления переходности в грамматике русского языка [Текст] / В. В. Бабайцева. – М. : Дрофа, 2000. – 640 с.
3. *Блох, М. Я.* Теоретическая грамматика английского языка [Текст] / М. Я. Блох. – М. : Высш. школа, 1994. – 381 с.
4. *Виноградов, В. В.* Русский язык (грамматическое учение о слове) [Текст] / В. В. Виноградов. – М. : Высш. школа, 1972. – 614 с.
5. *Вихованець, І.* Теоретична морфологія української мови [Текст] / І. Вихованець, К. Городенська. – К. : Унів. вид-во «Пульсари», 2004. – 290 с.
6. *Пешковский, А. М.* Русский синтаксис в научном освещении [Текст] / А. М. Пешковский. – 7-е изд. – М. : Учпедгиз мин-ва просвещения РСФСР,

1956. – 371 с. 7. *Сидоренко, Е. Н.* Диахронный и синхронный аспекты переходности в системе частей речи и контаминантов [Текст] / Е. Н. Сидоренко, И. Я. Сидоренко. – Симферополь : Таврия, 1993. – 95 с.
8. *Смирницкий, А. И.* Морфология английского языка [Текст] / А. И. Смирницкий. – М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1959. – 440 с.
9. *Шахматов, А. А.* Синтаксис русского языка [Текст] / А. А. Шахматов. – 4-е изд. – М.: ЛКИ, 2007. – 624 с. – (Серия «Лингвистическое наследие XX века»).
10. *Valentin, P.* Wieviel Infinitiv braucht das Deutsche? [Text] / P. Valentin // Der Infinitiv im Deutschen / Hrsg. von J. F. Marillier, C. Rozier. – Tübingen : Stauffenburg, 2005. – S. 9-20.

В. А. Дроздов

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк
e-mail: drozdov.va1950@gmail.com

V. A. Drozdov

Donetsk National University,
Donetsk

Н. В. Дроздова

ГОУ ВПО «Донецкая государственная музыкальная академия имени С. С. Прокофьева», г. Донецк

N. V. Drozdova

Donetsk Musical Academy,
Donetsk

Алгоритм выбора видо-временных форм английского языка при переводе с русского на английский

На основе использования дефиниций обстоятельственных слов, приведенных в толковом словаре английского языка А.С. Хорнби, в статье дается алгоритм употребления видо-временных форм английского языка. Этот адвербоцентрический подход противопоставлен вербоцентрическому подходу, приводимому в отечественных грамматиках английского языка.

Ключевые слова: обстоятельство, адвербоцентрический, вербоцентрический, видо-временная форма, алгоритм.

Basing on A.S. Hornby lexical definitions of adverbial modifiers, the article produces the algorithm to solve the problem of using the English tense-aspect forms. This is the adverb-centrist approach and it is opposed to the verb-centrist approach popularized by our English grammars, published in this country.

Key words: *adverbial modifier, adverb-centric, verb-centric, tense-aspect form, algorithm.*

Обучение английскому языку на языковом факультете предполагает развитие у студентов навыков и умений сознательного восприятия и осмысления языкового материала, выявление логических связей между языковыми явлениями.

Определенную трудность для русскоязычных студентов представляет употребление видо-временных форм прошедшего индефинитного (the Past Indefinite) (далее – PI) и настоящего времени перфектного разрядов (the Present Perfect) (далее – PP), поскольку видо-временные системы английского и русского языков являются почти непересекающимися. Объясняется это также тем, что существующие грамматики английского языка зачастую рекомендуют запомнить, не предлагая объяснения, что при наличии некоторых

обстоятельств, например, обстоятельства *just now*, употребляется только the Past Indefinite [1: 98]. При наличии в предложении обстоятельств *just, ever* следует употреблять the Present Perfect [2: 141, 143; 3: 25].

Мы считаем, что для данных и подобных случаев употребления PI и PP вполне можно представить эксплицитное объяснение. Это один из пунктов языковой системы, который поддается логическому осмыслению. При этом можно будет отказаться от бездумного запоминания лексических контекстов, сигнализирующих об употреблении PI и PP. Логику употребления данных видо-временных форм легко понять, если опираться на трактовку лексических значений обстоятельственных слов *never, ever, just, just now, since, yet, lately, recently, for days* и др., приведенных в толковом англо-английском словаре А. С. Хорнби [5].

Из лексических определений обстоятельственных слов, приведенных в словаре А. Хорнби, надо научиться выявлять грамматическую семантику. При переводе вопроса *Вы когда-нибудь были в Лондоне?*, мы обращаем внимание на то, что в данном словаре для обстоятельства неопределенного времени и частотности *ever* 'когда-нибудь' в словаре А. Хорнби предлагается дефиниция «*at any time up to the present*» 'в любое время вплоть до настоящего' [4: 211]. Из данного определения лексического значения адверба *ever* извлекаем грамматически-релевантную информацию. Она сводится к тому, что действие, обозначаемое адвербом *ever*, имеет две точки, одна из которых находится в прошлом, а другая в моменте речи. Две точки находятся в отношении связи, т. е. они образуют двуточечный период. Именно поэтому в вопросительном предложении мы употребляем перфект настоящего времени, который по определению «выражает действие, хотя и совершенное в прошлом, но связанное с настоящим благодаря наличию результата в настоящем времени» [2: 141]. Заметим, что в предложении на английском языке одна и та же грамматически-релевантная информация повторяется дважды. В первый раз мы извлекаем грамматически релевантную информацию из лексической дефиниции обстоятельственного слова *ever*, приводимой в словаре А. Хорнби в

виде: «at any time up to the present» [5: 211]. Она сводится к утверждению «наличие связи между первой точкой действия в прошлом и второй точкой в моменте речи», и во второй раз – в описании действия таксисной формы PP, приведенном в учебнике практической грамматики, а именно: «перфект выражает действие, хотя и совершенное в прошлом, но связанное с настоящим» [2: 139].

Повторение одной и той же информации в одном предложении называется грамматической избыточностью или грамматическим плеоназмом. Грамматический плеоназм в английском языке, выявленный нами, заключается в том, что идея двуточечности действия в английском предложении повторяется дважды: в грамматической семантике лексического значения обстоятельственного слова и в употреблении самой видо-временной формы PP.

С другой стороны, в русском языке обстоятельство «когда-нибудь» в словаре С. И. Ожегова имеет следующую дефиницию: «в какое-нибудь неопределенное время – настоящее, прошедшее или будущее» [4: 281]. Обращает на себя внимание то, что в приведенной русской дефиниции обстоятельственного слова «когда-нибудь» нет второй точки действия, которая присутствует в английской дефиниции слова *ever*. Это может подталкивать русскоязычных обучаемых употреблять прошедшее индефинитное время вместо настоящего перфектного в английском предложении.

Заметим, что в английском языке грамматический плеоназм сводится к повторению одной и той же грамматически релевантной информации максимум два раза. В то время как в русском языке одна и та же грамматически релевантная информация может повторяться шесть, семь и больше раз. Например, в русском предложении ‘этот необыкновенный дом был построен в 2000 году’ грамматические значения (единственное число, мужской род) повторяются пять раз в различных частях речи. Для английского языка согласование между частями речи не характерно. Способностью согласовываться (по числу) в английском языке обладают всего два слова: указательные местоимения *this* и *that*.

С точки зрения теории информации грамматический плеоназм русского языка обеспечивает русскому устному высказыванию высокую долю надежности при прохождении канала связи, т.е. надежность быть услышанным слушающим. Грамматический плеоназм русского языка имеет большую пользу для переводчиков. Благодаря согласованию между частями речи в русском языке переводчик при неблагоприятных условиях работы (например: включение микрофона с небольшим опозданием и т.д.) может восстановить утраченную информацию русскоязычного текста.

Обстоятельство *just now* в словаре А. Хорнби трактуется: «a short time ago» ‘короткий промежуток времени тому назад’ [5: 281]. При этом, как видим, в словарной статье А. Хорнби присутствует эксплицитный указатель употребления временной формы PI – обстоятельство *ago*. Именно из-за наличия семы ‘разрыв связи с моментом речи’, присутствующей в адвербе *ago*, в предложении на английском языке следует употреблять форму времени PI.

Перевод на русский язык обстоятельства *just now* как ‘только что’ совершенно не связывается в сознании обучаемого с употреблением временной формы PI. Ведь обстоятельство *just* тоже переводится с английского языка как ‘только что’. И вот для этого случая практические грамматики английского языка рекомендуют обучаемым запомнить, что при наличии обстоятельства *just now* следует употреблять только временную форму PI тогда, как при наличии в предложении обстоятельства *just* грамматики английского языка рекомендуют употреблять только временную форму PP. Например: «With the adverb ‘just’ the Present Perfect is used. With the expression ‘just now’ the Past Indefinite is used» [1: 98; 2: 143; 3: 30].

Обратим внимание на то, что обстоятельство *just* трактуется в словаре А. Хорнби следующим образом: «of an immediate past» ‘в ближайшем прошлом’ (GB: в британском английском) *I’ve just had dinner* (US: в американском английском) *I just had dinner* [5: 336].

Объясним вышеприведенные словарные дефиниции и связанные с ними примеры. Поскольку (*just*) «of an immediate past» ‘ближайшее прошлое’

предполагает наличие разрыва связи с моментом речи, употребление временной формы PI в американском английском следует, так сказать, букве и духу дефиниции обстоятельственного слова *just*, приведенной в словаре А. Хорнби. В британском варианте английского языка употребление временной формы PP при обстоятельстве *just* трактуется следующим образом. При употреблении обстоятельства *just* имеет место разрыв связи с моментом речи (и это легко изобразить на рисунке), но благодаря значению 'наличие результата к моменту речи' происходит связь между точкой ближайшего прошлого и моментом речи.

Изложим алгоритм шагов обучающегося при употреблении видо-временных форм английского языка при изложении мыслей на английском языке (т. е. при переводе на английский язык):

1) найти обстоятельственное слово в предложении. При помощи словаря Хорнби установить его дефиницию. Выявить грамматическую семантику из лексической дефиниции обстоятельства, приведенной в словаре А. Хорнби.

2) если в словарной дефиниции обстоятельственного слова действие трактуется как двуточечный период, употребляем видо-временные формы PP или PPC (the present perfect Continuous).

3) если в словарной дефиниции обстоятельственного слова действие трактуется как однотоочечное, следует употреблять видо-временные формы PI (the Past Indefinite) или PC (the Past Continuous).

Сформулируем некоторые выводы.

1. Изложенная методика выявления грамматически релевантной информации, скрытой в обстоятельственных словах английского языка, а также опора на лексические дефиниции обстоятельственных слов, приводимые в толковом словаре английского языка А. Хорнби оказывается весьма полезной в работе преподавателя при обучении правильному употреблению видо-временных форм перфектного, перфектно-длительного разрядов с одной стороны, и прошедшего индефинитного или прошедшего длительного, с другой стороны.

2. Методику обучения употреблению видо-временных форм английского языка, предложенную в нашей концепции, мы называем адвербоцентрической, поскольку от грамматической семантики лексического значения адверба зависит выбор видо-временных форм английского языка. Методику употребления видо-временных форм английского языка, изложенную в цитированных грамматиках [1; 2; 3], мы называем вербоцентрической.

3. Методику выявления грамматической семантики обстоятельственных слов при помощи словаря Хорнби можно рассматривать в качестве подступов к подаче материала в словаре грамматической семантики обстоятельственных слов английского языка, создание которого представляет собой актуальную проблему для английского языка.

Список литературы

1. *Грамматика английского языка* [Текст] / В. Л. Каушанская, Р. Л. Ковнер, О. Н. Кожеваникова и др. / Под. ред. Б. А. Ильиша. – Л. : Высшая школа, 1967. – 319 с.
2. *Качалова, К. Н.* Практическая грамматика английского языка [Текст] / К. Н. Качалова, Е. Е. Израилевич. – М. : ЮНВЕС, 1999. – 717 с.
3. *Крылова, И. П.* Грамматика современного английского языка [Текст] / И. П. Крылова, Е. М. Гордон. – М. : Высшая школа, 1999. – 443 с.
4. *Ожегов, С. И.* Словарь русского языка. – М. : Русский язык, 1990. – 922 с.
5. *Хорнби, А. С.* Учебный словарь современного английского языка ; спец. изд. для СССР А. С. Хорнби ; при участии К. Руз. – М. : Просвещение, 1983. – XII, 769 с.

Терминообразующая функция научной метафоры

Статья посвящена исследованию роли метафоры в научном дискурсе. Когнитивный подход к изучению метафоры, противостоящий ее традиционному пониманию как литературного приема, признает метафоричность общим свойством человеческого мышления. Данная перспектива позволяет не только объяснять процесс осознания метафор, но и рассматривать концептуальную метафору как основание научной теории.

Ключевые слова: *метафора, термин, модель, терминообразование, коннотация, концепт.*

The article contains the study of metaphor role in scientific discourse. Cognitive approach to metaphor learning, as opposed to its traditional understanding as a literary device, recognizes the metaphoricity as the general property of human thought. This perspective allows us not only to explain the process of metaphors realization but also to consider the conceptual metaphor as the basis of a scientific theory.

Keywords: *metaphor, term, model. term-generating, connotation, concept*

Исследования метафорической природы термина и процессов терминообразования являются значительными достижениями современного терминоведения.

Как известно, терминологическая метафора является «способом косвенной номинации, воплощающей результаты познавательной и классифицирующей деятельности человека» [8: 40]. Метафорический термин, порождаясь в тексте, одновременно интерпретируется, т.е. научная метафора одновременно является и объясняемым и объясняющим. Термин – метафора начинает функционировать в тексте как «интерпретант» нового научного понятия, так как метафора всегда идёт из своих собственных глубин. Как бы ни назывался этот глубинный процесс – сравнение, интеракция или контаминация – в любом случае он предполагает самоинтерпретируемость метафоры. Следовательно, возникнув в «родном» речевом сознании, метафорический термин функционирует в научном тексте как семантический компрессат дефиниции. Перейдя же в иноязычную когниосферу, он утрачивает

это свойство и становится, на наш взгляд, термином-темой, требующим уже специального семантического развёртывания, т. е. лексикографического толкования.

Вопрос о роли метафоры в языке науки, как известно, имеет сложную историю, хотя, казалось бы, оснований для этого в самой науке нет. Как показывают многочисленные исследования метафоры, история развития многих научных концептов, таких как *язык*, *тяжесть*, *сила*, *электронная дырка*, *пожирющие клетки*, *пустынность Вселенной* и т. п., демонстрирует их метафорическую природу.

Понять значение анализа терминологических метафорических процессов можно, принимая во внимание масштабы метафоризации как одного из глобальных и продуктивных процессов порождения языковых единиц в современной речевой деятельности [9; 10; 11].

Проникновение метафоры не только в сферу терминопорождения, но и в другие области функционирования языка трактуется в современных теориях не как отклонение от нормы, а как вполне закономерное и естественное явление языка в целом. Более того, метафора – это не просто принадлежность языка, все процессы человеческого мышления в значительной степени метафоричны, соответственно и понятийная система человека метафорически структурируется и определяется [2: 129].

Следовательно, метафоричность научных терминов, основных компонентов языка науки и техники, оказывается мотивированной, по крайней мере, дважды: с одной стороны, общелингвистической тенденцией развития языка науки, а с другой – метафоричностью мышления, этапы развития которого фиксируются созданием новых терминов.

В аспекте языковой концептуализации происходит изменение объёма содержания самого понятия метафоры, что является существенным при решении вопроса о роли метафоры в языке науки и процессах терминопорождения. По мнению Н. Д. Арутюновой, «всеобщая метафоризация привела к размыванию самого концепта метафоры: метафорой стали называть

любой способ косвенного и образного смысла» [2: 7]. В отношении этого высказывания можно заметить, что такой глобальный процесс, как метафоризация, представляется вполне естественным и закономерным в аспекте всеобщей тенденции повышения степени абстрактности научных понятий, а также на основании результатов качественного анализа самой категории метафоры, связанного с выявлением неоднозначности данной категории в противоположность однозначности, выделяемой в рамках понятия тропности или фигур речи.

В традиционном терминоведении метафора рассматривалась как нежелательное явление, а не как сущность терминообразования. Объясняется это частично тем фактом, что изучение метафоры было в какой-то мере привилегией стилистики. Поэтому в понятии метафоры преобладало отражение именно её стилистической интерпретации. Традиционно метафоризацию связывали с коннотацией. Стереотипное понимание языка науки как объективного, неземонального привело к тому, что и термин традиционно рассматривался как лексическая единица, эмоционально нейтральная. Отсюда и утверждение: метафора и термин, который не без давления стилистики считался коннотативно нейтральным, находятся скорее в оппозиции, чем в единстве.

Концепция соотношения «термин : метафора» прошла в своём развитии по крайней мере три этапа: от традиционного утверждения о противоположности нейтрального термина и коннотативной метафоры через тезис о возможности употребления метафоры в научно-технических текстах, но явлении крайне редком и нежелательном, к «безумной» идее о том, что терминологизация по своей природе метафорична.

В исследованиях многих терминологов содержится и другая важная мысль – о связи метафоры и модели: «Метафора как бы погрузилась в теоретическую модель, составив её глубинный скрытый слой, без которого модель не может получать содержательную интерпретацию» [6: 62]. В этом высказывании есть несколько моментов, которые соотносятся некоторым

образом с деривационной интерпретацией метафоры [1]. Во-первых, метафоризация здесь представлена явлением глубинного уровня. Во-вторых, метафора сама характеризуется как модель, она конструктивна. Вместе с тем логическая точка зрения на метафору принципиально отличается от деривационной концепции. В некоторых работах метафора – это некая модель, наполняемая содержанием, в то время как в деривационной теории метафоризации – это процесс порождения новой единицы.

Один из возможных путей исследования метафоры – её анализ в аспекте дихотомии общего и специфического, осознание которой в рамках специфики языка науки напрямую связано с решением старой, но до сих пор открытой проблемы экспрессивности термина. Эта проблема вновь обрела остроту в связи с публикацией монографии В. Н. Прохоровой «Русская терминология (лексико-семантическое образование)» [9], где утверждается, что «кроме сигнификативного и денотативного значения (обозначение понятия и «предмета») у терминов всех терминосистем может присутствовать также коннотация – определённые семантические наслоения. В понятие коннотации в лексическом значении термина мы включаем эмоциональность, экспрессивность и образность» [9: 17]. В качестве примеров экспрессивных терминов приводятся следующие: *болезнь стали, желудочек сердца* и др.

Думается, что в современной теории терминообразования понятие коннотации несколько абсолютизировано, что «стирает» его специфику в различных типах семантических структур (имеется в виду семантика слова и семантика термина).

Как и любой другой производный компонент, лексическое значение термина сложнее своей первоосновы. Это находит своё выражение в том, что значение термина оказывается противоречивым, поскольку оно, с одной стороны, определённо и конкретно (ввиду дефинитивности), а с другой стороны – многозначно и метафорично, как следствие своего опосредованного характера. Всё это определяет специфику, по определению ряда исследователей, концептуального значения термина, которое, кодируя целые

научные концепции, одновременно выражает их когнитивный смысл, соотносимый с эвристичностью, открытостью и другими свойствами любой научной концепции [1; 4; 5].

В связи с этим мы полагаем, что в семантической структуре термина, образованного на основе эмоционального окрашенного слова (а в лексической системе языка почти любое слово терминогенно), коннотация, как компонент этой структуры, не эквивалентна коннотации исходной семантической структуры слова естественного языка. На наш взгляд, модификация коннотации термина заключается в том, что в ней нейтрализуются эмоциональность и экспрессивность, а остаётся лишь образность, соотносимая с понятием, выраженным в слове естественного языка, которое используется в качестве модели или прообраза в процессе терминопорождения. Действительно, такие термины, как возмущенная орбита, химическое спокойствие, сгущение жизни, вряд ли содержат какую-либо установку на экспрессию. Наоборот, при выполнении задачи концептуализации в этих терминах осуществляется стремление к достижению наивысшего подобия с соответствующими моделями – посредниками.

Абсолютизация понятия коннотации является причиной аналогичного процесса в отношении термина-метафоры в научном творчестве. Известно, что идея об эмфатическом характере метафоры принадлежала ещё Аристотелю и в дальнейшем нашла своё воплощение в теории метафоры М. Блэка, но даже М. Блэк, приписывая эмфатические свойства метафоре, считал необходимым различать «эмфатические» и «резонансные» метафоры, относя к последнему типу когнитивные метафоры [3].

Абсолютизация общего в метафоре также способствует утрате её специфики в разных типах текста. Например, научной метафоре приписываются экспрессия, эмотивность, в то время как коннотативность, относящаяся обычно к периферии структуры значения слова, не является метафорообразующим элементом, так как научная метафора возникает на основе главного значения структуры, её интенционала.

Ближе всех к деривационной теории метафоры стоит исследование Э. А. Лапиня [7: 8]. Она утверждает, что механизм научной метафоры в период становления понятий и концепций состоит во взаимодействии известных и постигаемых понятий, что приводит к порождению знания [8: 144].

Наиболее полно, на наш взгляд, деривационная теория метафоры разработана в исследовании Л. М. Алексеевой «Термин и метафора» [1]. Она отмечает, что метафоризация, как процесс, имеет лингвистическое и гносеологическое обоснование. Лингвистически метафоризация как основа процесса терминообразования обусловлена следующим: материальной базой терминологизации является естественный язык. Самое сложное научное понятие задаётся на естественном языке, поскольку терминологический банк пополняется в основном не за счёт создания абсолютно новых терминологических единиц, а за счёт приписывания нового содержания старым единицам.

Гносеологическое обоснование метафоризации Л. М. Алексеева усматривает в том, что метафора является средством структурирования понятийной системы. Она подчёркивает, что указанные выше обоснования взаимообусловлены, поскольку использование метафоры в языке науки возможно потому, что метафора лежит в основе концептуального мышления человека. В процессе терминотворчества ведётся поиск дополнительного денотата и определяется релевантная характеристика, с помощью которой изучаемый объект или явление отображается в знаниях исследователя. Использование метафоры в качестве вновь порождённого концепта – это выражение субъективного характера терминотворчества. Кроме того, метафора помогает связать авторскую концепцию с возможностью её интерпретации коммуникантом таким образом, чтобы могли возникнуть точки взаимодействия двух потоков сознания.

Таким образом, в деривационном аспекте метафора рассматривается как тип семантической деривации, а «метафорический термин имеет статус

конституента новой научной теории» [1: 230] и является полноценной, а не ущербной единицей терминообразовательных процессов.

Список литературы

1. *Алексеева, Л. М.* Термин и метафора: монография [Текст] / Л. М. Алексеева. – Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 1998. – 250 с.
2. *Арутюнова, Н. Д.* Метафора и дискурс [Текст] / Н. Д. Арутюнова // Теория метафоры : сборник. – М., 1990. – С. 5-32.
3. *Блэк, М.* Метафора [Текст] / М. Блэк // Теория метафоры : сборник. – М., 1990. – С. 153-172.
4. *Володина, М. Н.* Терминологическая номинация и информационная картина мира [Текст] / М. Н. Володина // Научно-техническая терминология : науч.-техн. реф. сб. – М., 1996. – Вып. 2. – С. 16-22.
5. *Володина, М. Н.* Когнитивно-информационная природа термина [Текст] / М. Н. Володина. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2000. – 128 с.
6. *Гусев, С. С.* Наука и метафора [Текст] / С. С. Гусев. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1984. – 140 с.
7. *Лапиня, Э. А.* Метафоризация как способ терминообразования в микроэлектронике : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 [Текст] / Э. А. Лапиня ; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – М., 1986. – 21с.
8. *Лапиня, Э. А.* Метафора в терминологии микроэлектроники (на материале английского языка) [Текст] / Э. А. Лапиня // Метафора в языке и тексте. – М., 1988. – С. 134-145.
9. *Прохорова, В. Н.* Русская терминология (лексико-семантическое образование): монография [Текст] / В. Н. Прохорова ; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, филол. фак. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1996. – 125 с.
10. *Рикёр, П.* Метафорический процесс как познание, воображение и ощущение [Текст] / П. Рикёр // Теория метафоры : сборник. – М., 1990. – С. 416-434.
11. *Серль Дж. Р.* Метафора [Текст] / Джон Р. Серль // Теория метафоры : сборник. – М., 1990. – С. 301-341.

Г. Н. Игнатюк

УО «Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины», г. Гомель
e-mail: *galina.ignatjuk@yandex.ru*

G. N. Ignatyuk

Francisk Scorina
Gomel State University,
Gomel

Фразовые глаголы английского языка в диахроническом аспекте

В статье рассматриваются исторические пути образования фразовых глаголов английского языка. Анализируются структурно-семантические особенности, словообразовательные характеристики фразовых глаголов, природа и функциональные свойства поствербального элемента. Затронуты вопросы функционирования фразовых глаголов в германских и некоторых других европейских языках.

Ключевые слова: фразовый глагол, поствербальная частица, неотделяемая приставка, идиоматическое значение, словообразование, диахронический подход

The article deals with the historic ways of the rise of phrasal verbs in English. Structural and semantic peculiarities of phrasal verbs, word-building characteristics, the nature and functioning of the post-verbal particles are under consideration. The questions of the functioning of phrasal verbs in Germanic and some other European languages are touched upon.

Key words: phrasal verb, post-verbal particle, inseparable prefix, idiomatic meaning, word-building, diachronic approach

На протяжении многих веков в английском языке происходят процессы расширения и обновления словарного состава, в немалой степени обязанные своим существованием безграничным возможностям семантической деривации. Одной из самых значимых частей речи, активно вовлекаемых в деривационные процессы, происходящие в английском языке, является глагол. В многочисленных трудах лингвистов, занимающихся изучением семантики английского глагола, немаловажное место занимают особые глагольные образования, получившие в научной литературе термин «фразовые глаголы».

По своим структурно-семантическим характеристикам фразовые глаголы, несмотря на тесную семантическую спаянность, представляют собой единицы, тяготеющие скорее к словосочетанию, так как в них присутствуют, как минимум, два элемента: глагол (зачастую, широкой семантики) и поствербальный элемент с наречным значением: *break up, hang on, look after, put off, take over* и др. Характеризуясь раздельнооформленностью, фразовые

глаголы часто скрывают в себе идиоматическое значение, не выводимое из сложения значений их компонентов. Так, например, высокую степень идиоматичности и семантической завуалированности демонстрируют следующие глаголы: *to drop off* ‘to fall asleep’; *to take in* ‘to deceive’; *to fall out* ‘to quarrel’; *to run down* ‘to criticize’, *tell off* ‘scold’ и т. п.

Благодаря этому свойству подобные глагольные образования пользуются огромной популярностью у носителей языка, так как придают ему живость и оригинальность, не утяжеляя при этом речь, а, напротив, добавляя ей беглости, лаконичности и образности. Фразовые глаголы представляют собой один из наиболее востребованных лексических пластов разговорной речи; особенно востребованы эти лексические образования в молодежной среде, рекламном бизнесе, а также в публицистике. При этом, как правило, для разговорной речи наиболее типично употребление непереходных фразовых глаголов (*come on, go off, shut up, hold on, make out* и т. п.), а переходные могут встречаться как в устной, так и в письменной речи, однако некоторые из них преимущественно используются на письме, например, в научной прозе и деловых документах: *point out, account for, set up, comply with* и др. По статистике частота встречаемости фразовых глаголов на миллион слов составляет примерно: 1900 – в художественной литературе; 1800 – в разговорной речи; 1400 – в газетных изданиях; 800 – в академическом письме [2: 10; 409-412].

Очевидно, что такое языковое явление не могло остаться незамеченным в научной среде и, вполне естественно, являлось объектом многочисленных исследований. При этом изучаемые глагольные образования трактовались учеными по-разному. Разнообразие лингвистических терминов обусловлено сложной и неоднозначной природой этих глагольных образований и основано на различных акцентах, которые исследователи определяют как ведущие при их идентификации, ср., например: *verb-adverb combination, particle verb, verb-particle combination, verb-particle construction, discontinuous verb, merged verb, separable verb, two-word verb, poly-word verb, separable compound* и др. [3: 306-308]. Существующие определения различаются тем, что основным

идентифицирующим критерием выступает либо синтаксический признак раздельнооформленности, либо морфологические признаки частеречной отнесенности лексических элементов конструкции.

Получивший в современной научной литературе широкое распространение термин «фразовый глагол» (*phrasal verb*) был впервые введен в употребление в 1925 году Л. П. Смитом [5], хотя подобные глагольные образования являлись предметом научного изучения, начиная с XVIII века. Основные структурно-семантические характеристики конструкции глагола с частицей (*verb-particle construction*) были описаны М. Меттером ещё в 1712 году в работе «English Grammar».

Следует отметить, что процесс становления фразовых глаголов в английском языке занимал довольно длительный исторический период. Отдельные редкие случаи употребления глаголов с поствербальной частицей в древнеанглийском постепенно перерастали в закономерную тенденцию использования послелогов вместо широко распространенных глагольных префиксов. Например: *ac he teah forð þa his ealdan wrenceas* ‘but he brought forth his old tricks’.

Древнеанглийскими предками фразовых глаголов являются неразделяемые префиксальные глаголы (*inseparable prefix verbs*), представлявшие собой форму, в которой частица находилась перед глаголом. Данные конструкции древнеанглийского периода можно сравнить с современными фразовыми глаголами. Например, глагол *burn* соотносится с древнеанглийским глаголом *baernan*, а фразовый глагол *burn up* с глаголом *forbaernan*, в котором префикс *for* был неотделяемым.

Такие составные глаголы характеризовались высокой идиоматичностью, значение составной формы могло совершенно отличаться от значения корня. Так, например, глагол *beraedan* имел значение ‘dispossess’, а его корень *raedan* обладал значением ‘to advise’. Данное явление можно наблюдать и в некоторых глаголах современного английского. Например, глагол *understand* (др.-а *understandan*) первоначально означал ‘to stand underneath smth’.

Следует отметить, что в составе изучаемых глагольных конструкций семантическим изменениям подвергались не только глагольные лексемы, обычно представлявшие собой слова широкой семантики, но и поствербальные элементы. Значение частицы *up* в древнеанглийском имело оттенок направления вверх как, например, в глаголе *grow up* 'расти, вырастать', значение же завершенности, как в глаголе *break up* 'прекращать, распадаться', данный послелог получил уже в среднеанглийский период.

По мнению М. Акимото [1:222], древнеанглийские частицы всегда находились в превербальной позиции, т. к. древнеанглийский был языком типа «OV» (дополнение + глагол), а современный английский является «VO» языком, что создает возможности фиксации частицы в постпозиции. В течение древнеанглийского и в раннем среднеанглийском происходит постепенное вытеснение неотделяемых префиксов поствербальными элементами.

Некоторые авторы полагают, что развитию глаголов с послелогами в среднеанглийский период способствовали тесные контакты англосаксонского с древнескандинавским языком, в составе которого присутствовали фразовые глаголы. В течение долгого времени развитие английского языка происходило под непрерывным интенсивным влиянием скандинавских говоров, принесенных скандинавскими завоевателями в IX-XI вв. По утверждению Д. Кастовского, ситуация «неполного двуязычия» (*incomplete bilingualism*), сложившаяся в средневековой Англии благодаря скандинавскому языку, способствовала развитию фразовых глаголов. Таким образом, можно с определенной долей вероятности утверждать, что скандинавское влияние внесло свой вклад в развитие глаголов с частицами (*particled verbs*) в среднеанглийском периоде [4: 45]. Однако до сих пор остаётся открытым вопрос, стал ли скандинавский язык основной причиной развития английских фразовых глаголов или только внёс определённый вклад в данное явление.

В среднеанглийский период процесс расширения сферы функционирования фразовых глаголов существенно замедлился из-за стремительного массового притока французских заимствований. В этот период

использование фразовых глаголов было ограничено, т. к. после нормандского завоевания французский язык обладал более высоким статусом, и английские фразовые глаголы стали восприниматься как единицы разговорной лексики. Например, принятый в официальном употреблении французский глагол *destroy* ‘разрушать’ обладал таким же значением, как и древнеанглийский фразовый глагол *forbrekan*. Однако к концу XV века языковая ситуация в стране изменилась, и фразовые глаголы всё чаще начинают звучать в английском языке; активность и продуктивность данных лексических образований резко возрастает. Этот период в английском языке отмечен интенсивными процессами становления аналитизма, и древнеанглийский глагол *forbrekan* в среднеанглийском приобретает современную форму *break up*.

Широкое распространение фразовые глаголы получили в ранненовоанглийском периоде. Особенно распространены подобные образования были в драматических текстах т. к. они обладали разными оттенками эмотивных значений и большим продуктивным потенциалом. Большое количество фразовых глаголов (около 1855) зарегистрировано в пьесах У. Шекспира. Например: - *No, get thee vp again* ‘get up’; *Go, march away* (Hamlet); - *And shut up in measurelesse content; Get on your night-gowne lest occasion call vs.* (Macbeth).

В XVIII-XIX вв. фразовые глаголы чаще встречались в драматургических произведениях и частной переписке, чем в академическом письме и эссе. Данный факт свидетельствует о более низком статусе фразовых глаголов по сравнению с классическими глаголами латинского происхождения. В новоанглийский период вследствие нивелирования флексий и их дальнейшего отмирания, становится весьма распространенным бессуфиксальный способ словообразования, позволивший фразовым глаголам образовываться также и от существительных (*to louse up, to mouse out, to fool around* и т. п.).

Следует отметить, что аналоги фразовых глаголов встречаются практически во всех германских языках (в немецком, голландском, фризском, исландском, норвежском, шведском, датском и др.). Например: нем. *Ich wärme*

dass Essen auf. ‘I am warming the food up’; голл. *Hans belde zijn moeder op*. ‘Hans rang his mother up’.

Наиболее заметное сходство отмечается между английскими фразовыми глаголами и аналогичными глаголами скандинавских языков, что объясняется общими историческими корнями и тесными языковыми контактами между англосаксами и скандинавами в древний период. Во многих колонизированных областях северо-восточной Англии скандинавская речь сохранялась до конца XI века. Ср., например, следующие предложения: норвеж. *Voaka kjem ut i neste veke*. ‘The book comes out next week’; исл. *Fjöldi manns tók bækurnar fram*. ‘Many people took the books out’. [6: 45-46].

Как видно из примеров, английский и скандинавские языки можно отнести к языкам «VO» (глагол-сказуемое – дополнение), что наглядно демонстрирует синтаксическое сходство с английским языком.

В датском и шведском языках, как и во всех скандинавских языках, частицы ставятся после глагола (напр., дат. *vokse op* ‘grow up’; швед. *ringa upp* ‘call up’). Различия заключаются лишь в том, что в датском языке частица следует за дополнением, а в шведском – предшествует дополнению: дат. *Han knugede sine hænder sammen*. ‘He clasped his hands’; швед. *Simon kastade ut soporna* ‘Simon threw out the garbage’ [7: 15].

В современном французском языке можно также найти схожие с фразовыми глаголам конструкции, когда глагол, обладая одним значением, приобретает иное значение в сочетании с грамматической частицей. Например, глагол *venir* ‘приходить’, *revenir* ‘возвращаться’: *venez près de moi* ‘Подойдите ко мне’; *Revenir sur ses pas* ‘повернуть обратно’.

В итальянском языке конструкции типа фразовых глаголов в большей степени имеют пространственное значение, но в некоторых случаях наблюдается их метафоризация: *mettere dentro* ‘put inside’ ‘to imprison’; *buttare giù* ‘to throw down’; *fare fuori* ‘to wipe out’; *fare su* ‘to build up’, ‘to put up’.

Таким образом, несмотря на то, что фразовые глаголы рассматриваются многими исследователями как типичная словообразовательная особенность

английского языка, следует признать, что изучение других языков, исторически связанных с английским, указывает на необходимость пересмотра этой точки зрения, т. к. конструкции подобного типа обнаруживаются в разных языках. В связи с этим сохраняют свою актуальность и требуют дальнейшего рассмотрения вопросы, связанные с историческими процессами в области глагольного словообразования и, в частности, происхождения, развития и распространения фразовых глаголов в германских и других европейских языках.

Список литературы

1. *Akimoto, M.* Collocations and Idioms in Late Modern English [Text] / Minoji Akimoto. – Amsterdam and Philadelphia : John Benjamins, 1999. – 283 p.
2. *Biber, D.* Longman Grammar of Spoken and Written English [Text] / Douglas Biber *et al.* – Harlow : Pearson Education, 1999. – 1204 p.
3. *Carstensen, B.* Zur Struktur des neuenglischen Wortverbandes [Text] / Broder Carstensen // Die Neueren Sprachen N.F., 1964. – S. 305-328.
4. *Kastovsky, D.* Historical English syntax [Text] / Dieter Kastovsky. – Berlin & New York : Mouton de Gruyter, 1991. – 510 p.
5. *Smith, L. P.* Words and Idioms : Studies in the English language [Text] / Logan P. Smith. – London : Constable, 1925.
6. *Thim, S.* Phrasal Verbs. The English Verb-Particle Construction and its History [Text] / Stefan Thim. – Berlin ; Boston, 2012. – 302 p.
7. *Toivonen, I.* Non-Projecting Words: A Case Study of Swedish Particles [Text] / Ida Toivonen. – Dordrecht ; Boston ; London : Kluwer, 2003. – 250 p.

В. Д. Калиущенко

ГОУ ВПО Донецкий национальный университет», г. Донецк

e-mail: *germanistik.dn@donnu.ru*

V. D. Kaliuščenko

Donetsk National University,
Donetsk

М. В. Чайковская

ГОУ ВПО Донецкий национальный университет», г. Донецк

e-mail: *m.chaikovskaya@i.ua*

M. V. Chaikovskaya

Donetsk National University,
Donetsk

Семантические актанты глаголов со значениями ‘смотреть’, ‘видеть’ в немецком и русском языках

В данной статье рассматриваются глаголы, описывающие один из процессов высшей нервной деятельности человека, – зрительное восприятие, – в немецком и русском языках. Производится классификация семантических актантов данных глаголов в сопоставляемых языках.

Ключевые слова: *глаголы зрительного восприятия, лексическая единица, семантический актант.*

The paper deals with the verbs, which describe one of processes in human higher nervous activity, – visual perception, – in the German and Russian languages. A classification of the semantic actants of these verbs in the compared languages is carried out.

Key words: *verbs of visual perception, lexical item, semantic actant.*

1 Вводные замечания. Статья посвящена рассмотрению семантических актантов глаголов, описывающих процесс зрительного восприятия, в немецком и русском языках: нем. *sehen, anschauen* и рус. *видеть, смотреть*.

Глаголы зрительного восприятия (далее – ГЗВ) являются объектом исследования многих учёных [см. 1; 5; 8; 10; 11]. В то же время в специальной литературе недостаточно представлены работы, посвященные сопоставительному анализу глаголов зрительного восприятия в немецком и русском языках, что обусловило **актуальность** темы исследования.

Цель исследования заключается в классификации семантических актантов глаголов *sehen, anschauen* и *видеть, смотреть*. **Эмпирический материал** (предложения с ГЗВ) отобран из Электронного корпуса немецкого языка [DWDS] (74 предложений с ГЗВ) и Национального корпуса русского языка [НКРЯ] (85 предложений с ГЗВ).

Одними из самых частотных в DWDS являются глаголы *sehen* (104 528 примеров употребления) и *anschauen* (6 125 примеров употребления), в НКРЯ – глаголы *видеть* (298 319 примеров) и *смотреть* (196 231 случаев употребления), которые содержат общую для всех единиц данной группы сему ‘воспринимать зрением к.-л., ч.-л.’ нецеленаправленно или целенаправленно [2: 49]. Соответственно все ГЗВ можно разделить на две группы: глаголы со значением ‘смотреть’ и глаголы со значением ‘видеть’.

2 Семантические актанты ГЗВ. Семантическая структура глагола включает указание на участников отражаемой им ситуации или на его семантические актанты (роли, валентности). Разные исследователи используют различные наборы семантических актантов. К числу основных семантических актантов относятся следующие: 1) агент (носитель действия или свойства); 2) контрагент (сила, против которой направлено действие); 3) объект (предмет внимания); 4) адресат, на которого направлено действие; 6) пациент, на которого событие производит какой-либо эффект; 7) результат (объект или вещь, которая появляется в результате действия); 8) инструмент (стимул или причина события); 9) источник, от которого или из которого осуществляется действие или движение); 10) локатив, или место [1: 119-133; 3: 233-237; 6: 114; 7: 155-161].

2.1 Анализ семантических актантов глаголов со значением ‘смотреть’. В данной группе рассматриваются глагольные лексемы *anschauen* и *смотреть*. В ходе анализа предложений из DWDS и НКРЯ установлены следующие актанты:

1) Агент в ситуациях чувственного восприятия, или реципиент, напр.:

(1a) Das Kind schaute ihn und die anderen Leute ratlos an und hob ein wenig die Schultern. ‘Ребенок растерянно посмотрел на него и других людей и приподнял плечи’.

(1б) Клийстерс смотрит на другую сторону корта с ужасом, она не понимает, что происходит – а счёт уже 5:5.

2) Глаголы со значениями ‘смотреть’ содержат в своей семантике скрытый семантический актант – глаза. Таким образом, можно говорить о том, что данный тип глаголов обладает семантическим актантом инструмент, но он выражает характеристику и может быть скорее обозначен как квазиинструмент, напр.:

(2a) *Dabei schaute sie den anderen mit ihren großen, dunklen Augen an und der Betreffende fühlte, wie in ihm auf einmal Gedanken auftauchten, von denen er nie geahnt hatte, dass sie in ihm steckten* ‘При этом она смотрела на собеседника своими большими темными глазами, и говоривший чувствовал, что ему вдруг приходят в голову мысли, которых он раньше в себе не подозревал’.

(2б) *Они смотрели на гурманов немигающими глазами и время от времени обнажали впечатляющие зубы.*

3) Объект целенаправленного восприятия или объект-цель, напр.:

(3a) *Gerda schaut Eduard mit unschuldiger Begeisterung an.* ‘Герда смотрит на Эдуарда с невинным восхищением’.

(3б) *Очень давно, с выхода самого первого номера журнала «Ландшафтный дизайн», с удовольствием читаем и смотрим фотографии чужих садов и в других ваших изданиях, подсматриваем идеи и узнаём что-то новое.*

4) Характеристика процесса зрительного восприятия, т. е. выражение сопутствующего действия (как правило, ментального состояния), напр.:

(4a) *Ich schaue sie bewundernd an; sie ist ein Feldherr mit mobilen Einheiten.* ‘Я смотрю на нее с восхищением; она как полководец, командующий подвижными частями’.

(4б) *Напротив, Басилашвили рассуждал очень разумно, а на Донцова смотрел с крайним подозрением.*

5) Инструмент – предмет, с помощью которого осуществляется зрительное восприятие, напр.:

(5a) *Ada und Nils schauen in den großen Spiegel vor dem Bett an.* ‘Ада и Нильс смотрят в большое зеркало перед кроватью’.

(5б) Он взял лупу и долго смотрел через неё на монету ...

б) Место, с которого осуществляется зрительное восприятие, напр.:

(6а) *In diesem Augenblick schaut mich ein Gesicht vom Boden an.* ‘В это мгновение на меня с пола смотрит чье-то лицо’.

(6б) *В конце концов, он очутился на самом верху угловой башни, на которую недавно ещё смотрел с лужайки.*

2.2 Анализ семантических актантов глаголов со значением ‘видеть’.

Данная группа анализируется на примере глагольных лексем *sehen* и *видеть*.

Для неё характерны следующие признаки:

1) Агент, или реципиент, напр.:

(7а) *Ich sah die beiden erst im letzten Augenblick ...* ‘Я увидел обоих только в последнюю секунду...’.

(7б) *Животное видит предмет как бы с двух сторон – слева и справа.*

2) Объект восприятия

Для группы глаголов со значением ‘видеть’, обозначающей акт нецеленаправленного зрительного восприятия, характерен обычный объект восприятия:

(8а) *Er hatte hundertmal zuvor schon Holz gesehen...* ‘Он уже до этого сотни раз видел дрова ...’.

(8б) *Болезньщик всегда видит лицо на фоне флага.*

3) Характеристика процесса зрительного восприятия:

(9а) *Voller Entsetzen sah ich ... , wie ein gewaltiger Riß mitten durch die jetzt völlig vegetationsfreie Insel ging.* ‘Исполненный ужаса я видел ..., как по острову, на котором уже не было ни травинки, прямо посередине пошла огромная трещина’.

(9б) *Предметы мы хорошо видим на разных расстояниях.*

4) Предмет, помогающий осуществить протекание процесса зрительного восприятия, или инструмент:

(10a) *Sie sah im Spiegel, dass er sie im Hinüberblicken zur Schwester ohne Milde belächelte* ‘Она видела в зеркале, что он потешается над ней без тени какой-либо доброты, глядя мимо нее на сестру’.

(10б) *И как резко они меняются, когда начинают шить вместе с нами косоклинный сарафан, примеряют его, видят себя в зеркале такими красивыми и говорят, что хотели бы такой сарафан.*

5) Место, в котором (вблизи которого) располагается объект:

(11a) *Gleichzeitig sehe ich vor dem zweiten Bürofenster, das nach dem Hof geht, wie eine geisterhafte Melone den kahlen Schädel meines Arbeitgebers vorübergleiten.* ‘В то же время я вижу, как мимо второго окна нашей конторы, выходящего во двор, скользит, словно призрачная дыня, лысая голова моего работодателя’.

(11б) *Многие многолетние растения, которые мы привыкли видеть на клумбах, прекрасно чувствуют себя в горшках и вполне пригодны для оформления такого уголка.*

3 Количественный анализ семантических актантов. В результате количественного анализа семантических актантов установлено, что самым частотным в сопоставляемых языках является реципиент (табл. 1-2).

Таблица 1

Количественный анализ семантических актантов глаголов со значением ‘смотреть’ в немецком и русском языках

№ п/п	Семантический актант	Язык			
		немецкий		русский	
		абс.	%	абс.	%
1.	Реципиент	16	35	17	36
2.	Характеристика процесса зрительного восприятия	13	28	8	16
3.	Объект-цель	10	22	12	25
4.	Инструмент	3	7	3	6
5.	Квазиинструмент	2	4	7	15
6.	Место	2	4	1	2
Всего		46	100	48	100

Как следует из табл. 1, наименее частотными в группе глаголов со значением ‘смотреть’ в немецком языке являются семантические актанты квазиинструмент и место, в русском – инструмент и место. В группе глаголов ‘видеть’ в немецком языке наименее частотен семантический актант характеристика процесса зрительного восприятия, в русском – инструмент (табл. 2).

В группе глаголов ‘видеть’ в немецком языке наименее частотен семантический актант «характеристика процесса зрительного восприятия», в русском – «инструмент» (табл. 2).

Таблица 2

**Количественный анализ семантических актантов глаголов
со значением ‘видеть’ в немецком и русском языках**

№ п/п	Семантический актант	Язык			
		немецкий		русский	
		абс.	%	абс.	%
1.	Реципиент	11	39	14	38
2.	Обычный объект восприятия	9	32	14	38
3.	Инструмент	3	11	2	5
4.	Место	3	11	4	11
5.	Характеристика процесса зрительного восприятия	2	7	3	8
Всего		28	100	37	100

Таким образом, в результате исследования семантических актантов глаголов со значением ‘смотреть’ и ‘видеть’ в немецком и русском языках было выявлено, что глаголы каждого из значений имеют фактически почти одинаковый семантический потенциал. Данные глаголы сходны в обоих исследуемых языках по своему семантическому наполнению. Логико-семантическая основа самого процесса зрительного восприятия похожа в немецком и русском языках, что является причиной наличия схожего набора семантических актантов и в немецком, и в русском языках. Глаголы со значением ‘смотреть’ имеют один дополнительный актант – квазиинструмент.

Главным дифференциальным признаком глаголов со значениями ‘видеть’ и ‘смотреть’ в исследуемых языках является тот факт, что существуют «различные способы языкового выражения на грамматическом уровне конкретного языка» [4].

4 Выводы

4.1 Группа ГЗВ включает глаголы со значениями ‘смотреть’ и ‘видеть’. Базовыми лексемами для формирования групп ГЗВ являются глаголы *sehen* и *anschauen* в немецком языке и *видеть* и *смотреть* – в русском языке.

4.2 Из десяти основных семантических актантов (см. выше п.2) в материале работы при глаголах со значениями ‘смотреть’ были отмечены следующие шесть: 1) агент, или реципиент; 2) квазиинструмент и его характеристика; 3) объект; 4) характеристика процесса зрительного восприятия; 5) инструмент (предмет, с помощью которого осуществляется зрительное восприятие); 6) место (с которого осуществляется зрительное восприятие).

4.3 У глаголов со значением ‘видеть’ были выделены аналогично такие актанты: 1) реципиент; 2) характеристика процесса зрительного восприятия; 3) инструмент или предмет, помогающий осуществить процесс зрительного восприятия; 4) место. Однако для глаголов со значением ‘видеть’ объект восприятия, который воспринимается нецеленаправленно.

4.4 В немецком и русском языках в группе глаголов со значением ‘смотреть’ самым частотным семантическим актантом является реципиент. У глаголов со значением ‘смотреть’ в немецком языке наименее часто представлены семантические актанты квазиинструмент и место, а у глаголов со значением ‘видеть’ – характеристика процесса зрительного восприятия, в русском – инструмент.

Список литературы

1. Апресян, Ю. Д. Лексическая семантика (синонимические средства языка) [Текст] / Ю. Д. Апресян. – М.: Школа «Языки русской культуры», Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. – 472 с.
2. Деменева, А. Е. Восприятие в структуре психических явлений как

психологическая проблема ВОСПРИЯТИЕ [Текст] / А. Е. Деменева // Вестник Пермского ун-та. Философия. Психология. Социология. – 2010. – Т. 1, №. 1. – С. 47-55. 3. *Крылов, С. А.* Семантическая роль как элемент метаязыков общей и специальной типологии [Текст] / С. А. Крылов // 40 лет Санкт-Петербургской типологической школе. – М. : Знак, 2004 – С. 233-252. 4. *Магомедова, Х. М.* Функционально-семантический анализ глаголов зрительного восприятия в аварском и русском языках : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02 / Х. М. Магомедова. – Махачкала : 2007. – 159 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.dissercat.com/content/funktsionalno-semanticheskii-analiz-glagolov-zritel'nogo-voopriyatiya-v-avarskom> 5. *Падучева, Е. В.* Динамические модели в семантике лексики [Текст] / Е. В. Падучева. – М. : Studia philologica, 2004. – 608 с. 6. *Fillmore, Ch. J.* Frame Semantics [Text] / Ch. J. Fillmore // The Linguistics Society of Korea, Linguistics in the Morning Calm – Seoul : Hanshin Publishing Co, 1982. – P. 111-137. 7. *Kaliuščenko, V. D.* Typologie denominaler Verben [Text] / V. D. Kaliuščenko. – Tübingen : Niemeyer, 2000. – 253 S. – (Linguistische Arbeiten ; 419). 8. *Lakoff, G.* Metaphors we live by [Текст] / G. Lakoff, M. Johnson. – Chicago : University of Chicago, 1980. – 275 p. 9. *Minsky, M.* A Framework for Representing Knowledge. The Psychology of Computer Vision. McGraw-Hill, New York (U.S.A.), 1975. [Электронный ресурс] – Режим доступа : <http://web.media.mit.edu/~minsky/papers/Frames/frames.html> 10. *Rogers, A.* A Problem in the Semantic Analysis of Certain Russian Perception Verbs. – Austin, Texas : Armadillo Research Institute Austin [Электронный ресурс] – Режим доступа : <http://www.armadilloresearch.org/wpcontent/uploads/2012/08/Russian-Perception-Verbs.pdf>. 11. *Whitt R. J.* Evidentiality and Perception Verbs in English and German [Text] / R. J. Whitt. – Frankfurt / M. : Peter Lang, 2010. – 247 p.

Список источников примеров

12. *НКРЯ* : Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru/>. 13. *DWDS* : Das Digitale Wörterbuch der deutschen Sprache [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.dwds.de/>

Историко-этимологический анализ лексем со значением ‘моряк’ в английском языке

В статье проводится семантический и этимологический анализ ключевых английских лексем со значением ‘моряк’. Установлена хронология их появления, проанализированы особенности значений в определённые периоды развития английского языка с учётом социокультурных факторов и развития общества в целом.

Ключевые слова: *этимология, семантика, номинация лиц, морской английский язык, история английского языка.*

This paper deals with the semantic and etymological analysis of the Key dictionary definitions that possess the meaning of a ‘seaman’. The chronology of their appearance is determined, the peculiarities of their semantic meaning during the different periods of the English Language development in terms of social-cultural factors and social development are analyzed.

Key words: *etymology, semantics, nomination of persons, Marine English, History of the English Language.*

1 Предварительные замечания. Согласно решению Международной Морской Организации (ИМО) английский язык является в настоящее время международным языком на море, что способствует возрастанию интереса лингвистов к исследованию лексических единиц морской тематики, особенностям их происхождения, семантики, структуры и функционирования в языке [ср.: 4, 5].

Современный этап развития лингвистики характеризуется всё большим утверждением антропоцентрического подхода в его исследовании, т.е. именно человек и его роль в процессе коммуникации определяются отправной точкой признанных лингвистических студий [10: 34]. Любые исследования не будут в достаточной мере полными, если не учитывать историческое развитие языковых явлений, внутреннюю форму слова и специфику первичной мотивации лексических единиц в разных языках [7: 247]. Актуальность представленной работы обусловлена особым интересом учёных к проблеме номинация самого человека, т.е. словам, которые обозначают или

характеризуют особу в различных профессиональных сферах деятельности в тот или иной исторический период. *Целью* работы является определение этимологических и семантических особенностей возникновения и употребления английских лексем со значением 'моряк' в разные исторические периоды развития языка и общества. *Материалом* исследования послужили четыре ключевые лексические единицы английского языка, которые обозначают непосредственно моряков, работающих на судне или корабле, а именно *seaman, sailor, mariner* и *seafarer*.

2 Изложение основного материала и обоснование результатов исследования. Этимология (от греч. *etymos* 'истинный' и *logos* 'учение') представляет собой раздел языкознания, исследующий происхождение слов, их первоначальную структуру и семантические связи [8: 611]. Этимологическое значение слова объясняет не только ономазиологические критерии наименования, но и сохраняет его историческую и семантическую значимость в системно-структурной организации современного языка. Семантический анализ позволяет проследить изменения значения слова и объяснить – в рамках истории культуры – связь этих значений между собой.

Английские существительные *seaman, sailor, mariner* и *seafarer* имеют различные лингво-временные источники происхождения, поскольку они появляются в фонде английского языка в разные периоды его развития, что обусловлено и историческими событиями. В данной работе они представлены в хронологическом порядке.

Традиционно учёные разделяют историю английского языка на такие периоды: древнеанглийский (450-1066 гг.), среднеанглийский (1066-1500 гг.), ранненовоанглийский (1500-1700 гг.) и новоанглийский (1700 – по н. в) [1: 166]. Покорение Британии в V-X ст. германскими племенами англосаксов, фризов, вторжение в XI ст. и длительное пребывание норманнов на территории Англии привело к распространению и влиянию англосакского и французского языков на словарный запас местных наречий. Поэтому абсолютно логичен тот факт, что современный английский язык является плодом смешения трех языков –

англосаксонского (язык простого народа), французского (язык знати и юриспруденции) и латинского (язык науки) [Там же].

2.1 Слово *seaman* появляется ещё в древнеанглийском периоде и восходит к англосаксонскому композиту *sæ-mann*, образованному от двух существительных *sea* ‘море’ + *mann* ‘мужчина’. В последнем слове наблюдается удвоение согласного *n*, которое впоследствии исчезает в современном английском языке. Согласно словарному толкованию *seaman* обозначало первоначально ‘путешествующего по морю мужчину’. Позже это слово используется для наименования матросов, обозначая, таким образом, более низкий ранг представителей экипажа судна или корабля [9]. В современном английском языке оно имеет следующие значения: 1) моряк торгового флота; 2) мореход, т. е. обученный морскому делу человек; 3) матрос, т. е. не относящийся к офицерскому составу; 4) уважаемый за свои заслуги моряк. В США данным словом в настоящее время называют рядовой состав экипажа торгового и военного флота.

2.2 Наименование моряка *mariner* появляется в среднеанглийском языке в середине XIII ст. и восходит к древнефранкскому *marinier* ‘моряк’ [9]. Это обусловлено вторжением норманнов на территории англосаксов и распространением одного из старофранцузских наречий. Первоначальным источником это слова следует считать латинское суффиксальное производное *marinarius*, образованное от существительного *marine* ‘море’ и суффикса *-arius*, используемого для номинации лиц (мужчин) с функцией агенса. Необходимо отметить, что именно древний латинский суффикс *-arius* с данным словообразовательным значением стал праотцом дреневерхненемецкого суффикса *-ari* и средневерхненемецкого суффикса *-er* (*ære*, *-ere*) [3: 23], которые в свою очередь послужили прототипами для английского суффикса *-er* [9], с помощью которого образуются агентивные наименования лиц мужского пола [6: 121].

В период Средневековья, когда большое влияние латыни было очевидным, латинские слова или словообразовательные компоненты

характерными в любой сфере человеческой деятельности, в английском языке для обозначения моряка широко распространенной становится именно лексема *mariner*.

2.3 Важными в развитии судостроения и мореходства принято считать XIII и XIV ст., когда в Европе появляются первые полностью парусные корабли, вытеснившие впоследствии гребные суда и занявшие преобладающее место в истории судоходства [2: 23]. Такие преобразования, безусловно, нашли отражение в языке и в XIV ст. словарный фонд английского морского языка пополняется новой лексемой, именующей моряка – *sailor* или (первоначально) *sailer*. Это производное слово от глагола *sail* ‘плавать (ходить под парусом)’ [9]. Позже, в XVI ст., суффикс *-er* заменяется на *-or* (как, например, в слове *tailor* ‘портной’, чтобы отграничить наименование лица от предмета, который плавает, поскольку с помощью суффикса *-er* в английском языке образуются не только слова, именующие лицо, но и такие, которые обозначают предметы деятельности [6: 121]. Превосходство парусных судов на морском флоте привело к тому, что это слово заменяет и вытесняет более старые слова *seaman* и *mariner*. В современном английском и его американском варианте оно получило широкое применение, о чём свидетельствует и тот факт, что с 1870 г. это слово используется как прилагательное в элементах и стиле одежды, где используются фрагменты морской формы.

2.4 Лексема *seafarer* – наиболее позднее образование из всех анализируемых лексем, которые именуют моряка. Этот композит был зафиксирован впервые в ранненовоанглийском языке в 1510 г. и образован от двух слов *sea* ‘море’ + *farer* ‘тот, кто ездит, путешествует по морю’ [9]. В этот исторический период мир вступил в эпоху великих географических открытий и, возможно, именно это послужило причиной появления новой лексемы, поскольку она обозначала, прежде всего, мореплавателя, т.е. человека на судне в целом, невзирая на его ранг или профессиональный опыт.

3. Выводы и перспективы исследования. Таким образом, этимологический и семантический анализ вышеуказанных слов со значением

‘моряк’, показывает, что появление, распространение и исчезновение того или иного слова обусловлено, прежде всего, социокультурными факторами, а развитие и наполняемость языкового фонда любой нации напрямую связаны с историческими процессами развития общества в целом и отдельных его сегментов в частности, что ещё раз доказывает тесную и системную взаимосвязь языка с социальными и культурными явлениями в разные исторические периоды развития человеческого общества.

Список литературы

1. *Арсеньева, М. Г.* История английского языка [Текст] / М. Г. Арсеньева, С. П. Балашова, В. П. Берков, Л. Н. Соловьева. – М. : ГИС, 2006. – 320 с.
2. *Дыгало, В.* История корабля [Текст] / В. Дыгало, М. Аверьянов. – М. : Изобразительное искусство, 1993. – 70 с.
3. *Карасенко, О. А.* Іменники з суфіксом *-er* на позначення осіб чоловічої статі в середньовісній німецькій мові : дис. ... канд. філол. наук : 10.02.04 / О. А. Карасенко. – Донецьк, 2012. – 276 с.
4. *Качарян, Ю. Г.* Функциональные особенности американского военно-морского сленга [Текст] / Ю. Г. Качарян // Теория и практика общественного развития. Филологические науки. – 2012. – № 4. – С. 395-398.
5. *Козловская, О. Г.* Когнитивные и структурно-семантические особенности морской терминологии : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02 / О. Г. Козловская. – СПб., 2005. – 468 с.
6. *Лепшокова, Е. А.* Агентивные суффиксы в словообразовании английского языка [Текст] / Е. А. Лепшокова // International Journal of Experimental Education. Philological Sciences. – 2014, Vol. 5. – P. 120-123.
7. *Манакин, В. Н.* Сопоставительная лексикология [Текст] / В. Н. Манакин. – К. : Знання, 2004. – 326 с.
8. Языкознание : Большой энциклопедический словарь [Текст] / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Большая Российская энциклопедия, 1998. – 685 с.
9. *Online Etymology Dictionary* [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.etymonline.com>
10. *Wierzbicka, A.* *Lingua Mentalis : The semantics of natural language* [Текст] / A. Wierzbicka. – Sydney : Academics Press, 1980. – XI. – 367 p.

О лексических и грамматических проблемах перевода нормативной технической документации в сфере строительства

Статья посвящена лексико-грамматическим особенностям перевода англоязычной нормативной документации в сфере строительства на русский язык. Рассматриваются три основные категории переводческих трансформаций, которые используются при переводе нормативной технической документации.

Ключевые слова: нормативная документация, научно-технический перевод, переводческие трансформации, грамматические замены, лексические трансформации.

The article is devoted to lexical and grammatical peculiarities of translating regulatory documents in building sphere from English into Russian. It also includes the analysis of three main categories of translation transformations that are used in translation of the technical regulatory documents.

Key words: regulatory documents, technical translation, translation transformations, grammatical changes, lexical transformations.

1 Значение научно-технического перевода в современном мире. Все этапы развития человечества неотъемлемо связаны с различного рода открытиями, а также с созданием и совершенствованием технологий. Развитие технологий в современном мире практически невозможно без обмена информацией и достижениями научно-технического прогресса между представителями различных языков и культур. Технический перевод позволяет обеспечить коммуникацию не только между исследователями и разработчиками по всему миру, но и популяризировать и рекламировать на различных уровнях современные достижения науки и техники.

На данном этапе степень изученности научно-технического перевода, а также установление предъявляемых к нему требований, не достигло необходимого уровня. В частности, по-прежнему нуждается в разработке и изучении такая отрасль перевода, как перевод нормативной технической документации, к которому можно отнести различные материалы,

сопровождаящие изобретение или технологию – от общепринятых стандартов до технических условий и характеристик изготавливаемой продукции.

При переводе нормативной технической документации, как и при переводе текстов других стилей, необходимо учитывать лексические и грамматические особенности такого текста как в языке оригинала, так и в языке перевода.

2 Грамматические особенности технической документации. С синтаксической точки зрения для технической документации характерно использование достаточно длинных и сложных предложений. В отличие от текстов в художественном стиле, задача технического текста состоит в точной передаче информации и конкретных фактов, что зачастую приводит к широкому использованию имен существительных и прилагательных. Так как в технической документации чаще всего личность автора не имеет особого значения, а главную роль играет описание конкретных фактов – процессов, действий и т.п., в которых в предложении выступают в роли подлежащего, глагол употребляется в страдательном залоге. Изложение материала в современной научно-технической литературе чаще ведется от третьего лица, при этом используются либо безличные, либо неопределенно-личные конструкции. Например: *it is to be noted* ‘следует отметить’. Кроме того, технические тексты на английском языке отличаются широким использованием причастий и инфинитивных оборотов.

3 Лексические особенности технической документации. В целом стиль изложения информации в научно-технической документации можно назвать лаконичным и кратким, с четкими и ясными формулировками. Главной характерной чертой всей научно-технической литературы и документации в том числе можно считать широкое использование специализированной терминологии, а также сокращений, которые не всегда можно найти даже в узкоспециализированных словарях. Последнее особенно касается открытий в различных технических и научных областях, нововведений, а также исследований мало- или вовсе неизученных областей знаний.

4 Грамматические особенности перевода англоязычной технической документации на русский язык. Исходя из того, что английский и русский языки представляют различные ветви семьи индоевропейских языков, они обладают различной грамматической структурой, что, в свою очередь, приводит к необходимости применения грамматических трансформаций при переводе с одного из них на другой.

Согласно теории В. Н. Комисарова можно выделить два основных типа грамматических трансформаций – морфологические и синтаксические замены [2: 171-183].

В результате проведенного переводческого анализа текста англоязычного нормативного документа в области строительства было выделено два основных типа грамматических трансформаций: морфологические, которые составили 342 примера (65,9% от общего количества грамматических трансформаций), а также синтаксические замены в количестве 177 случаев (34,4 %).

4.1 Морфологические замены. Анализ рассматриваемого материала позволил выделить 342 примера морфологических замен, что составило 66 процентов от общего количества грамматических трансформаций. Среди них можно выделить два основных типа – замену одной части речи другой (например, замена имени существительного глаголом, предлога именем прилагательным и т. д.) и замену формы слова (например, замена имени существительного в форме единственного числа формой множественного числа, глагола в активном залоге на форму страдательного залога и наоборот).

Наиболее продуктивной в исследованном материале оказалась замена формы слова, представленная в основном трансформацией залога глагола, а именно, его перехода из страдательного (Passive voice) в действительный (Active voice):

(1) *The environmental influences that could affect the durability of the structure shall be considered in the choice of structural materials, their specification, the structural concept and detailed design.* ‘Воздействия окружающей среды, которые влияют на долговечность несущей конструкции, следует учитывать

при выборе конструкционных материалов, их спецификации, концепции несущих конструкций и при проектировании’.

4.2 Синтаксические замены. Анализ синтаксических особенностей перевода текста данного документа показал, что 47% предложений были переведены с полным воссозданием синтаксической структуры английских предложений:

(2) *Static equilibrium for building structures should be verified using the design values of actions in Table A1.2(A).* ‘Статическое равновесие здания должно быть проверено, используя расчетные значения воздействий из таблицы A1.2 (A).’

Такое количество синтаксических подобий можно объяснить тем, что при переводе нормативной технической документации необходимо стремиться не только к передаче смысла, но и к сохранению структуры предложений, так как даже малейшая неточность или искажение смысла в таких документах недопустимы.

В данном исследовании синтаксические трансформации были выделены на различных уровнях – на уровне предложения (замена сложного предложения простым; замена простого предложения сложным; членение сложного предложения); на уровне частей сложного предложения (замена придаточного предложения предложно-именным сочетанием, деепричастием и т. п.); на уровне фразы (например, замена причастного оборота предложно-именным сочетанием); а также на уровне членов предложения (замена подлежащего дополнением, обстоятельством и т. д.) [4].

В рамках замен на уровне сложного предложения наибольшее количество трансформаций составили замены сложного предложения простым и обратный процесс – замена простого предложения сложным. Таких трансформаций было выявлено равное количество – по 7 примеров. Рассмотрим один из них:

(3) *The following European Standards which are published or in preparation are cited in nonnative clauses ...* ‘В настоящем стандарте даются ссылки на действующие и разрабатываемые стандарты ...’

5 Лексические особенности перевода англоязычной технической документации на русский язык. Среди основных типов лексических трансформаций в данном исследовании можно выделить калькирование, транслитерацию, а также конкретизацию, генерализацию и модуляцию (смысловое развитие). Общее количество таких лексических трансформаций в исследованном материале составило 340 примеров.

Наиболее продуктивной в количественном отношении стала трансформация конкретизации (268 примеров, 78,8% от общего количества лексических трансформаций), что, в первую очередь, обусловлено широкой вариативностью английского языка, когда одно английское слово может иметь несколько более узких эквивалентов в русском языке, употребление которых зависит от контекста [1]. Такое свойство английского языка наиболее широкого раскрывается именно в текстах научной и технической направленности, где в зависимости от тематики и научной сферы один и тот же англоязычный термин может переводиться на русский язык совершенно разными эквивалентами [3: 164]. Рассмотрим пример такой трансформации:

(4) *Material property values shall be determined from standardized tests performed under specified conditions.* ‘Значения свойств материала должны быть определены на основе результатов стандартизированных экспериментальных испытаний, выполненных при точно определенных условиях’.

6 Лексико-грамматические замены при переводе англоязычной технической документации на русский язык. Согласно классификации переводческих трансформаций, предложенной В. Н. Комисаровым, к лексико-грамматическим трансформациям следует отнести компенсацию, экспликацию (описательный перевод) и антонимический перевод. При изучении данного материала такой тип трансформаций оказался непродуктивным, так как применяются они в основном при переводе художественной литературы. Так в частности, прием компенсации применяется в случае необходимости восстановления смысловых деталей, которые неизбежно теряются в процессе перевода, а значит должны передаваться другими способами. Для технического

текста, в котором так важна максимальная точность, такие трансформации совершенно не типичны.

В результате исследования данного эмпирического материала был выявлен лишь один вид таких трансформаций – антонимический перевод (16 примеров). Например:

(5) *For the serviceability limit state of a structure or a structural member **not to be exceeded** when subjected to vibrations, the natural frequency of vibrations of the structure or structural member should be kept above appropriate values which depend upon the function of the building and the source of the vibration, and agreed with the client and/or the relevant authority.* ‘Эксплуатационная пригодность сооружения или его конструктивных элементов при колебаниях обеспечивается в том случае, когда их собственные частоты колебаний выше предельных значений, зависящих от типа здания и источника вибрации, и должны быть согласованы с заказчиком и/или соответствующим компетентным ведомством’.

7 Выводы. Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что изучение переводческих трансформаций играет важную роль в переводческой деятельности. Адекватная и точная передача информации при переводе зависит от умения правильно выделять главные члены предложения, подбирать корректные эквиваленты терминам с учетом тематики текста. При переводе технической нормативной документации важна максимально точная передача смысла.

Таким образом, для достижения точного и адекватного перевода необходимо тщательное исследование, выявление и систематизация частных случаев и примеров передачи грамматических конструкций и способов их передачи средствами языка перевода, особенностей перевода узкоспециализированной терминологии в рамках определенного дискурса.

Особенности перевода нормативной документации в строительной отрасли нуждаются в дальнейшем исследовании, поскольку строительные технологии, материалы и конструкции развиваются довольно быстро, и в большинстве случаев это происходит за рубежом, а, следовательно, вся

сопроводительная документация, в том числе руководства пользователя и правила безопасности, предлагаются на английском языке. Для обеспечения возможности их приобретения и корректного использования в других странах, необходимо обеспечить возможность совершать точный и грамотный перевод, так как наличие мельчайших неточностей в переводе такой документации может иметь серьезные последствия. Учитывая вышесказанное существует необходимость в дальнейших более подробных и обширных исследованиях переводческих трансформаций в данном типе научно-технических текстов.

Список литературы

1. *Бархударов, Л. С.* Контекстное значение слова и перевод : сб. науч. тр. / Моск. пед. ин-т иностр. языков [Текст] / Л. С. Бархударов. – М., 1984. – Вып. 238. – С. 113-124. 2. *Комиссаров, В. Н.* Теория перевода [Текст] / В. Н. Комиссаров. – М. : Высшая школа, 1990. – 253 с. 3. *Пумпянский, А. Л.* Лексические закономерности научной и технической литературы. Англо-русские эквиваленты [Текст] / А. Л. Пумпянский. – Калинин : Калининск. гос. ун-т, 1980. – 83 с. 4. *Черняховская, Л. А.* Членение и объединение предложений при переводе с целью сохранения компонентов смысловой структуры [Текст] // Иностранные языки в школе. – 1971, № 4. – С. 21-30.

Методика лингвокультурологического исследования личных имен в английском и немецком языках

В статье рассматривается комплексная методика лингвокультурологического исследования личных имен, включающая в себя: описательный метод, этимологический метод, метод компонентного анализа, диахронического, лингвокультурологического, сопоставительного, словообразовательного и количественного анализа.

Ключевые слова: личные имена, лингвокультурологический анализ, сопоставительное исследование.

The paper deals with the methodology of linguocultural analysis of personal names, which includes descriptive method, etymological, componential, diachronic, linguocultural, comparative, word-building and quantitative analyses of personal names in the English and German languages.

Key words: personal names, linguocultural analysis, comparative study.

Личные имена представляют собой важнейший языковой источник информации о культуре и истории народов. На современном этапе развития лингвистики актуальным является вопрос о выработке методологии извлечения и описания данной информации. Сопоставительное исследование английского и немецкого антропонимиконов с помощью анализа и синтеза семантических, структурных, исторических и социокультурных изменений, происходящих в его составе, дает возможность в наиболее интегрированном и законченном виде представить эволюцию системы имен английского и немецкого языков, определить общие и отличительные черты в культуре и ментальности двух народов.

Выборка эмпирического материала была произведена из лексикографических источников [1; 7; 11; 12; 13; 14]. Их выбор обусловлен тем фактором, что соответствующие словарные статьи дают наиболее детальное и многоаспектное описание лингвистической и экстралингвистической информации о личных именах. Корпус материала исследования формировался с учетом исторического, социального и лингвокультурологического компонентов

значения личных имен, которые содержатся в предметной части лексикографического описания, поскольку как упоминалось выше, именно предметная часть лексикографического описания содержит лингвокультурологическую информацию о значении и функционировании имени.

Особый лингвистический статус исследуемых единиц языка, – антропонимов в общем и личных имен в частности, изучение которых входит в круг интересов ономастики и лингвокультурологии, обусловил использование таких методов исследования: описательный, этимологический, метод компонентного анализа, элементы диахронического, лингвокультурологического, сопоставительного, словообразовательного и количественного анализа.

Метод – способ достижения какой-либо цели, решения конкретной задачи; совокупность приемов или операций практического или теоретического освоения (познания) действительности [3: 797]. Каждый метод характеризуется собственной сферой применения, а также изучает отдельные аспекты и свойства объекта.

Сущность описательного метода состоит в наблюдении, обобщении, интерпретации и классификации языкового материала [10: 36]. Результатом наблюдения является выделение личных имен, несущих лингвокультурологическую информацию из антропонимических систем английского и немецкого языков. Корпус языкового материала, который послужил основой данного исследования, насчитывает 2400 личных имен в английском языке и 2300 имен в немецком языке. Языковые единицы отбирались из специализированных антропонимических словарей с учетом критериев отбора материала. Наличие лингвокультурологической информации в значении личных имен определялось с помощью системы лексикографических приемов – словарных помет, маркеров, указателей, графический и пунктуационных приемов. Обобщение связано с синтезом лингвокультурологической информации из разных источников и информации о

содержания имени. Интерпретация представляет собой анализ личных имен в диахроническом плане, т. е. рассмотрение хронологических этапов возникновения и функционирования личного имени. В данном исследовании релевантным является определение времени приобретения именем лингвокультурологической информации как компонента его значения, т.к. наличие такой информации может влиять на процесс выбора и присвоения имени. Несомненно, описательный метод является краеугольным камнем, на который опирается данное исследование. Этот метод выдвигает ряд требований: четкое представление об избранном объекте изучения (в данной статье – это система личных имен), последовательность описания, систематизации, группировки или классификации, качественной и количественной характеристики материала в соответствии с поставленными задачами. В. Д. Бондалетов [4: 38] абсолютно справедливо считает описательный метод исходным в ряду других методов в антропонимии.

Методику лингвокультурологического анализа личных имен можно продемонстрировать на примере имени *Oliver*, которое является частью как английской, так и немецкой именной системы.

Oliver – мужское имя. Личное имя нормандского, следовательно, германского происхождения [12: 255]. Впервые имя было использовано в героической поэме «Песнь о Роланде» (1165 год). *Оливер* – рассудительный и осторожный друг и советник Роланда, который сражался вместе с ним. Согласно одной из версий, имя *Oliver* произошло от лат. *olivarius* ‘оливковое дерево’, данное имя употребляется, начиная со средних веков. Однако, все герои «Песни о Роланде» носят исключительно германские имена, поэтому существует другая версия происхождения имени [12: 255]: *Oliver* может выступать в качестве видоизмененного (под влиянием латинской формы *olivarius*) германского имени *Olaf*. *St Olaf* – норвежский король (995-1030), способствовавший распространению христианства в королевстве. Имя *Olaf* состоит из двух элементов др. сканд. *anu* ‘потомок’ + *leifer* ‘наследник’. Имя вошло в обиход в Англии еще до Нормандского завоевания. На настоящем

этапе имя *Olaf* является широко используемым и популярным в Америке, особенно среди эмигрантов из скандинавских стран.

Таким образом, было выявлено, что существуют различные подходы к трактовке этимологической основы имени *Oliver*, что оно имеет германское происхождение, возникло в средние века, впервые использовалось в качестве имени литературного героя.

Этимологический метод используется при анализе внутренней формы личного имени. Данный метод позволяет выявить примерное время возникновения имени, на базе какого языка, при каких условиях возникло имя, а также примерное время и обстоятельства приобретения именем лингвокультурологической информации. Этимология апеллятива является одним из источников лингвокультурологической информации в плане содержания личного имени. В. Н. Телия [9: 15] утверждает, что фундаментом (мотивирующей базой) семантики имени – является внутренняя форма антропонима, на которую «наслаивается эмотивная модальность». Согласно концепции В. Н. Телия, эмотивная модальность является обязательным компонентом коннотативного значения слова. Этимологический анализ позволяет проникнуть в слои коннотативного значения имени и проследить историю их развития и формирования.

В процессе проведения этимологического анализа имени *Oliver* было выявлено, что, как уже упоминалось выше, трактовка его этимологической основы не может быть однозначной.

Специфика метода компонентного анализа состоит в определении набора минимальных признаков, характерных для определенной категории языковых единиц [8: 51]. Один и тот же семантический, коннотативный, эмотивный, лингвокультурологический признак личного имени может иметь неодинаковый статус: от компонента дифференциального признака (фоновые компоненты семантической структуры личного имени) до категориального, релевантного для всех имен собственных (базовый компонент семантической структуры личного имени) [5: 25]. Учитывая наличие дифференциальный сем в значении

личных имен корпус языкового материала исследования был классифицирован по тематическим классам, группам и подгруппам.

В качестве базовых компонентов семантической структуры имени *Oliver* выступают следующие семы: имя существительное, имя человека, антропоним, личное имя, мужское имя. Фоновыми компонентами являются: имя германского происхождения, возникло в средние века, христианское имя (имя носил Король Норвегии, способствовавший распространению христианства), имя литературного героя из произведения «Песнь о Роланде», имеет положительную ассоциацию с героем, экспрессивная составляющая имени представлена гипокористическими формами: *Olli, Ollie, Olly, Ol, Noll*.

Лингвокультурологический анализ использовался для описания специфики английской и немецкой антропонимических картин мира и выявления роли экстралингвистических факторов на процесс развития систем личных имен в вышеуказанных языках. Как утверждает О. Л. Бессонова [2: 55] лингвокультурологическому анализу, как одному из направлений антропоцентрической парадигмы, свойственна диада «язык – человек», следовательно, лингвокультурологический анализ позволяет выявить ценностные приоритеты, стереотипы, общие и отличительные черты в культуре и ментальности двух народов.

Имя *Oliver* является довольно популярным на протяжении долго времени. На современном этапе развития английского и немецкого языков имя *Oliver* является одним из популярных мужских имен. В английской газете «The Guardian» (www.theguardian.com) и немецкой газете «Der Spiegel» (www.spiegel.de) ежегодно публикуются списки самых популярных имен. Согласно данным за 2015 год, имя *Oliver* занимает первую позицию в списке «100 самых популярных имен» в английском языке и 65-ю позицию – в немецком языке.

На популярность имени влияют положительные ассоциации с литературными героями (наиболее известные: *Oliver* в «Песне о Роланде» (1165). *Oliver* – старший сын Роллана де Буа в комедии Шекспира «Как Вам это

понравится» (1599), *Sir Oliver* – действующее лицо в комедии Р. Шеридана «Школа злословия» (1777), *Oliver Twist* – герой романа Ч. Диккенса «Приключения Оливера Твиста» (1839), *Oliver Wood* в книгах Дж. К. Роулинг о Гарри Поттере), реальными историческими деятелями (наиболее известные – хоккеист *Oliver Seibert*, нобелевский лауреат *Oliver Smithies*, актер *Oliver Hardy*, режиссер *Oliver Stone*), а также фонетическая оболочка имени. Как показало исследование личных имен с точки зрения фонетико-психологического фактора, особо популярными и часто используемыми именами являются имена, имеющие в своем составе долгие гласные [o:] и [a:], и сонорные согласные [l], [m], [n].

Диахронический анализ позволяет проследить историю развития двух систем личных имен. В. А. Никонов считает, что «первый закон антропонимики, как и всей ономастики, – историзм. Исторична вся антропонимия без исключения» [6: 7]. Диахронический анализ личных имен представляет собой последовательное описание отдельных исторических синхронных срезов, выявление динамических процессов, происходящих в антропонимической системе языка. В. Д. Бондалетов утверждает, что изучение антропонимии невозможно вне истории народа, поэтому закономерно сопоставление имен определенных исторических периодов, выделяемых в жизни общества. Только переломные моменты в жизни общества позволяют нам наблюдать фундаментальную перестройку именника [4: 148]. пристального внимания заслуживает не только «внутренняя» (структурно-языковая), но и «внешняя» история собственных имен, что подразумевает «соотнесенность ономастических явлений с конкретными периодами общественной жизни народа» [4: 44].

Интересной является история возникновения и развития имени. Имя *Oliver* начинает свое существование в средние века в древнескандинавском языке, затем используется во французском языке, в результате нормандского завоевания имя *Oliver* попадает на территорию современной Великобритании и начинает активно использоваться в английском языке, в результате процессов

глобализации, имя становится частью других именных систем, в том числе и немецкого языка. На протяжении всего своего существования имя постоянно используется в процессе имянаречения. В 17 веке имя утратило свою популярность, из-за ассоциаций с Оливером Кромвелем – военным полководцем в период Английской революции. Благодаря Ч. Диккенсу и его всемирно известному произведению, имя *Oliver* вновь обрело популярность, начиная с середины XIX века.

Сравнительно-сопоставительный метод делает возможным выделение общих и отличительных черт антропонимических систем английского и немецкого языков с целью классификации и типологии. Данный метод позволяет также выявить и сравнить процессы, происходящие на различных хронологических срезах двух изучаемых языков.

На данном этапе было проанализировано функционирование имени в английском и немецком антропонимиконах. Было выявлено, что в английском языке имя *Oliver* является более популярным и часто используемым, чем в немецком языке. Имя *Oliver* (английский, немецкий, чешский, хорватский, эстонский, финский, македонский, сербский, хорватский, шведский языки) также имеет варианты и дублиеты в разных языках: *Olivier* (французский, голландский), *Olghar* (шотландский), *Oliviero* (итальянский), *Oliverio* (испанский), *Olaf* (норвежский), *Olivér* (венгерский), *Oliwier* (польский). Таким образом, имя представлено во многих антропонимических системах различных языковых и культурных сообществ и может считаться интернациональным именем.

Метод словообразовательного анализа используется для выявления структуры личных имен с точки зрения современной словообразовательной системы, установления характера и значения составляющих их морфем (основы, словообразовательных и гипокористических суффиксов, родовых формантов), их связей и соотношений друг с другом, а также между производной и производящей основами имен.

В результате словообразовательного анализа имени *Oliver* и его кратких и гипокористических форм, были выявлены суффиксы, которые используются для образования данных форм. Имя *Oliver* является вершиной антропонимического словообразовательного гнезда, в которое входят краткая форма *Ol*, гипокористические формы *Ollie*, *Olli*, *Noll*, *Nolly*, *Olly*, образованные с помощью суффиксов *-ie*, *-i*, *-y*, характерных как для английского, так и для немецкого языков.

Использование количественного анализа позволило определить продуктивность единиц разных семантических и структурных типов и интенсивность обогащения новыми именами разных семантических и структурных классов и групп личных имен и антропонимических систем английского и немецкого языков в целом.

Анализ корпуса языкового материала проводился в несколько этапов. На первом этапе определялся семантический потенциал личных имен в английской и немецкой именных системах: рассматривалась этимология основы личного имени, выявлялось и описывалось коннотативное содержание значения имени, рассматривались и описывали культурно-исторические компоненты значения имен в сопоставительном аспекте. На втором этапе проводился диахронический и синхронический анализ структуры личных имен в английском и немецком языках. Диахронический анализ позволил выявить основные формулы, лежащие в основе личных имен, актуальные и характерные для разных периодов возникновения личных имен. Синхроническое рассмотрение структуры личных имен позволило определить основные словообразовательные тенденции в формировании личных имен, их орфографических вариантов и гипокористических форм, гендерные различия, характерные для современных антропонимических единиц. Анализ был выполнен в сопоставительном аспекте, что позволило выявить общие и отличительные черты двух именных систем. На третьем, финальном, этапе были выявлены и подробно рассмотрены разные аспекты лингвокультурологического потенциала личных имен английского и немецкого

языка, а именно: особенности антропонимической картины мира, антропонимические формулы, роль экстралингвистических факторов в развитии системы личных имен, стилистический потенциал личных имен, функционирование интернациональных личных имен как маркера диалога культур в аспекте межкультурной коммуникации.

Список литературы

1. *Александрова, Т. С.* Словарь немецких личных имен. Происхождение. Значение. Употребление [Текст] / Т. С. Александрова, Д. О. Добровольский. – М.: Русский язык, 2001. – 248 с.
2. *Бессонова, О. Л.* Лингвокультурный концепт ДУША в англоязычной картине мира [Текст] / О. Л. Бессонова // Лингвистика XXI века : сб. науч. ст. : к 65-летию юбилею проф. В. А. Масловой / сост. В. В. Колесов, М. В. Пименова, В. И. Теркулов. – М.: ФЛИНТА : Наука, 2013. – 944 с. (Серия «Концептуальный и лингвальный миры». Вып. 3). – С. 55-61.
3. *Большой энциклопедический словарь* [Текст] / И. Лапина, Е. Маталина, Р. Серкачев и др. – М.: АСТ, 2008. – 1248 с.
4. *Бондалетов, В. Д.* Русская ономастика : монография [Текст] / В. Д. Бондалетов. – М.: Просвещение, 1983. – 224 с.
5. *Кисель, О. В.* Семантика личных имен : монография [Текст] / О. В. Кисель. – Магнитогорск : МГТУ, 2010. – 104 с.
6. *Никонов, В. А.* Имя и общество [Текст] : монография / В. А. Никонов. – М.: Наука, 1974. – 278 с.
7. *Рыбакин, А. И.* Словарь английских личных имен [Текст] / А. И. Рыбакин. – М.: Русский язык, 1989. – 224 с.
8. *Суперанская, А. В.* Общая теория имени собственного : монография [Текст] / А. В. Суперанская. – М.: ЛКИ, 2009. – 370 с.
9. *Телия, В. Н.* Коннотативный аспект семантики номинативных единиц : монография [Текст] / В. Н. Телия. – М.: Наука, 1986. – 269 с.
10. *Теория и методика ономастических исследований* [Текст] / А. В. Суперанская, В. Э. Сталтмане, Н. В. Подольская, А. Х. Султанов. – М.: Либроком, 2009. – 258 с.
11. *Bahlw, H.* Dictionary of German names. – Madison : Max Kade Institute for German-American Studies, 2002. – 579 p.
12. *Hanks, P.* A Dictionary of First Names [Text] / P. Hanks, F. Hodges. – Oxford, New York : Oxford University Press, 1990. – 443 p.
13. *Macleod, I.* The Wordsworth Dictionary of First Names / I. Macleod, T. Freedman. – Hertfordshire : Wordsworth Editions, 1995. – 223 p.
14. *Gottschald, M.* Deutsche Namenkunde. – Berlin : Walter de Gruyter Inc., 2006. – 622 S.

А. А. Кирюшкина

УО «Гомельский государственный
университет имени Ф. Скорины»,
г. Гомель
e-mail: *akirushkina@mail.ru*

A. A. Kirushkina

Francisk Scorina
Gomel State University,
Gomel

Семантика имени как компонента несвободного словосочетания

В статье анализируется семантическая структура имени существительного как компонента словосочетаний модели N_1 de N_2 с переносным значением во французском языке.

Ключевые слова: семантика, референция, говорящий, переносное значение

The article is devoted to the semantic structure of the noun as a component of phrases of the model N_1 de N_2 with a figurative meaning in French.

Key words: semantics, reference, speaking subject, figurative meaning

Исследование семантики языкового знака и ее реализации в словосочетании требует, в первую очередь, определения отнесенности лексической единицы к именуемому объекту (референту).

Языковой знак в системе характеризуется виртуальной отнесенностью к объективному миру, то есть семантической референцией. Реализация семантической референции предполагает использование знака в первичной номинации и определяется объемом его семантической структуры. В речи же соотнесенность наименования с объектом/ референтом осуществляется говорящим, т.е. это «употребление языка говорящим», поскольку референция «не является свойством самих выражений» [2: 161]. Говорящий субъект в зависимости от интенции может соблюдать или расширять сферу предметной приложимости языкового знака. При этом равновесие семантической референции и референции-действия говорящего свидетельствует о том, что мы имеем дело с объективным описанием, в котором знаки используются преимущественно в своем первичном значении.

Там, где происходит смещение или разрыв семантической референции имени намеренным действием говорящего, возникает вторичное значение как результат особого видения субъекта.

Наиболее очевидно результат такой – прагматической – деятельности говорящего раскрывается в модели N_1 de N_2 , в которой сочетаются два имени, уже существующие в языке как прямые номинации. Новое – вторичное – наименование, формируясь непосредственно под воздействием говорящего, детерминируется непрямыми отношениями с действительностью и сознательным изменением (смещением или разрывом) референции имени.

Условия для возникновения переносного значения модели создает имплицитное сравнение. Ср. *les cheveux d'une couleur jaune et brillante* – констатация физически наблюдаемого признака, тогда как характеристика *les cheveux d'or* явно связана с впечатлением, оценочным восприятием говорящего, которое, однако, можно аргументировать эксплицитным сравнением: *les cheveux d'une couleur jaune et brillante comme celle de l'or*.

Анализ структуры *un regard de bête* может привести к различным результатам: *un regard de bête* → *bête* (глупый взгляд, бессмысленный); *un regard de bête* → *bestial* (безумный, животный, звериный взгляд): в последнем случае явно возникает переносное значение на базе сравнения. Ср. *bête* (вторичное значение имени) *personne considérée comme un animal à cause de son comportement* [3: 133] и прилагательное *bestial: qui fait ressembler l'homme à la bête* [там же]. Таким образом, термин переносное значение оказывается тождественным термину вторичное значение: так имя *bête* (f) начинает выполнять функцию вторичной номинации и реализует референцию не к *animal/ bête*, а к *personne*.

Если проследить процесс перехода прямого значения N_2 в переносное: (*un regard*) de *bête* → *bête* (прямое значение) и (*un regard*) de *bête* → *bestial comme celui de la bête féroce*, то можно сказать, что только в первом случае *de N₂* со всей очевидностью теряет предметность, реализуя прямое признаковое значение. Следует отметить, что проблема зависимого имени N_2 в плане потери им категориального значения не нашла однозначного решения. Л. И. Илия, связывающая, вслед за Г. Гийомом, отсутствие артикля с крайней обобщенностью лексического значения существительного, тем не менее пишет:

«В определенных, безусловно ограниченных, условиях отсутствие артикля не исключает значения несомненной и даже непосредственной отнесенности существительного к предмету реальной действительности...» [1: 199].

К таким «ограниченным условиям» и относятся несвободные словосочетания, имплицитно содержащие сравнение. Сравнение – в данном случае скрытое – требует наличия двух предметов (референтов), признаки которых сравниваются. Ср. эксплицитное сравнение: *Le regard (d'une personne) féroce comme celui de la bête*. Можно представить цепочку словосочетаний *le regard de la bête* → *un regard de bête (bête)* → *un regard de bête (bestial)*, где сохранение предметности N_2 подтверждается эксплицитным актуализатором – артиклем (*de la bête*) или же имплицитным сравнением (*bestial comme celui de la bête*). Значение *bestial* отсутствует у *bête* при передаче им первичного значения.

Значение N_2 и переосмысление реализуется: как акцентирование признаков сем и их абстрагированность – *privé de raisonnement – sans intelligence, sans reflexion – bête* (прилагательное) или же как перенос признаков сем *privé de raisonnement* непосредственно в семантику *regard* → *bestial*.

Вместе с тем в данных словосочетаниях семантически и синтаксически опорным, реализующим референцию к одному и тому же понятию *regard* остается элемент N_1 : *взгляд человека/ взгляд животного, взгляд пустой/ взгляд безумный/ звериный (как взгляд зверя)*.

В отличие от описанных выше, в словосочетаниях типа *la vague de feu, une nappe de lumière, un miroir d'eau* элемент N_1 оказывается семантически не самодостаточным: для уточнения его значения необходим элемент N_2 как минимальный семантический контекст. Иными словами, модель N_1 de N_2 является релевантной в плане определения значения N_1 . Контекстуально обусловленное значение нельзя считать свободным, поэтому и словосочетание, в пределах которого значение одного из элементов синтаксически и лексически обусловлено, становится семантически спаянным.

В словосочетаниях с внутренним артиклем типа *la religion du théâtre, le*

feu du diamant действуют те же законы: значение N_1 обусловлено, т.е. зависит от сочетаемости с N_2 . Другими словами, компонент N_1 , будучи семантически несамостоятельным в структуре $N_1 de N_2$, необходим для выделения признаков, которые существенны для него относительно свойств некоторого другого определенного объекта (N_2). При этом N_1 , будучи синтаксически главным и называя референт, актуализирует вторичное значение – один из ЛСВ своей лексико-семантической структуры. Релевантность выбора необходимого варианта подтверждается семантическим согласованием компонентов структуры $N_1 de N_2$.

С целью уточнить терминологию, позволяющую адекватно передавать сущность анализируемого явления, в статье используются термины: первичное значение, производные (от первичного) значения ЛСВ (1), ЛСВ (2), ЛСВ (3) и т.д., входящие в лексико-семантическую структуру имени, и переносное значение/ вторичное значение (результат имплицитного сравнения). Последнее может выйти за пределы ЛСВ данного имени. Словосочетания с первично-производным и вторичным значениями объединяются тем, что они называют (и обозначают) один референт (N_1) и его признак (N_2). Линейная последовательность компонентов словосочетания отвечает норме французского языка: прямому порядку компонентов – определяемое (*un regard*) определяющее (*de la bête, de bête*), что соответствует подчинительному семантико-синтаксическому отношению. Специфика этих моделей состоит в том, что:

- 1) переосмысливается синтаксически и семантически зависимый элемент;
- 2) реализуется различный способ репрезентации признака: в модели с производным значением признак *de N₂* утверждается как онтологически присущий N_1 , объективный (физически наблюдаемый); в модели с переносным значением – на базе имплицитного сравнения – признак воспринимается и приписывается N_1 как субъективный, что часто требует анализа текста.

В структурах типа *une nappe de lumière*, переосмыслению подвергается синтаксически опорный (т.е. главный) компонент N_1 , что кардинально меняет

весь механизм внутренней перестройки семантической структуры N_1 de N_2 . Если в словосочетании с переносным значением типа *les cheveux d'or* логичность отношений – синтаксических, семантических – соблюдается, то в модели *une nappe de lumière* отмечается отклонение от типичного для французского языка порядка слов «определяемое – определяющее». Фактически имеет место переход от синтеза к анализу: десемантизированный компонент N_1 предшествует семантически полному (N_2), который и осуществляет «зацепку» за мир предметов.

Список литературы

1. Илия, Л. И. Типы словосочетаний в современном французском языке : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.05 [Текст] / Л. И. Илия ; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – М., 1960. – Т. 2. – 194 с. 2. Леметс, Х. Д. Компаративность и метафоричность в языках разных систем [Текст] / Х. Д. Леметс // Метафора в языке и тексте : сб. науч. тр. / АН СССР, Ин-т языкознания. – М. : Наука, 1988. – С. 92-108. 3. *Le Robert*. Dictionnaire d'aujourd'hui [Текст]. – Paris : Edition du Club France-Loisirs, 2012. – 1810 p.

О. В. Клименко

Университет Сейшел,
Анс Рояль
e-mail: *olga.klymenko@bk.ru*

O. V. Klymenko

University of Seychelles,
Anse Royale

Вариативность представления места в английских и испанских глаголах изображения

Проблематика статьи соотносится с проблемой информативности языковых единиц. Работа посвящена исследованию одного из семантических аргументов (Место) глаголов изображения в английском и испанском языках, а именно способам представления данного семантического аргумента в словарной дефиниции. В работе рассмотрены два аспекта представления Места: формальный и семантический. С учетом вышеупомянутых аспектов выделены формально-семантические типы представления Места в глаголах изображения в сопоставляемых языках.

Ключевые слова: глаголы изображения, семантический аргумент, Место, импликация, экспликация, специфицированный, неспецифицированный.

The paper concerns itself with the general problem of language units informativity. It deals with the study of one semantic argument (Place) of graphic verbs in English and Spanish. The paper focuses on the ways of this semantic argument representation in the definition. Two aspects of Place representation are considered: formal and semantic. With reference to the above-mentioned aspects, the formal-semantic types of Place representation in graphic verb in contrasted languages are elicited.

Key words: graphic verbs, semantic argument, Place, implication, explication, specified, unspecified.

1 Вводные замечания. Один из актуальных вопросов современной лингвистики заключается в том, как языковые единицы кодируют информацию о реальной действительности. Центральное положение в исследованиях подобного плана занимает глагол. В основе глагольного значения лежит не только номинация выражаемого понятия, но и свернутая модель логических отношений одних понятий к другим [5: 94]. Глагол представляет собой имплицитную синтагму, в состав которой наряду с действием входят предметные переменные (субъект, объект, инструмент и т. д.). Семантический минимум глагола (значение отношений между предметными сущностями) может быть осложнен такими семантическими признаками, как время, место, способ совершения действия и т. д. Способность глагола представлять событие с учетом характеристик действия и отношений между его участниками

определяет неослабевающий исследовательский интерес и обширную теоретико-практическую базу в данной области [1, 2, 4, 7-19, et al]. Систематизация семантико-синтаксических свойств глагола осуществляется в терминах семантических ролей [19], семантических падежей [12], семантико-синтаксических моделей управления [1], диатез [6], тематических ролей [11], правил связи [16] и т. д.

Тем не менее, вопросы, касающиеся объема лексикализуемой глаголом информации, на данный момент не исчерпаны. Многоплановость значения глагола обуславливает трудности его токования и в этой связи возникает вопрос о том, какие аспекты информации, носителем которой является глагол, представляются в его дефиниции, и какая часть данной информации остается скрытой. *Актуальность* исследования определяется необходимостью описания потенциала глагола в выражении скрытых семантических компонентов, что в дальнейшем позволяет более глубоко изучить особенности взаимодействия механизмов передачи и восприятия информации.

Объектом исследования в данной статье являются глаголы изображения (далее – ГИ). ГИ обозначают выполняемые человеком контролируемые целенаправленные физические действия, в результате которых возникает изображение (см. примеры (1)-(12). По сути ГИ представляют собой разновидность глаголов с эффицированным (т. е. возникающим в результате действия субъекта) объектом [12: 24; 14: 77]. Изображение в данном исследовании представляет собой двухмерный визуальный образ, созданный средствами графики (буквы, пунктуационные знаки, символы, рисунки и т. д.).

Материалом исследования послужила лексикографическая выборка английских (147 ЛСВ) и испанских (163 ЛСВ) ГИ.

Актантная структура ГИ включает таких участников, как субъект (тот, кто производит действие), создаваемый объект (то, что появляется в ходе действия), ресурс (инструмент и средство, которые используются в ходе действия), образ (то, что служит образом для создания нового объекта), место

(поверхность, на которой возникает создаваемое изображение), изменяемый объект (то, что охватывается действием и претерпевает изменения).

Целью данного исследования является анализ способов представления валентности места (далее – *P*, от англ. *Place* ‘место’) в дефинициях английских и испанских ГИ.

2 Вариативность представления *P* в ГИ. Графическое действие предполагает наличие поверхности, на которой создается изображение. В валентностной структуре ГИ данной сущности соответствует участник *P*. Данный участник графического действия является обязательным, поскольку его отсутствие делает само действие невозможным.

В результате исследования выяснилось, что, будучи ингерентным компонентом каждого ГИ в английском и испанском языках *P* представляется в лексикографических толкованиях по-разному.

Были проанализированы два ракурса описания *P*: формальный (по форме выражения) и семантический (по объему характеризующей информации).

3 Вариативность формального представления *P* в ГИ. Говоря о формальном представлении *P* на уровне лексикографического толкования ГИ, можно констатировать эксплицитный (3.1) и имплицитный (3.2) *P*.

3.1 Эксплицитный *P* присутствует в дефиниции ГИ, он выражен лексически (см. пример (1)).

3.2 Имплицитный *P* не упоминается в дефиниции. Невыраженность *P* в дефиниции ИГ обуславливается тем, что в подобных примерах данный участник не нуждается в уточнении. Анализ выборки выявил две причины, по которым *P* не нуждается в уточнении и, следовательно, имплицитруется в дефиниции:

3.2.1 *P* не ограничен какими-либо параметрами:

(1) *chalk* – to write or draw something with chalk ‘написать или нарисовать что-либо мелом’.

В примере (1) поверхность, на которой создается изображение, не ограничена какими-либо специфическими параметрами: написать и нарисовать

что-либо мелом теоретически можно на множестве предметов. В данном случае ГИ представляет имплицитный не специфицированный *P*.

3.2.2 *P*, напротив, ограничен до единственно возможного объекта, имплицированного опосредствованно другими участниками ситуации, обозначенной ИГ:

(2) *rekey* – to type lost information into a computer again ‘заново внести (впечатать информацию в компьютер’;

(3) *mecanografiar* – escribir una cosa a máquina ‘напечатать что-либо на печатной машинке’.

Примеры (2)-(3) служат иллюстрацией имплицитного специфицированного *P*. Упоминание в данных примерах инструмента (компьютер (2) и печатная машинка (3)) имплицитируют конкретную поверхность, на которой создается графический объект – экран компьютерного монитора в (2) и листы бумаги, закладываемые в печатную машинку в (3).

Имплицитность *P* прослеживается также в случае синкретично реализованных в одной словоформе или синтагме валентностей *P* и АО (кодировано от англ. *Affected Object* ‘Изменяемый Объект’) в английских и испанских ГИ. Под АО понимается графический объект, который претерпевает изменения в ходе создания изображения в ситуации, обозначенной ГИ:

(4) *annotate* – to put notes in a piece of writing in order to explain parts of it ‘делать записи в тексте с целью пояснения’; (5) *empadronar* – inscribir a alguien en un padrón ‘вписать кого-то в список’. В ГИ (4)-(5) отсутствует упоминание *P*. Эксплицитно выражен в данном примере АО (*a piece of writing* ‘текст’ (4) и *un padrón* ‘список’ (5)), частью которого становится создаваемое в ходе действия, обозначенного ИГ изображение. Однако само существование АО имплицитирует *P*, как поверхность, на которой изначально был создан АО и на которой, соответственно, возникает графический объект действий (4)-(5).

4 Вариативность семантического представления *P* в ГИ. Характеризуя семантические особенности представления *P* в ГИ можно сказать, что данный

участник может быть не специфицирован или специфицирован одним из двух способов: таксономически или дескриптивно.

4.1 Не специфицированный *P* представляется как любая поверхность, на которой возникает изображение, напр.:

(6) *manuscribir* – escribir a mano una cosa;

(7) *rayar* – trazar rayas en algún sitio ‘провести полосы в каком-либо месте’;

(8) *inscribe* – to write or cut words on or in something <...> ‘написать или вырезать на чем-то слова’.

Следует отметить, не специфицированный *P* может иметь как имплицитное (6), так и эксплицитное (7)-(8) выражение.

4.2 Таксономически специфицированный *P* определяется в дефиниции ГИ с точностью до класса, другими словами, соответствует конкретному физическому объекту, на поверхности которого возникает изображение, напр.:

(9) *tattoo* – to draw a tattoo on someone’s body ‘нарисовать татуировку на теле человека’;

(10) *calibrate* – to make a series of regular marks on a piece of equipment for measuring things ‘нанести метки на одинаковом расстоянии на измерительном приборе или приспособлении’;

(11) *respaldar* – escribir algo en el respaldo de un documento ‘написать что-то на обратной стороне документа’.

Толкования ГИ (9)-(11) трактуют *P* как конкретные физические объекты, эксплицируя данного участника посредством конкретных лексем или словосочетаний.

4.3 Дескриптивно специфицированный *P* представляется в дефиниции ГИ через определенные, свойственные ему характеристики, как например материал или состав:

(12) *embroider* – decorate cloth with a design of coloured stitches ‘украсить ткань узором из стежков’;

(13) *estampar* – dejar escrita o dibujada una cosa sobre papel, tela, planchas de metal, etc. <...> ‘оставить письменное или нарисованное изображение на бумаге, ткани, металлической пластине, и т.д. <...>’.

5 Формально-семантические варианты представления *P* в ГИ. Анализ отношений между двумя ракурсами представления *P* в ГИ (формального и семантического) выявил 4 способа представления данного участника в исследуемой группе глаголов:

5.1 ИмPLICITный не специфицированный *P*. Представляемый данным способом *P* не упоминается в дефиниции и интерпретируется как любая поверхность, на которой можно создать графический объект (прим. (1), (6)).

5.2 ИмPLICITный специфицированный *P*. В примерах данного способа представления *P* этот участник ситуации не упоминается в дефиниции ИГ, но подразумевается как конкретный физический объект (прим. (2)-(3)).

5.3 ЭкPLICITный не специфицированный *P*. Формальное выражение *P* в дефиниции в данном случае не является информативным и никак не проясняет параметры поверхности, на которой возникает графический объект (прим. (7)-(8)).

5.4 ЭкPLICITный специфицированный *P*. В примерах данной группы *P* оформляется как конкретный физический объект или как физический объект с определенными свойствами (прим. (9)-(13)).

Таблица 1

Вариативность *P* в ГИ

№ п/п	Формально-семантический тип <i>P</i> в ГИ	Язык			
		англ.		исп.	
		абс.	%	абс.	%
1.	ИмPLICITный не специфицированный	30	20,4	33	20,3
2.	ИмPLICITный специфицированный	43	29,3	74	45,4
3.	ЭкPLICITный не специфицированный	22	15,0	33	20,2
4.	ЭкPLICITный специфицированный	52	35,3	23	14,1
Всего		147	100	163	100

6 Выводы

6.1 *P* является обязательным участником графического действия и по-разному представляется в дефиниции ГИ. Различия прослеживаются на двух уровнях его представления: формальном и семантическом (см. 1, 2).

6.2 Вариативность формального представления *P* в лексикографических толкованиях ИГ заключается в его имплицитном и эксплицитном выражении (см. 3).

6.3 Импликация *P* обуславливается его неограниченностью или конкретностью (см. 3.2.1, 3.2.2).

6.4 Вариативность семантического представления *P* в дефиниции ИГ проявляется в его интерпретации как не специфицированной (любой) или специфицированной (определенной или конкретной) поверхности (см. 4).

6.5 В результате исследования выделены 4 способа формально-семантического представления *P* в ГИ: имплицитный не специфицированный, имплицитный специфицированный, эксплицитный не специфицированный, эксплицитный специфицированный (см. 5).

6.6 Произведенное исследование выявило сходство формально-семантического представления *P* в дефинициях английских и испанских ГИ и, соответственно, наличие аналогичных формально-семантических типов *P* (см. 1-5, табл. 1).

6.7 Различия между сопоставляемыми языками касаются частотности отдельных формально-семантических типов *P*: ведущим способом представления *P* в дефинициях испанских ГИ является импликация специфицированной поверхности (45,4 %) а в английских ГИ – экспликация специфицированной поверхности (35,3 %) (см. табл. 1).

7 Перспектива исследования заключается в анализе корреляций между типами формально-семантического представления *P* в дефиниции ИГ и реализацией данной валентности в ходе синтаксического развертывания ИГ в тексте.

Список литературы

1. *Апресян Ю. Д.* Лексическая семантика (синонимические средства языка). – 2-е изд., испр. и доп. [Текст] / Ю. Д. Апресян. – М. : Наука, 1995. – 367 с.
2. *Гак В. Г.* К проблеме синтаксической семантики [Текст] / В. Г. Гак // Языковые преобразования [Текст]. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1998. – С. 264-271.
3. *Недялков В. П.* Типология каузативных конструкций [Текст] / В. П. Недялков, Г. Г. Сильницкий // Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив / Под. ред. А. А. Холодовича. – Л., 1969. – С. 5-19.
4. *Падучева Е. В.* Динамические модели в семантике лексики [Текст] / Е. В. Падучева. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 608 с.
5. *Уфимцева А. А.* Типы словесных знаков. – 3-е изд. [Текст] / А. А. Уфимцева. – М. : Едиториал УРСС, 2011. – 208 с.
6. *Холодович А. А.* Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив [Текст] / А. А. Холодович. – Л. : Наука, 1969. – 311 с.
7. *Alexiadou A.* Instrument Subjects are Agents or Causers [Text] / Artemius Alexiadou, Florian Schäfer // Proceedings of the 25th West Coast Conference on Formal Linguistics. – Somerville, MA : Cascadilla Proceedings Project, 2006. – P. 40-48.
8. *Babby L.H.* The Syntax of Argument Structure [Text] / Leonard H. Babby // Argument Structure and Syntactic Relations: A Cross Linguistic Perspective – Linguistik Aktuell / Linguistics Today. Vol. 158. – John Benjamins Publishing, 2010. – P. 133-150.
9. *Bowers J.* Argument structure and Quantifier Scope [Text] / John Bowers // Argument Structure and Syntactic Relations: A Cross Linguistic Perspective – Linguistik Aktuell / Linguistics Today. Vol. 158. – John Benjamins Publishing, 2010. – P. 151-182.
10. *Chafe W. L.* Meaning and the Structure of Language [Text] / Wallace L. Chafe. – Chicago : The University of Chicago Press, 1970. – 360 p.
11. *Dowty D. R.* Thematic proto-roles and argument selection [Text] / David R. Dowty // Language. – 1991. – Vol. 67. – No 3. – P. 547-619.
12. *Fillmore Ch. J.* The Case for Case [Электронный ресурс] / Charles J. Fillmore : <http://linguistics.berkeley.edu/~syntax-circle/syntax-roup/spr08/fillmore.pdf>
13. *Jackendoff R.* Semantic Structures [Text] / Ray Jackendoff. – MIT Press, 1990. – 322 p.
14. *Kaliuščenko, V. D.* Deutsche denomineale Verben [Text] / Vladimir D. Kaliuščenko. – Tübingen : Gunter Narr Verlag, 1988. – 180 S. – (Studien zur deutschen Grammatik ; Bd. 30).
15. *Levin B.* English Verb Classes and Alternations : A Preliminary Investigation [Text] / Beth Levin. – University of Chicago Press, 1993. – 348 p.
16. *Levin B.* Lexical Semantics and Syntactic Structure [Text] / Beth Levin, Malka Rappaport Hovav // The Handbook of Contemporary Semantic Theory. – Blackwell Publishers, 1997. – P. 487-507.
17. *Levin B.* Manner and Result : A View from *clean* [Text] / Beth Levin, Malka Rappaport Hovav // Language Description Informed by Theory. – Amsterdam: John Benjamins, 2014. – P. 337-357.
18. *Mel'chuk I.* Actants in semantics and syntax I Actants in Semantics [Text] / Igor Mel'chuk // Linguistics. – 2004. – No 42 (1). – P. 1-66.
19. *Tesnière L.* Éléments de syntaxe structurale [Text] / Lucien Tesnière. – Paris : Editions Klincksieck, 1959 – 670 p.
20. *Van Valin R. D.* An Introduction to Syntax [Text] / Robert D. Van Valin. – Cambridge University Press,

2001. – 236 p. 21. *Vendler Z.* Verbs and times [Text] / Zeno Vendler // *The Philosophical Review* – 1957. – Vol. 66. – No 2. – P. 143-160.

Список источников примеров

22. *Macmillan English Dictionary for Advanced Learners (MEDAL) CD-ROM* 2nd Edition. – CD-ROM © Macmillan Publishers Limited 2007. Text © A&C Black Publishers Ltd 2007. 23. *María Moliner : Diccionario de uso del español CD-ROM.* – 3ra Ed. – EDITORIAL GREDOS, S.A. 2007.

Лексико-семантические связи компонентов композиционных наименований человека в искусстве

Статья посвящена семантическим особенностям композиционных наименований человека в искусстве, употребляемых в литературном и разговорном языке. Семантическая классификация данных лексем объединяет: акциональный, компетенциальный, аскриптивный, локальный, конституциональный, эквативный, партитивный, орнативный и референциальный типы.

Ключевые слова: *композиция, смысловой (семантический) тип, базовый компонент, зависимый компонент, парафраза, предикация.*

The paper considers semantic peculiarities of compound names of people in arts (CNPA) used in standard and non-standard varieties. Semantic classification of CNPA comprises actional, competential, ascriptive, local, constitutional, equational, partitive, ornative, and referential types.

Key words: *compound, semantic type, determinatum, determinant, paraphrase, predication.*

1 Введение. Изучение лексико-семантических связей компонентов композита является важным с позиции интерпретации данных образований и поиска аналогий в других языках.

Проблема смысловой структуры композиционных образований в целом затрагивалась в работах по английскому [2; 6; 7; 8] и немецкому [3; 4; 5] языкам. Тем не менее, анализ семантических типов и их особенностей на материале литературных и разговорных композиционных наименований человека в искусстве (далее – КНЧИ) представляет особый интерес, что и обуславливает **актуальность** данного исследования.

В качестве **объекта** исследования выступают литературные и разговорные КНЧИ в английском и немецком языках, а **предмета** – семантическая структура КНЧИ, в частности, смысловые отношения их базового и зависимого компонентов.

2 Анализируемые КНЧИ, образованные посредством словосложения, являются детерминативными бинарными образованиями. Первый компонент (А) в таких конструкциях определяет второй (В), который, в свою очередь,

задает общую морфологическую и семантико-категориальную характеристику всего сложного образования.

Словосложение является ведущим способом образования наименований человека в искусстве в немецком языке в отличие от английского (нем. – 499 КНЧИ = 55 %, англ. – 177 КНЧИ = 23,6 %). Смысловые типы КНЧИ немецкого языка существенно отличаются от своих английских аналогов как по количественному набору, так и по содержанию.

Разговорные КНЧИ, в отличие от литературных, характеризуются затемненной семантической мотивированностью: в их семантической структуре наблюдаются дополнительные приращения смысла. Для интерпретации таких КНЧИ помимо буквальной парафразы необходимы дополнительные комментарии.

В структуре некоторых КНЧИ определяемый (базовый) конституент В может быть выражен отглагольным существительным, образованным в большинстве случаев от переходных глаголов [1: 7-8]. Эти образования именуется в немецком языке «грамматическими объектными конструкциями» (*grammatische Objektbildungen*), т.к. они строятся по модели «объект (А) – агент (деятель) (В)» [3: 641-654], «аккузативными композитами» (*Akkusativkomposita*), т.к. в их активной парафразе конституент А выражен дополнением в аккумулятиве [4: 61]. Такие КНЧИ могут истолковываться в своих парафразах глагольными конструкциями типа: англ. *operator* → *someone who operates something*; нем. *Leiter/Leiterin* → *jemand, der/die etwas leitet*, ср. также: англ. *boom operator* ‘ассистент звукорежиссера’ → *someone who operates a boom* (А); нем. *Produktionsleiter/Produktionsleiterin* ‘директор картины’ → *jmd., der/die eine Filmproduktion (A) leitet*.

Анализ смысловых отношений базового (В) и зависимого (А) компонентов в структуре композитов позволяет выделить следующие смысловые типы КНЧИ:

2.1 *Акциональные КНЧИ* (англ. – 62 ед., нем. – 140 ед.), в парафразах которых компонент В выступает субъектом, а компонент А – объектом

действия, выраженным прямым дополнением [3: 574]. Данный смысловой тип КНЧИ представлен в следующих продуктивных парафразах:

2.1.1 [A] является объектом воздействия [B] (англ. – 51 ед., нем. – 98 ед.), где компонент А выступает в семантической роли аффицированного (т.е. подверженного воздействию) объекта и выражен прямым дополнением, а базовый компонент В – в роли агенса, оказывающего на него воздействие, ср.: англ. *drum major* ‘тамбурмажор’ → a major (B) who leads drummers (A); нем. *Gesichtsgärtner* разг. ‘парикмахер, гример’ → Gärtner (B), der ein Gesicht (A) zurechtmacht / jmd., der das Gesicht (A) gärtner → Maskenbildner (B), der das Gesicht (A) wie der Gärtner seinen Garten zurechtmacht ‘гример (B), который приводит в порядок лицо (A) подобно садовнику, убирающему свой сад’;

2.1.2 [A] обозначает действие, выполняемое [B] (англ. – 7 ед., нем. – 18 ед.), ср.: англ. *jam band* ‘музыкальный ансамбль, известный длинными импровизациями’ → a band (B) that jams (A); нем. *Blasorchester* ‘духовой оркестр’ → Orchester (B), das bläst (A).

2.1.3 [B] производит [A] (англ. – 4 ед., нем. – 24 ед.), где компонент А выступает в семантической роли эффицированного (произведенного) объекта, а компонент В – в роли производителя, ср.: англ. *tunesmith* (букв. ‘кузнец песен’) разг. ‘композитор-песенник’ → a smith (B) of tunes (A) / someone who smiths tunes (A) → a singer-songwriter (B) composes songs (A) like a smith makes iron things ‘композитор-песенник (B), который пишет песни (A) подобно тому, как кузнец кует металл’; нем. *Filmautor/Filmautorin* ‘кинодраматург; киносценарист’ → Autor/Autorin (B), der/die ein Filmdrehbuch (A) verfasst.

2.2 *Компетенциальные КНЧИ* (англ. – 26 ед., нем. – 66 ед.) называют лицо согласно его компетенции в определенной области и строятся на предикации ‘[B] специализируется / компетентен в / отвечает за область [A]’ [3: 441-454], ср.: англ. *foley artist* ‘шумовик’ → an artist (B) who specializes in foley (A); нем. *Verschönerungsarchitekt* (букв. ‘архитектор, занимающийся приукрашиванием’) разг. ‘постижер; гример’ → Architekt (B), der sich auf Verschönerung (A) spezialisiert ‘архитектор (B), специализирующийся на

приукрашивании (А)' → Maskenbildner (В), der sich auf Verschönerung (А) spezialisiert wie der Architekt auf Planung und Errichtung von Gebäuden 'гример (В), который специализируется в приукрашивании лица (А) подобно архитектору в планировании и строительстве зданий'.

2.3 *Аскриптивные КНЧИ* (англ. – 23 ед., нем. – 2 ед.) имеют предикацию '[А] служит определением [В]', в которой компоненты А и В выступают соответственно в семантических ролях «свойство – обладатель свойства» [3: 718-740], ср.: англ. *leading lady* 'прима; ведущая актриса' → a lady (В) who is leading (А); нем. *Alt-Schöne* разг. 'пожилая театральная актриса или киноактриса, которая не утратила свое обаяние' → Schöne (В), die alt (А) ist.

2.4 *Локальные КНЧИ* (англ. – 7 ед., нем. – 86 ед.). Анализируемые КНЧИ имеют в своей парафразе предикацию '[В] находится в [А]' и строятся по модели «место – деятель» [3: 469-470], ср.: англ. *kerb-walker* (букв. 'шагающий вдоль обочины') разг. 'уличный певец' → a walker (В) along the kerb (А) / someone who walks along the kerb (А) → a street singer (В) who walks along the kerb (А) and performs his songs 'уличный певец (В), который идет вдоль обочины (А) и исполняет песни'; нем. *Bänkelsänger/Bänkelsängerin* 'уличный, бродячий, балаганный певец/певица' → Sänger/Sängerin (В), der/die Lieder auf einem Bänkel (Bank) (А) stehend vorträgt.

2.5 *Конституциональные КНЧИ* (англ. – 6 ед., нем. – 17 ед.). В основе данных КНЧИ лежит предикация '[А] формирует [В]', а компоненты А и В находятся в референциальных отношениях «часть коллектива – коллектив» [3: 247-259]. При этом А выражает неопределенное количество однотипных членов коллектива В, ср.: англ. *brat pack* (букв. 'банда сорванцов') разг. 'актерская группа 1980-ых (США)' → a pack (В) of brats (А) → a group (В) of actors (А) 'группа (В) актеров (А)'; нем. *Bläserensemble* 'ансамбль музыкантов, играющих на духовых инструментах' → Ensemble (В), das sich aus Bläserinnen und Bläsern (А) zusammensetzt.

2.6 *Эквативные КНЧИ* (англ. – 2 ед., нем. – 8 ед.). Семантические отношения компонентов эквативных КНЧИ строятся по типу '[А/В]

идентифицирует или квалифицирует [B/A]’ [3: 158-169]. В парафразах КНЧИ данного типа содержится копулятивная связка *sein / to be* ‘быть’, ср.: англ. *child actor* ‘юный актер’ → an actor (B) who is a child (A); нем. *Laienschauspieler / Laienschauspielerin* ‘актер-любитель’ → Schauspieler / Schauspielerin (B), der/die ein Laie (A) ist.

2.7 *Партитивные КНЧИ* (англ. – 4 ед., нем. – 126 ед.). Анализируемые КНЧИ соответствуют по своей семантике предикациям общего типа ‘[B] принадлежит [A]’ и ‘[A] имеет своей частью [B]’. Компонент А может выступать в семантической роли коллективного целого, которое формируется отдельными индивидуумами, выраженными компонентом В [3: 356-367]: англ. *film producer* ‘кинопродюсер’ → a producer (B) in film industry (A); нем. *Ensemblemitglied* ‘ансамблист’ → Mitglied (B) eines Ensembles (A).

2.8 *Орнативные КНЧИ* (англ. – 1 ед., нем. – 10 ед.) с предикацией ‘[B] имеет [A]’ строятся по модели «признак/отличительная черта кого-либо – носитель данного признака/отличительной черты» [3: 286-293]: англ. *one-hit wonder* (букв. ‘чудо с одним хитом’) разг. ‘певец-однодневка’ → a wonder (B) that has only one hit (A) → a singer (B) who is sarcastically called “wonder” because he/she has only one hit (A) in his/her repertoire ‘певец/певица (B), который иронично назван(а) чудом, потому что имеет в репертуаре только один хит (A)’; нем. *Koteletten-Orpheus* (букв. ‘Орфей с бакенбардами’) разг. ‘певец с бакенбардами’ → Orpheus (B) (ironisch Sänger) mit Koteletten (A) (= Backenbart) ‘Орфей (иронично певец) (B) с бакенбардами (A)’.

2.9 Почти треть исследованных КНЧИ в немецком языке (155 ед. или 30,6 %) и четвертая часть в английском (32 ед. или 25%) обнаруживает связь с несколькими семантическими типами, допуская различные виды парафраз.

2.9.1 В немецком языке у данных КНЧИ отмечены следующие типы смысловых пересечений:

1) *локальные* и *партитивные КНЧИ* (43 ед.), ср.: *Fernseh Sprecher/Fernseh Sprecherin* ‘диктор телевидения’ → Sprecher/Sprecherin (B), der/die beim Fernsehen (A) arbeitet / jmd., der/die im Fernsehen (A) spricht ([B]

находится в [A]), также: → Sprecher/Sprecherin (B) beim Fernsehen (A) ([B] принадлежит [A]);

2) *референциальные и партитивные КНЧИ* (41 ед.). Референциальный тип КНЧИ строится на предикации обобщенного типа '[B] относится к [A]' [3: 428-440]. Данный смысловой тип реализуется в парафразах: а) [B] (не) является очень успешным/(не) имеет высокий ранг в области [A]: *Filmdiva* 'кинозвезда' → die gefeierte Schauspielerin (Diva) (B) auf dem Filmgebiet (A), также: → Diva (B) beim Film (A) ([B] принадлежит [A]); б) [B] относится с интересом/симпатией/антипатией к [A]: *Jazzfan* 'поклонник джаза' → jmd., der/die ein Fan (A) ist, was Jazz (B) betrifft, также: → Fan (B) von Jazz (A) ([B] принадлежит [A]); в) [B] имеет отношение к [A]: *Sangesbruder* 'член певческого общества' → jmd., der ein Bruder (B) (= Mitglied) eines Gesangsvereins (A) ist, также: → ([B] имеет отношение к [A]/[B] принадлежит [A]).

3) *компетенциальные и акциональные КНЧИ* (34 ед.): *Country-Musiker/Country-Musikerin* 'музыкант, играющий в стиле кантри' → Musiker/Musikerin (B), der/die sich auf Country(musik) (A) spezialisiert ([B] специализируется/компетентен в/отвечает за область [A]), также: → Musiker/Musikerin (B), der/die Country(musik) (A) vorträgt ([A] является объектом воздействия [B]).

2.9.2 Английские КНЧИ характеризуются наибольшим количеством пересечений между *акциональным и компетенциальным типами* (24 ед.): *folksinger* 'фольк-исполнитель' → a singer (B) who sings folksongs (A) / someone who sings folksongs (A) ([A] является объектом воздействия [B]), также: → a singer (B) who specializes in folk(songs) (A) ([B] специализируется/компетентен в/отвечает за область [A]).

3 Выводы. Анализ лексико-семантических связей между базовым и зависимым компонентами КНЧИ позволил выявить смысловые типы и установить степень их продуктивности.

Наиболее продуктивными смысловыми типами в немецком языке являются акциональные и партитивные КНЧИ. Свыше 30 % немецких КНЧИ

обнаруживают смысловую связь с несколькими семантическими типами. Наибольшее количество пересечений отмечено у локальных и партитивных, референциальных и партитивных, а также у компетенциальных и акциональных типов.

Словосложение в английском языке является малопродуктивным способом образования КНЧИ, что существенно сказывается на их количественных и смысловых характеристиках. Ведущим является акциональный тип КНЧИ, который часто (25 %) пересекается с компетенциальным типом.

Отличительной особенностью разговорных КНЧИ является непрозрачная смысловая связь их составляющих компонентов и развернутые (двойные) парафразы.

Список литературы

1. *Косицкая, А. Г.* Смысловые типы композитных номинативов человека в искусстве [Электронный ресурс] / А. Г. Косицкая // Научные труды Кубанского государственного технологического университета. – 2016. – № 4. – Режим доступа : <http://ntk.kubstu.ru/file/912>
2. *Adams, V.* An Introduction to Modern English Word-Formation [Text] / Valerie Adams. – Routledge, 2016. – 240 p.
3. *Deutsche Wortbildung* : Typen und Tendenzen in der Gegenwartssprache ; eine Bestandsaufnahme des Instituts für deutsche Sprache, Forschungsstelle Innsbruck. – Berlin ; New York : Walter de Gruyter. – Hauptteil 4. Substantivkomposita I : (Komposita und kompositinsähnliche Strukturen) / L. Ortner, E. Müller-Bollhagen, H. Ortner, H. Wellmann, M. Pümpel-Mader, H. Gärtner. – 1991. – 863 S.
4. *Henzen, W.* Deutsche Wortbildung [Text] / W. Henzen. – Berlin : Walter de Gruyter, 1957. – 306 S. – (Sammlung kurzer Grammatiken germanischer Dialekte. B : Ergänzungsreihe).
5. *Kienpointner, A. M.* Wortstrukturen mit Verbalstamm als Bestimmungsglied in der deutschen Sprache [Text] / Anna Maria Kienpointner. – Innsbruck : Institut für Germanistik, Universität Innsbruck, 1985. – 442 S. – (Innsbrucker Beiträge zur Kulturwissenschaft: Germanistische Reihe).
6. *Levi, J. N.* The Syntax and Semantics of Complex Nominals [Text] / Judith N. Levi. – Academic Press, 1978. – 301 p.
7. *Nakov, P.* On the interpretation of noun compounds: Syntax, semantics, and entailment [Text] / Preslav Nakov // Natural Language Engineering. – Vol. 19, Issue 3 (Special Issue). – 2013. – P. 291-330.
8. *Warren, B.* Semantic patterns of noun-noun compounds [Text] / Beatrice Warren. – Acta Universitatis Gothoburgensis, 1978. – 266 p. – (Gothenburg studies in English).

О. Н. Логутенкова

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный
университет», г. Краснодар
e-mail: *logutenol@mail.ru*

O. N. Logutenkova

Kuban State University
Krasnodar

Сопоставительный анализ русских и новогреческих традиционных метафорических загадок

Статья посвящена сопоставительному анализу русских и новогреческих традиционных загадок, основанных на метафоре, предпринята попытка описать и систематизировать, а также выявить сходства и различия образов, положенных в основу метафоризации загаданного объекта.

Ключевые слова: *загадка, метафора, фольклор, языковая картина мира.*

The article is devoted to the comparative analysis of the Russian and Greek traditional metaphorical riddles; an attempt is undertaken to describe and classify, as well as determine the common and distinctive features of the transferred images of the metaphor of the riddles.

Keywords: *riddle, metaphor, folklore, language picture of the world.*

Фольклор является основным и неотъемлемым компонентом культуры любого этноса. Обладая определенными универсальными чертами, устное народное творчество в то же время отражает уникальный взгляд на окружающий мир каждого отдельного народа, закрепляя в языке национально-специфичный опыт постижения мира человеком.

Играя важную роль в накоплении и передаче коллективного опыта из поколения в поколение, загадки, как один из древнейших жанров фольклора, способствуют постижению языковой картины данного народа и помогают нам взглянуть на мир глазами носителей определенной культуры. По меткому замечанию В. В. Катерминой, загадка выступает в качестве учебника жизни, представляя мир с точки зрения фольклорного социума, отражая коллективную систему ценностей [3: 77].

В связи с этим представляет особый интерес сопоставительный анализ текстов загадок разных культур, в нашем случае, русской и греческой, поскольку загадки, обладая такими общими чертами, как метафоричность, образность, стремление к языковой игре, лаконичность, в то же время имеют существенные различия в отношении языковых средств, используемых для

создания образности. С целью выявить общие и отличительные элементы в картинах мира русского и греческого народа, выяснить насколько схожи и чем отличаются метафорические модели переноса, каковы модели описания и кодирования информации об окружающем мире в рассматриваемых культурах и языках нами был проведен анализ лексико-семантических структур и образов традиционных русских и греческих загадок.

В фольклористических исследованиях выделяются разные типы загадок, организованные по следующим основаниям: формальному, формально-семантическому и семантическому. В соответствии с формальным принципом весь корпус традиционных и современных загадок организован загадками-иносказаниями, загадками-описаниями и загадками-вопросами. При этом более половины традиционных текстов являются загадками-иносказаниями, в которых используется образ, замещающий объект в отгадке, т.е. основным средством является метафора, поскольку именно метафора в большинстве случаев позволяет представить многоплановость образов.

Тесная связь метафоры и загадки была описана еще Аристотелем в его работах: «Если кто-нибудь сделает такую [метафорической] всю речь, то получится загадка. В самом деле, идея загадки та, что, говоря о действительно существующем, соединяют вместе с тем совершенно невозможное [2: 3-4].

Многие исследователи выделяют метафорические загадки как единственно истинные, рассматривая их как базовую форму концептуализации действительности, т.е. как определенный способ восприятия и организации мира, отраженный в языке. Выражаемые в языке значения складываются при этом в некую единую систему взглядов, которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка [1: 350].

В процессе исследования нами был проанализирован корпус из 220 русских и греческих традиционных метафорических загадок, составленный на основе сплошной выборки из сборников загадок [4; 5].

Семантическая структура загадки в обоих языках определяется соотношением трех ее основных компонентов: денотата, т.е. объекта,

загадываемого и подлежащего дешифровке; заместительного объекта, имеющего какие-то общие свойства с денотатом, и «образа», т. е. некоторого описания, применимого одновременно к обоим объектам.

Исследование показало, что проанализированные загадки можно разделить на три группы.

1 Загадки с полным или частичным совпадением образа, положенного в основу метафоры. Поскольку важнейшим фрагментом картины мира в тексте загадки выступает антропоцентризм, то выбор заместительного образа для данной группы оказывается достаточно ограниченным с явным преобладанием «зоологических» метафор, олицетворений и антропоморфных сравнений.

Персонификация предметов и стихий, наделение их человеческими качествами характерно в равной степени как для русской, так и греческой языковой картины мира.

(1) *Από μητέρα κόκκινη μαύρο παιδί γεννιέται (φωτιά και καπνός) / Мать толста, дочь красна, сын воробей, под небеса улетел (печь, огонь, дым).*

(2) *Ένα πράγμα, πραγματάκι κάθεται στο χωράφακι μ' ένα μόνο подарάκι (το μανιτάρι). / Кто стоит на крепкой ножке в бурых листьях у дорожки? (гриб).*

В греческом языке, так же, как и в русском, в случае, когда денотат обозначает несколько объектов, либо один объект, включающий несколько составляющих, нередко используются образы сестер или братьев:

(3) *Πέντε αδέρφια μαζί γεννιούνται, μαζί δουλεύουν, μαζί κοιμούνται, κανείς δεν κλαίει και δε γκρινιάζει και ούτε ο ένας του άλλου μοιάζει.*

(4) *Δва брата убегают, два другие – догоняют (колеса).*

(5) *Δво αδελφάκια αγκαλιασμένα και στον κόλο κολλημένα (ψαλίδι). – Два брата всегда в обнимку, срослись в серединке (ножницы).*

Очевидно, что использование подобных метафор объясняется особым почитанием семейных уз в русской и греческой культурах, что было издревле

закреплено христианской православной традицией, определившей духовное развитие данных народов.

В связи с этим нужно отметить, что для описываемых нами культур характерно использование терминов родства в целом и в качестве образов сравнения для природных объектов, например:

(6) *Дедушка без топора мост мостит (мороз); Братец бел, черна сестра (день и ночь). Братец в дом – сестра со двора (день и ночь)* и для предметов быта: *Έχω μια κόρη που τη φιλούνε όλοι (βρύση). – У меня есть дочь, которую все целуют (кран); У батюшки весится, у матушки светится, как сойдутся, так и сошлѣпнутся (колодец и ведро).*

К данной группе также можно отнести так называемые космогонические загадки, энигматом (загаданным объектом) которых служат явления в наивысшей степени «неосвоенного» и обладающего властью над человеческой жизнью.

(7) *Ένας δέντρας μέ δώδεκα κλωνάρια, του κάθε κλωνάρ' εχ' απο τριάντα φύλλα, του κάθε φύλλου από τ'ν μια μεριά είναι άσπρου, από τ'ν αλλ' μαύρου (ο χρόνος, οι μήνες και οι μέρες). / Стоит дуб: на дубу двенадцать ветвей, на каждой ветке по четыре отростка, на каждом отростке по семи прутьев (год, месяцы, недели).*

2 Загадки, в которых метафоризация основывается на различных образах, обусловленных различиями в языковых картинах представителей греческой и русской языковых картин мира. Поскольку концептуальное представление в сравниваемых текстах опирается, как правило, на народные культурно-исторические традиции, вербализация установок культуры в каждом из рассмотренных языков зачастую базируется на образах, использующих реалии традиционного быта, фольклора и природы соответствующей страны, что и обуславливает национальный характер данной группы загадок, отражение в них некоторых черт менталитета народа-носителя языка.

Например, энигмат *яйцо* в русском языке закодирован посредством энигматора *тулуп* – традиционной зимней русской одежды, а в греческом языке

образом скрытого сравнения служит бочка с двумя видами вина – национального греческого напитка.

(8) *Беленький тулупчик шит без рубчик (яйцо). Έχω ένα βαρελάκι κι έχει δυο λογίων κρασάκι (αυγό).* – У меня есть бочка с двумя видами вина.

Другой пример связан с традиционным русским блюдом, который метафорически описывает *зонт* в русском языке, в то время как в греческом языке этот же денотат зашифрован посредством образа *церкви*, который мы встречаем и во многих других текстах данного жанра.

(9) *С виду клин, развернешь – блин (зонт). Εκκλησία θολωτή ένας στύλος την κρατεί (η ομπρέλα).* – Влажная церковь держится на одном столпе.

Несмотря на то, что христианские образы не редкость и в текстах русских народных загадок, в греческом фольклоре они приобретают особое значение. Так, существует целый комплекс загадок с заместительными номинациями *монахов/монашек (καλόγερος)*.

(10) *Χίλιοι μύκροι καλόγεροι σ' ένα ράσο τυλιγμένοι. Τι είναι; (Το ρόδι)* – Тысячи маленьких монахов завернуты в одну рясу (гранат).

Метафоризация *граната* в русской народной традиции связана с *печью* – неотъемлемым предметом быта русского народа. *Маленькая печка с красными угольками*.

В то же время в русском фольклоре мы встречаем целый комплекс загадок, метафорическая модель которых представлена образом *девушки*, с преобладанием устойчивого эпитета *красная девица*:

(11) *Красная девица в окошко глядится (солнце); Красная девица росла в темнице, люди в руки брали, косы срывали (лук); Красная девица, и всяк ее боится: и царь, и царица (смерть) и др.*

3 Загадки, денотатами которых являются реалии, уникальные для каждой из рассматриваемых нами культур. В качестве закодированных энигматов данной группы выступают элементы этнографической действительности, в первую очередь те ее составляющие, которые носят

характер организованных систем – со своими кодами, своей семантикой, своими структурами и особенностями функционирования.

Наиболее часто упоминаемые реалии относятся к предметам обихода, национальным костюмам, блюдам национальной кухни. Так, энигматы следующих русских народных загадок обозначают предметы, специфичные именно для русской культуры и редко встречающиеся у других народов:

(12) *Стоит Петруха – соломенное брюхо (гумно или лапоть). Горбатый кот бабе плечи трёт (коромысло). Стоит мужик на берегу, воду льет за реку (самовар).*

Отгадки же ряда греческих народных загадок представляют трудность при переводе на русский язык, поскольку являются этнокультурными греческими реалиями:

(13) *Ψηλός ψηλός καλόγερος και πίτα το κεφάλι (φουρνέφτριγιο). – Высокий, высокий монах с лепешкой на голове.*

Отгадка – предмет из дерева, который использовали для того, чтобы вынимать из печи лепешки.

Таким образом, результаты проведенного исследования позволяют утверждать, что выбор объектов и оснований метафоризации загадываемого денотата зависит от обиходно-культурного опыта членов определенного языкового коллектива, вследствие чего представления о носителях того или иного качества в разных языках зачастую не совпадают. Национальная языковая картина мира каждого народа оказывается в тесной взаимосвязи и с основными темами, которым посвящены загадки конкретного этноса, и с лингвистическими особенностями репрезентации самого денотата. Изучение метафорических загадок позволяет описать фольклорный фрагмент языковой картины мира греческого и русского народов и рассмотреть особенности их мировосприятия.

Список литературы

1. *Апресян, Ю. Д.* Избранные труды. В 2 т. Том 2: Интегральное описание языка и системная лексикография. [Текст] / Юрий Дереникович Апресян. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1995. – 767 с. – 3000 экз. – ISBN 5-88766-045-7.
2. *Журинский, А. Н.* Семантическая структура загадки : Неметафорическое преобразование смысла [Текст] / А. Н. Журинский / Отв. ред. Н. В. Охотина. – М. : Наука, 1989. – 126 с. – 5450 экз. – ISBN 5-02-010964-9.
3. *Катермина, В. В.* Лингвокультурологический аспект русских загадок с компонентом «имя собственное» [Текст] / Вероника Викторовна Катермина // Русский язык за рубежом : уч.-метод. ил. журн. – 2014. – № 6. – С. 79-84. – ISSN : 0131-615X.

Список источников примеров

4. *Митрофанова, В. В.* Русские народные загадки / АН СССР ; Ин-т рус. лит. Пушкинский дом / [Текст] / В. В. Митрофанова. – Л. : Наука, Ленингр. отделение, 1978. – 180 с. – 10000 экз. – ISBN отсутствует.
5. *Рыбникова, М. А.* Загадки [Текст] / М. А. Рыбникова. – М. ; Л. : Academia, 1932. – 488 с. – [2] с.: портр, 1 л. фронт. ил.; – 5000 экз. – ISBN 200001093753.
6. *Χατζητάκη-Καψωμένου, Χ.* Θησαυρός Νεοελληνικών αινιγμάτων. 3-τη έκδοση. – Ηρακλείο. – 2004. – Σ. 716.

А. Э. Мирзаханова

ФГБОУ ВО «Пятигорский
государственный университет»,
г. Пятигорск
e-mail: *nadya_m1763@yahoo.com*

A. E. Mirzakhanova

Pyatigorsk State University,
Pyatigorsk

К вопросу о средствах выражения эвиденциальности

В статье рассматриваются понятие «эвиденциальности» и средства выражения эвиденциальной семантики в типологически разных языках.

Ключевые слова: *эвиденциальность, перфект, конъюнктив.*

This article deals with the concept of evidentiality and linguistic means of evidential semantics in typologically different languages.

Keywords: *evidentiality, perfect, subjunctive*

В некоторых языках сообщаемая информация может быть маркирована как источник косвенного характера. Маркировка может быть факультативной или обязательной. Возможна также маркировка прямого высказывания, когда говорящий является очевидцем событий, о которых он сообщает. В оппозиции прямое – косвенное свидетельство может быть маркирован либо первый, либо второй член оппозиции. Совокупность лексико-грамматических значений, передаваемых разными языковыми средствами, служащими для эксплицитной маркировки источника информации относительно сообщаемой ситуации называется эвиденциальностью.

В лингвистической энциклопедии нет определения для эвиденциальности, но встречаются синонимичные данному понятию обозначения: пересказывательность (высказывание, основанное на сообщении другого лица) – непересказывательность (болгарский язык); очевидность – неочевидность или заглазность (арчинский язык); засвидетельствованность – незасвидетельствованность; прямое – косвенное свидетельство; имперцептив, аудитив, дистантность, инферрентив или инференциальное, основанное на сделанном умозаключении, – неинференциальное, адмиратив и др. [1: 92-93].

Понятие эвиденциальности формируется при исследовании индейских языков Америки. Американский этнолингвист Ф. Боас обратил внимание на

важность для некоторых индейских языков указания на источник информации. Термин «эвиденциальность» в его современном понимании он впервые употребил в 1947 году [7: 43]. Через десять лет об этом писал Э. Сепир. Впервые понятие «эвиденциальности» как обязательной грамматической категории в некоторых языках вводит Р. Якобсон в своей работе «Шифтеры, глагольные категории и русский глагол». Он первый выделяет наклонение и эвиденциальность как две независимые категории, и термин получает дальнейшее распространение [6: 113-121]. В 80-е годы двадцатого века проводится первая конференция в Беркли по исследованию явления эвиденциальности в разных языках. Актуальность обсуждаемой проблемы подтверждается дальнейшими разработками, представленными в конференциях и симпозиумах. В 1997 году впервые широко обсуждается проблема эвиденциальности в тюркских, иранских, самодийских и прочих сопредельных языках на симпозиуме в Стамбуле. Эвиденциальность продолжает оставаться актуальной и в современных исследованиях по кавказским, тюркским, финно-угорским и южно-славянским языкам.

Понятие «эвиденциальность» охватывает достаточно широкий спектр явлений. Такие языки, как кавказские, тюркские, финно-угорские, болгарский, имеют в своем распоряжении специальные грамматические средства маркировки косвенного или прямого характера высказывания. В германских языках, таких как немецкий, английский, шведский, норвежский и датский, а также в русском языке, который относится к славянской группе, эти значения чаще всего передаются лексически или могут совмещаться с другими грамматическими категориями.

Выделяют следующие семантические подтипы эвиденциальности: в зависимости от непосредственного или опосредованного получения информации различают прямое или косвенное свидетельство. Прямое свидетельство подразумевает непосредственный доступ говорящего как очевидца к сообщаемой информации. Косвенное свидетельство предполагает, что говорящий не был очевидцем и сообщаемая информация получена им

иными способами. В случае прямого свидетельства информация может быть получена путём чувственного восприятия, например, зрительного (*Ich habe gesehen, dass ...; ich habe gelesen, dass ...*) или слухового (*Ich habe gehört, dass ...; mir wurde gesagt, dass ...*), или на основе общих ощущений. В этих случаях говорят о визуальной и аудитивной засвидетельствованности, а также о прочих сенсорных свидетельствах [5]. Случаи косвенного свидетельства, когда говорящий не был очевидцем ситуации, но может сделать предположение или высказать свои догадки на основе имеющихся косвенных признаков или свидетельств, позволяющих делать логические выводы (*Ich komme zum Schluss, dass ...*), получили название инференциальности. Значение инференциальности в некоторых языках может далее дифференцироваться и передаваться как вывод, сделанный на основе зримых вещественных свидетельств, и как вывод, основанный на интуиции, мыслительной деятельности. Другая возможность косвенного свидетельства – это сообщение-пересказ с чужих слов. И в этом случае возможны дифференциации относительно того получена ли информация от человека-очевидца или есть еще промежуточные инстанции.

Существуют разные средства для выражения спектра значений эвиденциальности. В языках с грамматикализованной эвиденциальностью выделяют грамматические, лексико-синтаксические и лексические средства. В языках американских индейцев, в африканских, син-тибетских, в болгарском и албанском языках (пересказывательное наклонение), в уральских языках (абсентив), в таджикском и арчинском языках (заглазное наклонение) существуют специфические морфемы, которые указывают на источник информации, которую сообщает говорящий [1: 92-104].

Лексико-синтаксические средства представлены, например, в языке руанда: придаточное изъяснительное предложение присоединяется к главному с помощью союзов, указывающих на то, относится ли говорящий к истинности высказываемой информации нейтрально (союз *ko*), имеет ли говорящий прямые свидетельства, заставляющие его сомневаться в истинности высказываемой

информации (союз ngo), имеет ли говорящий косвенные свидетельства о возможной ложности сообщаемой информации (союз kongo) [1: 96].

К лексическим средствам относят вводные обороты, например, русском языке: *Говорят, ...; как мне стало известно, ...*; сложноподчинённые предложения с модусным глаголом: *Говорят, что ...*; частицы, восходящие к глаголам сообщения и выражающие сомнение: *де, мол, якобы, дескать*. Обстоятельства, указывающие на косвенное свидетельство: *очевидно, по-видимому*, в русском, *reportedly – как сообщается, allegedly – ссылаясь на, evidently – очевидно, apparently – по-видимому*, в английском, *angeblich-дескать, якобы, vorgeblich – якобы, augenscheinlich – по-видимому*. Модальные слова в узбекском языке – *экан, эмиш*: «У келган экан», что соответствует «Он пришёл говорят». Конструкции с модальными глаголами в немецком: *sie soll überall herumgekommen sein – она говорят везде побывала; er will es nicht gewusst haben – он утверждает, что не знал этого*.

К синтаксическим средствам относят сложноподчинённые предложения с придаточными дополнительными, по типу: *говорят, что ...; mir wurde gesagt, dass ...; ich habe gelesen, dass*

Совмещённые формы: грамматический статус эвиденциальных форм зависит от морфологической системы языка. В языке, где возможно различать прямое и косвенное повествование, как, например, в болгарском, говорят об эвиденциальном наклонении. Указание на источник информации может быть совмещено с видо-временными значениями парадигмы индикатива. Так, формы сферы прошедшего, аорист, имперфект, перфект, плюсквамперфект могут передавать дополнительно значения эвиденциальности. В болгарском, македонском и турецком маркируются прямые свидетельства и используется форма аориста, как форма прошедшего определённого. А форма перфекта, как форма неопределённого прошедшего может маркировать как прямые, так и косвенные свидетельства. Так, в турецком языке форма аориста, форма на –di, используется для маркировки прямой эвиденциальности, а форма перфекта, форма на –miş, для косвенной, хотя и не всегда последовательно. Согласно

исследованиям Н. А. Козинцевой, эта форма совмещает в турецком языке результативное и пересказывающее значения: *Yorul – miş – im = Устать – RES – ISG – «Я устал» – передаётся результативное значение [3: 97]. А в предложении: Uyu – miş – im = Спать – EV – ISG – «Я, должно быть, заснул» – передаётся пересказывательное значение [1: 97].* Говорящий делает вывод о прошедшем действии на основе каких-либо признаков в настоящем. Глаголам чувственного восприятия характерна прямая эвиденциальность, а глаголам речи – пересказанная, формы, передающие информацию на основе логически сделанного вывода, образованы от перфектных форм или от глаголов зрительного восприятия. Эта общая тенденция характерна для многих языков. Формы перфекта и косвенной эвиденциальности семантически близки, поскольку они передают прошлое действие, не данное в непосредственном восприятии. Возможность перфектных форм соединять два плана в своей семантике, прошедшее действие, завершившееся до момента речи и значение результата в настоящем, позволяет акцентировать разные планы этой двойственности. И тогда при акценте на прошедшем действии, рассматриваемом в своих последствиях, актуальных для настоящего, форма акционального перфекта может быть синонимичной простому прошедшему и приобретать характеристику повествовательного времени [3: 196]. А формы со значением пересказывательности могут использоваться в повествовательном контексте. Возможность в определённых случаях опускать вспомогательный глагол в перфекте и способность причастия прошедшего времени в самостоятельном употреблении передавать последовательные события являются предпосылкой развития значений косвенной эвиденциальности на материале перфектных форм. Использование перфектных форм является типичным способом для выражения значений эвиденциальности в тюркских, иранских, балто-славянских, финно-угорских языках [1: 3].

Значение эвиденциальности многие лингвисты связывают с формами статального перфекта, передающего значение состояния, вызванного действием в прошлом, на основании признака прошлого действия не данного в его

непосредственном восприятии. Значение эвиденциальности может развиваться на базе результативности, при передаче действия известного с чужих слов или на основе логического вывода по наличным следам.

Эвиденциальность может быть связана и с формами акционального перфекта. Немецкие конструкции с модальными глаголами *sollen* и *wollen* имеют значение высказывания на основе чужого опыта. *Sie soll überall herumgekommen sein* означает «Она, говорят, везде побывала», а это же высказывание с глаголом «*wollen*» означает: «Она утверждает, что везде побывала». В конструкциях с модальным глаголом *wollen* субъект свидетельства совпадает с субъектом действия, а в конструкциях с модальным глаголом *sollen* субъект свидетельства и действия не совпадают. Это модальность косвенного свидетельства, «имперцептив», возникающая и существующая обычно на основе формы перфекта. Немецкий язык имеет эту модальность в качестве одного из созначений регулярного перфекта. Оно не настолько противопоставлено основному значению, чтобы его можно было выделять как отдельную категорию. За пределами германского ареала перфект часто становится базой эвиденциальности или имперцептивной модальности [2: 76-93]. Германским языкам такое объединение модальности и времени чуждо.

Немецкие образования типа *muss/dürfte* + Part. II + *haben/sein* используются для выражения предположения, сомнения. Они относятся к косвенной речи, маркированной лексически. Немецкий язык имеет грамматическую категорию косвенной речи, маркированную внутри конъюктива парными формами презентными и претеритальными, и связанную с чисто относительным временным значением: *Er meinte, er könne/könnte das schaffen.* – «Он сказал, что, пожалуй, справится». Наряду с этим в немецком имеются лексико-синтаксические средства для презумптива: *Er muss/dürfte das wissen/gewusst haben.* Есть и средства для выражения имперцептивности: *Er soll/will ihn dort gesehen haben.* Но немецкий язык не развил категориального имперцептива. Косвенная речь отличается от имперцептива: косвенная речь – это передача чужих слов с маркировкой своей речи как чужой, а имперцептив –

это собственная речь, но с маркировкой чужого источника информации или данных опыта [2: 88; 3: 249]. В таких языках как болгарский эти сущности различены, а в немецком нет.

Следует отметить специфическую модализацию перфекта как формы реконструкции прошлого события по следам, то есть «инферентива» [2: 88-90], одного из вариантов презумптивной модальности, характерной скандинавским языкам, но в наиболее чистом виде реализованной в шведском языке. В шведском языке перфект не употребляется с обстоятельствами длительности, кроме особых случаев, когда упоминается предположение, ссылка на чужое высказывание или свидетельство в пользу факта. Перфект в шведском обязателен, если утверждение о прошедшем событии делается на основе наличных признаков, следов события в настоящем. Перфект возможен в том смысле, что на момент говорения имеются следы или предположения, или допускается ссылка на наличные источники, или мыслительную реконструкцию предшествовавшего действия. Модализация перфектной формы обусловлена возможностью сдвига перфектного значения, который заложен в двойственном временном признаке самой перфектной формы [4: 209-210]. Эволюция перфектных форм может развиваться в направлении пересказывательного наклонения.

Список литературы

1. *Козинцева, Н. А.* Категория эвиденциальности (проблема типологического анализа) [Текст] / Н. А. Козинцева. – Вопросы языкознания. – 1994. – № 3. С. 92-104.
2. *Литвинов, В. П.* Типологический метод в лингвистической семантике [Текст] / В. П. Литвинов. – Ростов-на Дону : Изд-во Ростовского ун-та, 1986. – 165 с.
3. *Теория функциональной грамматики* : Введение. Временная локализованность. Таксис [Текст]. – Л.: Наука, 1987. – 348 с.
4. *Мирзаханова А. Э.* Прошедшие времена перфект и претерит в германских языках : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 [Текст] / А. Э. Мирзаханова. – Пятигорск, 2000. – 216 с.
5. *Плунгян, В. А.* Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. – М. : РГГУ, 2011.

А. П. Нарчук

УО «Гомельский государственный университет
им. Франциска Скорины», г. Гомель
e-mail: *anarchuk@tut.by*

A. P. Narchuk

Francisk Scorina
Gomel State University,
Gomel

Графема «Эсцет» (ß) в немецком языке: тенденции развития

В статье затрагиваются проблемные вопросы, связанные с употреблением графемы ß в немецком языке. Ситуация в этой области характеризуется как сложная и запутанная. Предпринимается попытка установить происхождение графемы ß и выяснить истоки проблемы ее использования, а также дать некоторые объяснения противоречивого написания ß и ss в немецкоязычных странах.

Ключевые слова: *немецкий язык, графема, орфография, унификация правописания, языковая ситуация.*

This article deals with the problem questions caused by the usage of the grapheme ß in the German language. The situation in this sphere is characterized as complicated and confusing. In the proposed article an attempt has been to find out the origin of the grapheme ß and to determine the nature of the existing usage problem. The article also gives some explanations for the contradictory ways of writing ß and ss in various German-speaking countries.

Key words: *German language, grapheme, orthography, unification of spelling, language situation.*

Основы системы орфографии немецкого языка закладывались в условиях многовекового исторического развития. Еще в работах классиков советского языкознания отмечалось, что к началу письменной традиции она характеризовалась отсутствием единой орфографической нормы и представляла собой пеструю письменную практику, применяемую в различных монастырских центрах. Немецкая орфография того времени базировалась на переносе на германскую почву графических знаков латинского языка, которые зачастую входили в противоречие с древними германскими звуками, что вызывало многочисленные колебания при их отображении на письме. В связи с этим внутри орфографической системы немецкого языка рождались знаки и элементы, компенсирующие эти противоречия уже на базе германского [1: 112; 3: 18-19].

В этом смысле особый интерес вызывает лигатура ß (эсцет, от немецкого *Eszett*), известная также как «S острое» (*scharfes S*), демонстрирующая сегодня

орфографическую специфику, отличающую немецкий язык от других германских языков. Несмотря на то, что вследствие реформы орфографии 2006 года в Германии «сфера» употребления знака β в литературном немецком языке значительно сузилась, он имеет огромное значение для формирования орфографической и фонетической грамотности учащихся. Отсутствие единого подхода к его употреблению на территории стран, где используется немецкий язык, усложняет восприятие данного явления, а написание слов с β , s и ss часто вводит в заблуждение, поскольку в фонетическом оформлении эти орфографические символы звучат как глухой согласный звук [s]. Например: *der Schoß – der Schoss, bläss – die Blässmusik, die Maße – die Masse* и т. д.

Процессы, связанные с возникновением и функционированием β , уходят далеко в историческое прошлое. В. М. Жирмунский [1: 121-122] утверждает, что в древневерхненемецком (далее – двн.) языке различались два типа звука [s], обозначаемые разными буквами: древнее германское (или индоевропейское) s (*slahan, scriban*) и верхненемецкое z , возникшее из германского t по закону второго передвижения согласных $t \rightarrow z$ (*dat – daz, water – wazzar*). Учёный предполагает, что такое дифференцированное написание должно было, по-видимому, различать произношение двух близких по артикуляции звуков. Древнегерманское s имело в двн. языке близкое к шипящему [s] «шепелявое», как выражается В. М. Жирмунский, произношение, тогда как z произносилось как современное свистящее [s]. Данная гипотеза о шепелявом произношении древневерхненемецкого s подтверждается его похожим отражением как звук [ž] (ж) в словах, заимствованных в этот период славянскими языками из немецкого: польск. *żegnać* (*segnen*), бел. *ружа* (*Rose*). О том же свидетельствует дальнейшая трансформация старого «шепелявого» [s] в начале слова перед некоторыми согласными в звук [ʃ]: *stehen, spielen, Schmerz, schwer*.

Знак z постепенно вводится в этот период в грамматических справочниках для обозначения свистящего [s] и получает название «хвостатое z » (*heizzan, lazzan*). Однако в орфографии двн. текстов указанное фонетическое

различие между шепелявым [s] и свистящим [s̥] еще не фиксируется, а знаки s и z, а также примыкающее к ним z, в практике написания еще часто смешиваются – во всех случаях пишется z:

(1) *Phol ende Uuodan vuorun zi holza, du uuart demo Balderes volon sin vuoz birenkit* (*Fol und Wotan fahren zu Holze, da ward Balders Fohlen sein Fuß verrenkt*) [5: 30-31].

В средневерхненемецком языке дифференциация в произношении s и z усиливается. К середине XIII ст. буква s произносится в начале слова перед гласными и между гласными как звонкий звук [z]. Знак z применяется исключительно для передачи глухого [s]. Например: свн. *s̄unde, nase; mezzen, müezen*. К середине XIV ст. в этой области уже происходят значительные изменения. Германское «шепелявое» [s] переходит в начале слова в сочетаниях *sl, sm, sn, sw, st, sp* в звук [ʃ]: *sleht – schlecht, smecken – schmecken, snuor – Schnur, swigen – schweigen, stat – Stadt, spise – Speise*. Окончательно завершается переход [s] в звонкое [z] перед гласными в начале и середине слова.

Верхненемецкое «хвостатое» z в этот период развития совпало по произношению с германским s: *ist – izt, hast – Haz* и т. д. При этом вместо удвоенного *zz* как графический вариант *ss* начинает употребляться знак *ß*, достаточно часто также вместо одинарного z. Например:

(2) *Also bestuend es biß an den Freitag. Da kamen die 60 mann zu den vom rat aufs hauß in die groß stuben* [4: 127].

В односложных словах типа *daz, waz, ez* и т. д. конечное z заменено на s: *das, was, es*, поскольку этому не препятствовало наличие двусложной формы косвенного падежа, где простое s произносилось бы перед гласным как [z].

Сама графема *ß* возникла из соединения двух букв готического шрифта *f* и *z* (*ß*), который был изобретен как вид латинского письма в XI ст. При этом второй элемент лигатуры *z* как бы восходит к верхненемецкому «хвостатому» z, что и позволило присвоить всему знаку по названиям двух составляющих имя «эсцет» (*Eszett*). В древних текстах часто встречается ее написание обычным шрифтом в виде *sz*: *driszig (dreißig), grosz (groß), sluszel (Schlüssel), wiszentheit*

(*Wissenheit*) [4: 121-123].

Таким образом, *ß* вводилось в целях упорядочивания написания при передаче глухого [*s*] и звонкого [*z*] (*Muße – Muse, Buße – Busse*). Употребление *ß* вместо *ss* до реформы 2006 года определялось расположением в слове в соответствии с принципами правописания И. Аделунга: после долгого гласного или дифтонга – во всех положениях, и после краткого гласного – в конце слова и перед согласным. После реформы 2006 года употребление буквы *ß* в целях упрощения правописания было ограничено, и она стала применяться лишь после долгих гласных и дифтонгов, но после кратких гласных, где изначально писалось *ß*, уже ставилось заменяющее удвоенное *ss*: *die Flöße – die Flosse, groß – blass*. Считается, что это правило современного немецкого правописания более точно учитывает сущность знака *ß*, так как он не только передает глухой звук *s*, но и маркирует долготу предыдущего гласного. Здесь как раз и возникают языковые ситуации, приводящие к орфографической несогласованности. Одно и то же слово может произноситься в зависимости от региона как с кратким гласным, так и с долгим. Ярким примером этого является существительное *die Maß (Flüssigkeitsmaß)*. Стандартным считается его написание через *ß*, поскольку *ß* предшествует долгий гласный [*ā*]. Но, например, в баварском диалекте в этом слове принято произносить краткий гласный, следовательно, его написание будет выглядеть как *die Mäss*. Противоположная картина наблюдается с употреблением глагольной формы *müß*. В то время как на севере Германии применяется стандартное написание через *ss* после краткого [*ÿ*], в Австрии мы здесь видим вариант *müß*, так как предшествующий гласный *u* в этом слове у австрийцев долгий.

Различные варианты написания *ß* и *ss* явились результатом попыток унификации немецкого правописания, которые были предприняты в свое время немецкими филологами И. Аделунгом и К. Вайнгольдом. И. Аделунг ввел в качестве основного принципа написания ориентацию на звучание: «пиши, как ты говоришь». Представитель исторического принципа К. Вайнгольд, в отличие от И. Аделунга, защищал постулат: «пиши, как этого требует историческое

развитие нововерхненемецкого», т. е. написание должно было осуществляться по образцу прежних этапов развития орфографической системы [2]. Как результат этого, на протяжении определенного времени в немецком языке допускались достаточно противоречивые варианты передачи на письме глухого [s] и звонкого [z]. Например:

(3) <...> ffyleicht hat man den armen leuthen, zu ßolcher auffrurhe vrsache geben vnd ßunderlichen mit vorbittung des wort gotes ßo werden dye armen In ffylwege von vnz wertlichen vnd gaystlichen oberkaiithen beschwerd got wend ßeyn zcorn von vnß wyl eß got allßo haben ßo wird eß allßo hyn auß gehen, das der gemayn man Regiren ßal [4: 134-135].

Постоянные научные споры между «фонетистами» и «историками», переносимые время от времени на административный уровень, порождали в отношении написания *ß* и *ss* практические рекомендации, которые, в конечном итоге, вызвали обратный эффект. Вместо ожидаемого реформаторами сокращения случаев употребления *ß* и увеличения написания *ss*, а также уменьшения ошибок при их выборе, в некоторых немецкоязычных странах и регионах возникли языковые ситуации, которые Б. Зик описывает следующим образом:

(4) *Rund 4,7 Millionen Menschen zwischen Basel, Bern und Chur brauchen sich über das ß nicht den Kopf zu zerbrechen – im Land der Bankschließfächer und der Präzisionsuhren kommt der unbequeme Buchstabe seit den dreißiger Jahren nicht mehr vor. Manche pfeifen auf die Rechtschreibreform und setzen das ß auch dort noch, wo es gemäß den neuen Regeln nicht mehr hingehört. Andere wiederum glauben, das ß sei mit der Rechtschreibreform komplett abgeschafft worden* [6: 174].

Такое состояние наглядно демонстрируется следующим примером из швейцарской газеты «Zeit-Fragen»:

(5) *Inge Rauscher abschliessend: „Dabei soll die Briefwahl noch ausgeweitet werden, ... wie Ministerialrat Magister Robert Stein nach der Wahl anklingen liess: Wie in anderen EU-Staaten soll auch die Zahl der Wahllokale in Österreich zentralisiert, das heisst reduziert werden, so dass dadurch automatisch die*

Briefwahlstimmen steigen werden und sollen! Alle gelernten Österreicher können daraus nur den Schluss ziehen: Wir fordern die Abschaffung der Briefwahl, bevor es zu spät ist!“ [7: 3].

Мы видим, как в проблеме современного употребления β сфокусировались многовековые дискуссии относительно немецкого правописания в целом, когда принимались компромиссные решения, допускавшие переходные периоды использования старых правил во время введения новых. Тем самым новое правописание не только не решило прежние орфографические проблемы, но и создало новые трудности, которые необходимо учитывать в современной практике преподавания немецкого языка.

Список литературы

1. *Жирмунский, В. М.* История немецкого языка [Текст] / В. М. Жирмунский. – М.: Высшая школа, 1965. – 408 с. 2. *Морген, Н.* Современная немецкая орфография: проблемы и решения: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04 [Электронный ресурс] / Надия Морген. – Режим доступа: <http://cheloveknauka.com/sovremennaya-nemetskaya-orfografiya-problemy-i-resheniya> 3. *Филичева, Н. И.* История немецкого языка: учеб. пособие для студентов филол. и лингв. факультетов высших учебных заведений [Текст] / Н. И. Филичева. – М.: Академия, 2003. – 304 с. 4. *Чемоданов, Н. С.* Хрестоматия по истории немецкого языка [Текст] / Н. С. Чемоданов. – М.: Высшая школа, 1978. – 288 с. 5. *Bender, E.* Deutsches Lesebuch. Obersekunda [Текст] / Ernst Bender. – Karlsruhe: Verlag G. Braun, 1965. – 271 S. 6. *Sick, B.* Der Dativ ist dem Genitiv sein Tod: Folge 3 [Текст] / Bastian Sick. – Köln: Verlag Kiepenheuer & Witsch, 2007. – 272 S. 7. *Van der Bellen will EU-Hörigkeit zum Dogma erheben und sich über demokratische Entscheidungen stellen* [Text] // Zeit-Fragen. – 2016. – Nr. 13. – С. 3.

Л. Б. Николаева

Маджан колледж, Маскат (Оман)
e-mail: *larysa.nikolayeva@gmail.com*

L. B. Nikolayeva

Majan College,
Muscat

Universal Nature of A Kinship Term

*Current study explores the universal nature of the kinship term **mother**. The semantic sets of the term mentioned are compared in forty languages of ten different families. Linguistic methods and interdisciplinary approaches are used to prove/disprove the universal character of the lexical item under analysis. The study results show the influence of non-linguistic factors on word meaning.*

Key words: *typology, universallexemes, wordmeaning, extralinguisticfactors*

Данная статья посвящена универсальному характеру термина родства 'мать'. Исследование носит сопоставительный характер и проведено на материале 40 языков 10 различных семей с помощью как лингвистических так и междисциплинарных методов анализа. Результаты исследования демонстрируют влияние экстралингвистических факторов на значение слова.

Ключевые слова: *типология, универсальные лексемы, значение слова, экстралингвистический фактор*

1 Introduction. Lexis gives us an opportunity of multifaceted study of language that is a display of peoples' national and cultural richness, their mentality and worldview. Modern Linguistics states that different languages are not different designations of the same object but different views of it [10; 11].

This paper is about the most important word in our lives which is usually the first one all of us utter in their lives. At the same time, linguistically speaking, it is one of the brightest examples of combination of the linguistic and anthropological perspectives. The word that denominates the notion, idea, unconditionally existing in every society, connected with the beginning of life. This word is *mother*.

Numerous definitions of language meaning suggested by representatives of various linguistic schools are the reflection of different approaches to the interpretation of the idea in question. The reason of the diversity of viewpoints upon the nature of lexical word meaning is the connection between the linguistic and extralinguistic. The extralinguistic is the world around us, its objects and their qualities as well as a person with his ability to think and evaluate the reality. Linguistic factor is the language itself as a system of signs. Lexical meaning of

the word is traditionally interpreted as a set of hierarchically connected features. The hierarchy of the features is the structure of the lexical word meaning. There are various terms used to name these features: meaning components, noems, semes, semantic features. The term 'semantic features' is used in the present paper as the most widespread [10].

The anthropocentric bent of linguistics determines the interdisciplinary approach to language study. Each language has a restricted group of words to describe people in family relationships. Being part of any language vocabulary they are a linguistic phenomenon, and so their peculiarities are determined by the language inner rules.

Kinship terms are lexical items that are used to designate the way in which people are related to one another in terms of blood ties, marriage and adoption. There is no strict and generally accepted name for kin words as a lexical element with the traditional *-onym* formant. Kin words in their own right are the specialized vocabulary of a field, thenomenclature. They have specific definitions within the field, which is not necessarily the same as their meaning in common use. Rules of kinship terms grouping in each language cannot be explained through linguistic factors only as they are the reflection of particular social institutions. The structure of these institutions can vary immensely from people to people. This is one of the reasons why a researcher should abstain from the system he belongs to. Only in such a case the results of the semantic description and comparison can be truthful and correct.

2 Material and Method. The paper is devoted to the analysis of one kinship term (*mother*) in 40 different languages to prove/disprove its universal character. The lexical item under study allows us to trace back the influence of extralinguistic factors on purely linguistic grounds. The term *mother* is one of the basic kinship terms (together with *father*) and presents the core of the kinship paradigm. The two lexemes mentioned above are connected with the idea of the beginning of life. Other evidences of their belonging to the paradigmatic center are their structural and semantic simplicity. It means that the items under analysis are root words lacking any affixes

and their semantic sets include a small amount of differentiating features. Besides they are polysemantic[9].

The term *mother* was analyzed in 40 languages of 10 different families. Such a quantity allows us to draw typologically relevant conclusions concerning the lexeme in question. *I. Indo-European languages:* 1) Slavonic languages: Russian, Ukrainian; 2) Germanic languages: English, German; 3) Romance languages: French, Spanish; 4) Iranian languages: Ossetic; 5) Indo-Aryan: Hindi. *II. Altaic languages:* 1) Turkic languages: Turkish, Bashkir, Gagauz; 2) Mongolian languages: Mongolian, Kalmyk; 3) Tungusic languages: Even, Evenki. *III. Semitic languages:* Arabic. *IV. Language isolates:* Japanese, Korean. *V. Sino-Tibetan languages:* 1) Chinese. *VI. Austronesian languages:* Indonesian languages: Malagasy, Tagalog; 2) Oceanic languages: Rapanui, Hawaiian, Maori, Tahitian. *VII. Australian languages:* Alyawarra, Djingili, Waalubal, Jaralde. *VIII. Amerindian languages:* Chipewyan, Ojibwa, Wiyot, Kri, Yurok. *IX. Niger-Congo:* Ashanti, Fanti, Bamana, Tura. *X. Paleoasian languages:* Nivkh, Yukaghir.

So 10 different families – 10 different world views. Different to what extent? How different can one expect the words *mother* and *father* to be? Starting from the simplest level, structure, we can say that as core items of any language vocabulary they are mostly root words. When it comes to semantics here go along culture, ethnography, anthropology and social organization.

Various social institutions determine amount of lexemes in the language group and number of senses that constitute the meaning of each of them. The best example of this can be the number of terms in Chinese (about 100) and in Fanti (6) for the same levels of kin relationships.

We are used to the idea of a family structure we have in our own culture and, if we do not do a special research in the field, we will be surprised to know that there are peoples whose traditional relations within a family can seem absolutely unacceptable for us. For example, in Nivkh there is one lexical item designating father and his elder brothers. The question that arises is: What is the cultural background of this phenomenon? Family structure, inner rules and regulations of which makes

acceptable sexual contacts of the wife and her husband's elder brothers. That is why a child might not know who exactly his father is. The languages reflect this situation clearly: there is a term for father and his elder brother and another one for father's younger brothers.

The research on the difference of this kind between as many languages of the world as possible is extremely interesting. Typological linguistics has a number of methods, approaches and procedures that enable a researcher to work with quite a number of languages investigating their peculiarities and presenting substantial results.

It is well known that the dimension of any typological research (typological similarity or difference) is universals. It causes the question whether there are any lexemes in the languages of the world that could be classified as universal ones or not. Linguists distinguish between such kinds of universals as *absolute* and *statistical*. Absolute universals apply to every known language and are quite few in number. A statistical universal applies to languages with a particular feature that is always accompanied by another feature.

There exist two well known attempts of making a list of universal lexemes in linguistics. The first one belongs to M. Swadesh, and is a prescribed list of basic vocabulary consisting of 207 items. It is a list of common words, that are essential to most languages and may be used in attempting basic communication in other languages since, for basic communication, vocabulary is more important than knowledge of the target language syntax.

Another attempt is found in work carried out by A. Wierzbicka who postulates the existence of 60 Semantic Primitives or *primes*. Her theory, which was inspired by the works of Leibniz and touches upon the relation between language and thought, was first set out in detail in 1972 in her work "Semantic Primitives". It was among the first serious attempts to establish a semantic explanation for the connection between the meaning of words in human language and human thought processes. Through analytical work she produced a list of words that had the status of "Semantic Primitives", in reference to their basic simplicity and fundamental position in the

relation between thought and language [8]. C. Goddard states that some of Swadesh's lexemes can be found in Wierzbicka's list [6]. After having checked it on the material of seven different languages he draws a conclusion on the possibility to acknowledge the universal character of the items in question. One of them is lexeme *mother*.

3 The Present Study. This study is carried out with the help of *Componential Analysis* (CA) and it involves the elements from both cultural and anthropological approaches. CA is a linguistic analysis of the semantic structure of a word (a monosemantic word or a lexico-semantic variant of a polysemantic unit) as constituted by a set of minimal elements of sense – semes or semantic features. A seme is a minimal unit of sense, an atom of lexical semantics distinguished on the basis of oppositions through CA. A seme is not expressed in a word in any material unit but it is revealed and singled out through interrelations of the word with other words on the paradigmatic and syntagmatic levels. Lexical decomposition is an alternative term for Componential Analysis [5].

The main point of the CA is singling out components, combination of which constitute the meaning of the word [1]. The way of doing it is determined by the idea of the systematic organization of the material chosen for the analysis. This way is based on the idea of pairwise comparison.

Since a professed goal of modern linguists is to characterize the class of possible human languages in as narrow a way as possible, the core of this goal is to try to characterize the class of possible word meanings of natural languages in as narrow a way as possible. Linguists have traditionally viewed decomposition analyses as a step towards this goal, as decomposition analysis is supposed to reveal a universal set of fundamental "units of meaning". A constructional view of word meanings leads to the viewpoint that a possible word meaning is anything that can be constructed out of these fundamental units by some specified method of putting them together [4].

The meaning of kinship terms is analyzed from the viewpoint of their seme sets. All the semes of a word are subdivided to and dependent on each other and have integrating and differentiating characteristics. Each next seme makes the previous one

more precise thereby restricting the meaning of the lexical item in question. This quality of semes helps in the differentiation of one lexeme from another.

While analyzing kinship terms one should pay special attention to the cultural and ethnical peculiarities of peoples speaking the language investigated. These very components are the extralinguistic factors influencing the formation of meaningful part of the words. The basic components of the words' semantics are to be found on the proto-cultural level that determines regularities of the development of lexical meanings within particular language cultures [3]. Besides, a linguist should abstract one's mind from the system he is used to as words corresponding to each other in different languages are rarely fully equivalent [2].

The approach to de-composing kinship terms was worked out by the ethnographer

A. Kroeber [7:20-21] long before linguists started using it. He singled out eight universal (to his mind) features for all kinship terms.

The basic differentiating semantic features of the word *mother* are:

(1) blood kinship, which shows the difference between relatives who have the same parents and relatives by marriage, (2) line, which can be collateral (descended from a common ancestor but through different lines) or direct (descended from a common ancestor through the same lines), (3) generation, (4) gender, which differs between male and female relatives.

So, if we take the lexeme *mother* as a universal, there should be one with the same four differentiating semantic features (blood kinship, direct line, the first line of ascent, female) in all the languages.

According to completed analysis there are four types of languages, each corresponding to an individual set of semes in the meaning of the word.

The 1st type includes 29 languages out of 40 (see Table 1). They are: Russian, Ukrainian; English, German; French, Spanish; Ossetic; Hindi; Turkish, Bashkir, Gagauz; Mongolian, Kalmyk; Even, Evenki; Arabic; Japanese, Korean; Chinese; Malagasy, Tagalog; Djingili, Waalubal; Chipewyan, Ojibwa, Wiyot, Kri, Yurok; Yukaghir. All of them have the 4 above mentioned semes.

Kinship term *mother* in languages of the first type

Language	Kinship Term
Russian	<i>мать</i>
Ukrainian	<i>мати</i>
English	<i>mother</i>
German	<i>Mutter</i>
French	<i>mere</i>
Spanish	<i>madre</i>
Ossetic	<i>мад</i>
Hindi	<i>माता</i>
Turkish	<i>anne</i>
Bashkir	<i>есеї</i>
Gagauz	<i>ана</i>
Mongolian	<i>эх</i>
Kalmyk	<i>эке</i>
Even	<i>энин</i>
Evenki	<i>энин</i>
Arabic	<i>valida</i>
Korean	<i>모</i>
Japanese	<i>haha</i>
Chinese	<i>му</i>
Malagasy	<i>reny</i>
Tagalog	<i>ina</i>
Waalubal	<i>ma:mi</i>
Djingili	?
Chipewyan	<i>ene</i>
Ojibwa	<i>nin-gâ</i>
Wiyot	<i>yi-d-okar</i>
Cree	<i>ni-kâ-wiy</i>
Yurok	<i>ne-ts-eko</i>
Yukaghir	<i>ämïä</i>

The sets of differentiating semantic features of the other 11 languages under analysis lack some of these semes which prevent us from even speaking of the existence of the notion *mother* in the worldview of some peoples. The reasons for that are in the cultural background of the people. Traditions and the worldview in general formed during hundreds of years and characteristic for the particular location and culture are reflected in the meaning of each lexical item, especially the ones belonging to the core of a language vocabulary.

The 2nd type includes one language. The Niger-Congo language Fanti does not differentiate between direct and collateral lines.

Table 2

Semantics of the kinship terms in the first line of ascent of the second type

Language	Kinship term		
	Mother	Mother's sister	Father's sister
Fanti	<i>na</i>		

As we can see from the above table one and the same word is used to denote both mother and aunt. Another remarkable feature of this language is that the same lexeme is used for mother's female sibling as well as for father's female sibling.

The 3rd type includes 4 languages. The Oceanic languages in question (Rapanui, Hawaiian, Maori, Tahitian) lack both the difference between kinship lines and gender.

Table 3

Semantics of the kinship terms in the first line of ascent of the third type

Language	Kinship term					
	Mother	Mother's sister	Father's sister	Father	Mother's brother	Father's brother
Rapanui	<i>matua</i>					
Hawaiian	<i>makua</i>					
Maori	<i>matua</i>					
Tahitian	<i>metua</i>					

The table shows that there are no separate lexemes for such notions as 'father', 'mother', 'uncle' and 'aunt'. All of them are presented with the help of one word, e.g. Maori *matua* which means '(a) father, (b) mother, (c) uncle, (d) aunt'.

The 4th type includes 6 languages. There is no line feature in such Australian languages as Alywarra and Jaralde, in Niger-Congo languages Ashanti, Bamana, Tura and in Nivkh, which belongs to Paleoasian family.

Table 4

Semantics of the kinship terms in the first line of ascent of the fourth type

Language	Kinship term	
	Mother	Mother's sister
Alywarra	<i>amatja</i>	
Jaralde	<i>neŋko</i>	
Ashanti	<i>ba</i>	
Bamana	<i>laa</i>	
Tura	<i>ena</i>	
Nivkh	<i>ЫМЫК</i>	

So, in the 6 above mentioned languages the lexeme with the meaning ‘mother’ is also used to describe the notion of aunt, i.e. the mother’s sister.

4 Results. It is always important to pay attention to the peoples’ cultural life, their social organization, traditions, customs and family structure. These very components are the extralinguistic factors which influence the formation of word meaning. Absence of terms for the notion ‘mother’ in some cultures can be explained by the peculiarities of each language (e.g. the absence of the category of gender in Malagasy or special marital form by Nivkh, which is the reason for the existence of only one word for naming the mother and her sisters), which influence the individual character of semantic sets structure. All that causes striking qualitative and quantitative differences of this lexical layer of the languages in question.

The material analyzed allows us to state that existence of the kinship term ‘mother’ in all languages is only a statistical universal, which means that it can be found in most languages of the world but not obligatory all.

References

1. *Дзибель, Г.* Феномен родства [Текст] / Г. Дзибель // Алгебра родства. – СПб.: МАЭ РАН, 2001. – Вып. 6.– 469 с.
2. *Кочерган, М.* Національні семантичні асоціації та символи в контексті міжкультурної комунікації [Текст] / Михайло Кочерган // Proceedings UNESCO department Kyiv State Linguistic University. – Kyiv: Kyiv State Linguistic University. – 2000. – С. 39-45.
3. *Манакін, В.* Деякі питання контрастивної лексикології слов’янських мов [Текст] / Володимир Манакін // Мовознавство. – 2003. – № 4.– С. 26-37.
4. *Dowty, D. R.* Word Meaning and Montague Grammar [Text] / D. R. Dowty. – Holland: D. REIDEL Publishing Company, 1979. – 418 p.
5. *Fenglei, Z.* Componential Analysis Method [Text] / Z. Fenglei. – Hamburg: Hamburg University, 2002. – 21 p.
6. *Goddard, C.* Universal Units in the Lexicon [Text] / C. Goddard // Language Typology and Language Universals. – Berlin; New York: Walter de Gruyter. – 2001. – P. 1191-1203.
7. *Kroeber, A.* Classificatory Systems of Relationship [Text] / A. Kroeber // JRAI. – 1909. – Vol. 39. – 120 p.
8. *Kumsteller, H.* “Sometimes People Think Something Like This”: Anna Wierzbicka’s Semantic Primitives – An Introduction to the Theory of Semantic Indefinables [Text] / H. Kumsteller. – Berlin: Freie Universität Berlin. – 2003. – 218 p.
9. *Lakoff, G.* Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind [Text] / G. Lakoff. – Chicago: University of Chicago. – 1987. – 54 p.
10. *Langacker, R. W.* Foundations of Cognitive Grammar [Text] / R. W. Langacker. – Stanford, California: Stanford University Press, 1987. – Vol. I: Theoretical Prerequisites. – 540 p.
11. *Tamly, L.* Toward a Cognitive Semantics / L. Tamly. – Cambridge: The MIT Press, 2000. – 495 p.

М. Д. Рыжикова

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный
университет имени В. И. Вернадского»,
г. Симферополь
e-mail: *marinaryzhikova@yandex.ru*

M. D. Ryzhikova

V. I. Vernadskiy Crimean
Federal University,
Simferopol

Роль профессиональной принадлежности при реализации стратегии похвалы (на примере англоязычных рецензий на книги)

Стратегия похвалы представляется как прием аргументации, используемый в рецензиях на книги. На материале английского языка сравниваются языковые способы ее реализации в социолингвистическом аспекте (в зависимости от профессионального статуса говорящего). Определяются общие и различные средства вербализации лаудативной коммуникативной техники.

Ключевые слова: *похвала, стратегия, профессиональная принадлежность, рецензия на книгу, социолингвистика.*

The strategy of praise is presented as a way of argumentation in book reviews. English language means of its realization from the point of view of sociolinguistics are compared on the basis of the professional status of the speaker. Common and differentiating laudatory communicative techniques of verbalization are singled out.

Key words: *praise, strategy, profession, book review, sociolinguistics.*

Сопоставление средств языкового влияния в определенных социолингвистических условиях способствует выработке критериев формирования успешной коммуникации. Проблемные вопросы эффективной речевой деятельности с учетом лингвистических и экстралингвистических особенностей становятся центром внимания исследовательских разработок в области языкознания (Н. Д. Арутюнова [1], А. Д. Белова [2], Л. Е. Бессонова [3], В. И. Карасик [5]), в том числе и за последнее десятилетие (Т. В. Гулак [4], И. В. Самарина [8], В. Faber [9]). Многочисленные труды свидетельствуют об актуальности настоящего исследования.

Цель работы заключается в сравнении экспрессивной лексики, а также морфологических и синтаксических средств реализации стратегии похвалы в рецензиях на книги в зависимости от профессионального статуса говорящего.

Материалом исследования послужили 300 рецензий, содержащих положительный отзыв, размещенных на сайте www.amazon.com.

Одним из коммуникативных намерений говорящего в рецензиях на книги, которые рассматриваются как жанр лаудативного дискурса [6], является восхваление объекта. Для достижения иллокутивной цели адресант использует разные приемы, среди которых особое место занимает стратегия похвалы [7], позволяющая аргументировать положительный отзыв о рекламируемой книге. Анализ материала показал, что выбор лингвистических средств ее реализации зависит от того, кто является автором данных рецензий – человек, в чьи профессиональные обязанности входит написание таких критических статей, или простой читатель. В настоящем исследовании первые называются профессиональными или рецензиями экспертов, а вторые – непрофессиональными или читательскими.

Исследование выявило некоторые лингвистические особенности реализации стратегии похвалы, которые свойственны как профессиональным, так и читательским отзывам.

В обоих видах для высказывания похвалы встречается экспрессивная лексика, которая указывает на отличительные характеристики как самой книги, так и ее автора. Однако различается функция употребления данного приема. Например, посредством экспрессивных имен существительных читатели называют книгу шедевром, любимым предметом, который должен обязательно быть у каждого человека (например, «*Masterpiece, a must have, a personal favorite*»). Эксперты, кроме этого, обращают внимание и на присужденные данной книге награды (например, «*#1 New York Times bestselling book, winner of the top three awards in the mystery genre, three time Caldecott medalist, a (wild) success (ever since)*»).

Говоря о качествах книги и/ или ее иллюстрациях, читатели отмечают «живость», реальность (например, «*endearing (pictures), vivid, detailed (artwork), vibrant, alive*»), несмотря на трогательную сказочность (например, «*fabulous, wondrous, touching, family-friendly*»). Профессиональные рецензенты описывают

сюжет книги как захватывающий, трогательный и незабываемый (например, «*captivating (couplets), cautionary (story), heart-warming, charming, unforgettable (tales)*»).

Эвалюативные наречия указывают на восхищение авторским стилем изложения информации. Эксперты в данном случае вызывают к эмоциям и чувствам (например, «*expressively (humorous), brilliantly (highlighted), wonderfully (eccentric)*»). Читатели, кроме единиц с чувственно-эмоциональной семантикой (например, «*softly, cheerfully (colored), irresistibly (charming), absolutely (adorable), truly (love, loving, magical), lovingly (brought to life), heartbreakingly (beautiful), thoroughly (enjoyed)*»), используют наречия, апеллирующие к качеству (например, «*deftly (uses), remarkably (expressive), subtly (explores), creatively (used), hugely (popular), superbly (crafted)*»).

Среди морфологических средств реализации стратегии похвалы, которые присущи обоим видам исследуемых рецензий, следует выделить инфинитивные конструкции и степени сравнения имен прилагательных. Первые наиболее характерны для профессиональных отзывов, что указывает также на грамматически правильную речь и стиль. При этом отмечается чувственное воздействие книги (ее сюжета) на реципиента. Автор таким образом говорит о том, что сюжет настолько увлекает и интригует, что книга читается «на одном дыхании» и вызывает желание поделиться ею с другими, например: «... *it is sure to make you smile*», «*Blending romance, family drama, and fascinating historical detail, The Apothecary's Daughter is a novel to savor and share*», «*Dracula is one of the few horror books to be honored...*», «...*there is a wealth of rich material buried throughout the text that is sure to excite, intrigue, and surprise you*», «*This is the book to be cherished and poured over, inspiring the artist in all of us*». В читательских рецензиях встречаются единичные случаи употребления инфинитивных конструкций, которые также будут указывать на чувственное восприятие сюжета книги, например: «*One of those novels whose famous first and last lines are fixed in the minds of people who've ever read it, 'A Tale of Two Cities'*

demands to be read and admired», «This version ... compelling enough to be remembered for a lifetime».

Для того, чтобы подчеркнуть влияние сюжета книги на эмоциональную сферу реципиента (т.е. тот факт, что чтение книги вызывает удовольствие, переживания, восхищение), читатели используют степени сравнения имен прилагательных, например: *«the most endearing (classics), more pleasurable, the greatest (horror novel ever written)».* Это же средство в экспертных рецензиях служит восхвалению успеха книги, например: *«the most successful (book), the most celebrated, the most readable, the best and the most influential (of all the stories)».*

Синтаксические особенности также имеют некоторые общие черты. Так, в непрофессиональных отзывах, как и в профессиональных, говорящий использует простые и эллиптические предложения, которые в обоих случаях выражают чувственное восприятие книги, например: *«Wonderfully energetic artwork», «Irresistible!», «A joy to read»* (экспертная рецензия), *«Exquisite», «Brimming with 'Aaah factor'»* (отзыв читателя). Однако для профессиональных рецензентов эллипсис не является широко распространенным приемом ввиду стиля изложения.

Другими отличными чертами исследуемых видов рецензий являются следующие.

Читатели зачастую используют сложные предложения для высказывания похвалы, например: *«It is a novel to which I return again and again, enjoying Austen's brilliant talent. I have little respect for people who describe it as dull, slow, out of date, for as long as men and women live and fall in love it will never be out of style, always meaningful, and always be funny».* Возможно, этот факт объясняется тем, что непрофессионалу бывает тяжело выразить свою мысль кратко и лаконично. Кроме того, такие отклики обычно являются эмоционально окрашенными, что также может влиять на выбор синтаксической структуры.

Также в таких рецензиях употребляются восклицательные предложения, которые свидетельствуют об эмоционально приподнятом состоянии

говорящего, и, следовательно, о восхищении объектом, например: «*What a grand series!*», «*What a satisfying experience for a pre-reader!*», «*****W-O-W! You will not want to put this awesome book down!*», «*The plot was so realistic, so beautifully developed and so terribly unpredictable!*», «*An absolute delight!*». В профессиональных отзывах был отмечен только один пример использования такого приема (например, «*I definitely recommend this book for some light, fun reading!*»), что можно объяснить книжным стилем жанра.

Экспертам типично построение предложения с помощью инверсии, которая позволяет немедленно привлечь внимание к тому, что хвалится, например: «*With a bouncy read-aloud text and gorgeous watercolor pictures, Madeline at the White House is in the best tradition of the beloved Madeline books*»; «*Full of bright details, this is a picture book young readers could well dream about as being the next best thing to entering its pages*», «*Warm, funny, poignant, sophisticated, sentimental, fervently romantic and insightfully profound, The Crossroads Café is Deborah Smith's biggest, best and most ambitious novel yet*».

В читательских откликах для подчеркивания уникальности объекта похвалы встречается стилистическое использование определенного артикля, например: «*THE classic pirate's tale, the ultimate pirate book of all time*». Обязательная рекомендация к прочтению книги передается посредством модальных приемов, например: «*Austen's Pride and Prejudice must be among the most quoted in literature*», «*It is a great book that everyone should read!*».

Таким образом, общими для экспертных и непрофессиональных рецензий лингвистическими средствами реализации стратегии похвалы являются экспрессивная лексика, инфинитивные конструкции, степени сравнения прилагательных, эллиптические предложения. С их помощью профессиональные рецензенты апеллируют к эмоционально-чувственному восприятию реципиента и восхваляют успех, популярность книги, тогда как читатели такими способами также хвалят качество рекламируемого объекта. В отличие от экспертов, читатели используют сложные и восклицательные предложения, тогда как профессионалы употребляют инверсию. Кроме того, в

непрофессиональных отзывах отмечается стилистическое использование определенного артикля и средства модальности для высказывания аргументированной похвалы.

Направлением дальнейших исследований может быть сравнительное изучение невербальных средств реализации стратегии лаудации, а также вербальных и невербальных приемов выражения похвалы в разных жанрах лаудативного дискурса.

Список литературы

1. Арутюнова, Н. Д. Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы [Текст] / Н. Д. Арутюнова. – 3-е изд., стер.. – М. : Едиториал УРСС, 2003. – 383 с.; 22 см. – (Лингвистическое наследие XX века). – Предм. указ.: с. 379-381.
2. Белова, А. Д. Стратегия соблазнения в современной рекламе роскошных товаров (на материале виртуальной рекламы) [Текст] / Алла Дмитриевна Белова // Лінгвістика ХХІ століття: Нові дослідження і перспективи. – К. : Логос, 2007. – С. 56-67.
3. Бессонова, Л. Е. Коммуникативные аспекты политического дискурса [Текст] / Л. Е. Бессонова // Ученые записки ТНУ им. В.И.Вернадского. – 2004. – Т. 16 (55), № 1: Филологические науки. – С. 22-27.
4. Гулак, Т. В. Оценочная составляющая политического дискурса как одно из средств убеждения адресата [Текст] / Т. В. Гулак // Вісник Харківського університету. – 2001. – № 520 : Філологія.– Вип. 33. – С. 261-267.
5. Карасик, В. И. Язык социального статуса [Текст] / В. И. Карасик – М. : Гнозис, 2002. – 330 с.
6. Рижикова, М. Д. Основні жанрові форми втілення сучасного англомовного лаудативного дискурсу [Текст] / М. Д. Рижикова // Проблеми семантики, прагматики та когнітивної лінгвістики: зб. наук. пр. / М-во освіти і науки України, Київ. нац. ун-т ім. Тараса Шевченка. – 2010. – Вип. 18. – С. 346-356.
7. Рижикова, М. Д. Комунікативні стратегії і тактики лаудативного дискурсу (на матеріалі англійської мови) [Текст] / М. Д. Рижикова // Проблеми семантики слова, речення та тексту: зб. наук. пр. / М-во освіти і науки України, Київ. нац. лінгв. ун-т. – 2010. – Вип. 25. – С. 357-366.
8. Самарина, И. В. Прагмалингвистическое исследование речевой деятельности политиков по коммуникативным стратегиям «создания круга своих и круга чужих» [Электронный ресурс] / Ирина Владимировна Самарина. – Вестник СамГУ. – 2006. – № 8 (48). – С. 213-219. – Режим доступа : <http://vestnik.ssu.samara.ru/gum/2006web8/yaz/Samarina.pdf>.
9. Faber, B. Community Action and Organizational Change : Image, Narrative, and Identity [Text] / Brent Faber. – Carbondale and Edwardsville : Southern Illinois University Press, 2002. – 220 p.

Д. Д. Склярова

ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет», г. Пятигорск
e-mail: *mrs.dsd@mail.ru*

D. D. Sklyarova

Pyatigorsk State University,
Pyatigorsk

А. Э. Мирзаханова

ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет», г. Пятигорск
e-mail: *nadya_m1763@yahoo.com*

A. E. Mirzakhanova

Pyatigorsk State University,
Pyatigorsk

Межъязыковая омонимия в межкультурном пространстве

В статье рассматриваются понятие межъязыковой омонимии, ложных друзей переводчика и три разных классификации межъязыковых омонимов.

Ключевые слова: *межъязыковая омонимия, ложные друзья переводчика, ложный эквивалент.*

The article deals with the concept of crosslingual homonymy and three case studies of them.

Key words: *the concept of crosslingual homonymy, false friends, false equivalent.*

Межъязыковые соответствия являются важной составной частью практики перевода и привлекают внимание не только лингвистов, но и людей участвующих в коммуникациях на иностранном языке, которые в современном глобальном мире проникают в самые различные сферы. В современном мире мы сталкиваемся с большим количеством иностранных слов уже в пространстве своего родного языка. В связи с прогрессивным развитием межкультурной коммуникации, современная лингвистика уделяет все больше внимания межъязыковой омонимии, с целью предотвратить типичные и возможные переводческие ошибки. По проблемам межъязыковой омонимии, которая существовала всегда, представлен значительный пласт научных исследований, но она остаётся одной из самых интересных и противоречивых научных явлений в лингвистике.

При сопоставительном анализе двух и более языков учеными были выявлены слова со схожими структурами, однако, различной смысловой наполняющей. Соответствия в звуковом оформлении в разных языках могут привести к искажению смысла в целом и к опущению семантической

составляющей. Таким образом, не выполняется одна из главных задач переводоведения – точно и полно передать содержание средствами другого языка. В таких случаях не удастся обеспечить соответствующий тип межъязыковой коммуникации, при которой создаваемый текст на переводящем языке выступает в качестве полноценной коммуникативной замены оригинала [7: 43].

Для обозначения межъязыковых соответствий омонимичного характера учёные предлагают термин «ложные друзья переводчика» как альтернативный термин для «межъязыковой омонимии», отмечая, что данный термин охватывает бóльшую сферу в лингвистике [1; 4; 8]. В.В. Дубичинский полагает, однако, что эти понятия необходимо различать [5: 141]. Мы в данной статье будем рассматривать понятия «ложные друзья переводчика» и «межъязыковая омонимия» как равнозначные.

По проблемам межъязыковой омонимии существует множество различных точек зрения. Для практического изучения межъязыковых омонимов были предложены следующие классификации: традиционная классификация, классификация на материале фразеологизмов и на материале переводных текстов.

В традиционной классификации все омонимы можно подразделить на три категории: фонетические, графические и графико-фонетические.

К фонетическим принято относить такие омонимы, которые совпадают по звучанию, но различны по написанию. Некоторые графические элементы одного языка имеют свои аналоги в другом языке, например: *Schweitzer* (нем.) – *житель Швейцарии*; *швейцар* (русс.) – *сторож при подъезде*; *die Schlange* (нем.) – *змея*; *шланг* (русс.) – *гибкая труба*; *cabinet* (англ.) – *шкаф*; *кабинет* (русс.) – *помещение*.

К графическим омонимам мы относим такие омонимы, которые совпадают по написанию, но различны по произношению. Во внутренней омонимии такие слова различаются благодаря ударению, а в межъязыковом пространстве существует также омонимия знаков алфавита, когда одинаковые по написанию буквы алфавита в разных языках имеют разное произношение.

Ср. : *Agitation* (нем.) *агитация*; *agitation* (англ.) – *возбуждение*; *der Kapitän* (нем.) – *капитан только корабля*; *капитан* (русс.) – *старший офицерский чин в армии*; *das Lager* (нем.) – *склад, хранилище*; *лагерь* (русс.) – *временный стан*.

Графико-фонетические омонимы – это омонимы, которые совпадают и по звучанию, и по написанию. Как правило, такие омонимы могут встречаться только в тех языках, которые имеют схожую графику: *der Dom* (нем.) – *собор*; *дом* (русс.) – *жилье*; *das Gift* (нем.) – *яд*; *gift* (англ.) – *подарок*; *also* (нем.) – *итак*; *also* (англ.) – *также, тоже*.

Классификацию омонимов на материале фразеологизмов предлагает Г. К. Гизатова [3]. Все межъязыковые омонимы она подразделяет на три вида: полные межъязыковые паронимы; частичные межъязыковые паронимы; межъязыковые омонимы. К первой группе Г. К. Гизатова относит «ложных друзей переводчика», которые имеют похожую структуру в разных языках, но обладают разным значением. Она приводит следующий пример: «*протянуть руку*» – *присвоить что-то чужое*; «*give someone a hand*» – *помочь кому-либо*.

Ко второй группе лингвист относит такие устойчивые выражения, которые имеют несколько значений в одном языке, но при переводе могут ошибочно вступать в отношения ложного отождествления одного из этих значений. Например, английское выражение «*to take something to heart*» означает «*серьезно отнестись к чему-либо*» и «*принимать близко к сердцу*». В первом случае данный фразеологизм может выступить как «ложный друг переводчика».

К группе межъязыковых омонимов автор относит такие фразеологические обороты, которые совпадают по всем формам, кроме содержательной. Например: «*биться об стенку*» – «*делать все возможное*» и «*beat one's head against a brick wall*» – *лезть на рожон* [3: 99-104].

Классификация на материале переводных текстов была предложена лингвистом Н. Н. Евтуговой. Она предлагает классификацию межъязыковых омонимов из четырех составляющих. [6: 14-15].

Первый элемент – это слова, обозначающие в обоих языках разное значение. Например, немецкое слово «*die Rotte*» имеет восемь разных значений (*ряд, пара, звено, толпа, сборище, банда, шайка*), а в русском языке «*рота*» – *воинское подразделение*. Русский эквивалент немецкого слова «*Galanterie*» звучит как «*галантность, вежливость, учтивость*», но не *галантерея – отдел магазина*.

Второй элемент классификации – это слова близко похожие по значению, но все же имеющие смысловозначительный фактор. Слово «*Kostüm*» в немецком языке имеет одно значение – *женский костюм* – и обладает гендерным фактором. В русском «*костюм*» является нейтральным относительно гендерного признака и употребляется как для лиц мужского пола, так и для женского. Другое слово «*ваза*» в русском языке может означать ёмкость не только для цветов, но также и для конфет или фруктов. Немецкий эквивалент «*Vase*» употребляет только в значении «*ваза для цветов*».

Третий элемент классификации – это слова, имеющие одинаковое значение, но разную стилистическую окраску или область употребления. Например, русское слово «*гид*» обозначающее «*экскурсовод*» сегодня понятно почти каждому носителю языка, а немецкое слово «*der Guide*» характерно для речи более молодого поколения в Германии. Старшее поколение употребляет синонимичное слово «*der Fremdenführer*».

Четвертый элемент классификации – это объединение слов, чьи значения перекрещиваются в обоих языках, но могут быть полными противоположностями. Например, английское слово «*moment*» может переводиться как «**момент**» только в том случае, если автор имел в виду временной аспект. В других случаях, если контекст будет научный или официально-деловой, например, русское предложение «*Следующим моментом нашей презентации...*» на английский язык, скорее всего, будет переведено как «*The next point/issue of our presentation is...*».

Обобщая вышеизложенное, можно сказать, что разные подходы позволяют рассматривать межъязыковые омонимы с разных точек зрения и контекстуальных ситуаций.

Сравнив два перевода современного английского произведения на немецкий язык и проанализировав немецкие и английские межъязыковые омонимы, мы обнаружили преобладание полных межъязыковых омонимов при применении классификации Г. К. Гизатовой. Применение традиционной классификации обнаруживает тенденцию к преобладанию неполных графико-фонетических омонимов. Принадлежность исследуемых языков к одной группе (германские языки) объясняет наличие ряда схожих черт. Но происходящие изменениями в системах этих языков, приводят к расхождениям в значениях слов, которые внешне являются почти идентичными. Прделанный анализ показывает, что языки по своей структуре пластичны и подвижны. Наличие межъязыковых омонимов в языке делает его не только богатым, но и интересным для дальнейшего научного изучения.

Список литературы:

1. *Акуленко, В. В.* Вопросы интернационализации словарного состава языка [Текст] / В. В. Акуленко. – Харьков : Изд-во Харьковского ун-та, 1972. – 215 с.
2. *Акуленко, В. В.* Англо-русский и русско-английский словарь «ложных друзей переводчика» [Текст] / В. В. Акуленко. – М. : Изд-во «Сов. энциклопедия», 1969. – 384 с.
3. *Гизатова Г. К.* «Ложные друзья переводчика» в лексико-фразеологических средствах русского, английского и немецкого языков [Текст] / Г. К. Гизатова // Вестник ЧитГУ. – 2009. – № 4 (55). – С. 99-104.
4. *Готлиб, К. Г. М.* Словарь ложных друзей переводчика [Текст] / К. Г. М. Готлиб. – М. : Рус. яз., 1985. – 160 с.
5. *Дубичинский, В. В.* Лексические параллели [Текст] / В. В. Дубичинский. – Харьков : Харьковское лексикографич. общество, 1993. – 156 с.
6. *Евтугова, Н. Н.* Редактирование переводов (на материале немецкого и русского языков) [Текст] / Н. Н. Евтугова. – Омск : Омский гос. ун-т, 2009. – 120 с.
7. *Комиссаров, В. Н.* Теория перевода (лингвистические аспекты) : учебник для ин-тов и фак. иностр. яз. [Текст] / В. Н. Комиссаров. – М. : Высшая школа, 1990. – 253 с.
8. *Муравьев В. Л.* Faux amis или «ложные друзья переводчика» [Текст] / В. Л. Муравьев. – М. : Просвещение, 1969. – 48 с.

Градуальные маркеры в структуре фразеологического значения

В статье рассматриваются особенности вербализации градации в английской фразеологии. Выделение градуальных маркеров, зафиксированных в лексикографических толкованиях английских фразеологизмов, позволяет сформулировать критерии отбора фразеологических единиц с градуальной семантикой.

Ключевые слова: *градация, градуальный маркер, фразеологическая единица.*

The article focuses on the specific means of verbalization gradation in the English phraseology. Distinguishing gradual markers, recorded in the dictionary definitions, has allowed to formulate the criteria of selecting phraseological units of gradual semantics.

Key words: *gradation, gradual marker, phraseological unit.*

Языковая градация играет важную роль в процессе передачи человеком субъективного восприятия действительности. Понятие градации рассматривалось в лингвистике с позиций философии, логики и психологии. Одним из первых лингвистов, выделивших лингвистическую проблему градации и разработавшим понятийный аппарат, был Э. Сепир. Углубленным изучением семантической категории градации занимались Д. Болинджер [11], Дж. Лакофф [12], Ч. Осгуд [13], С. М. Колесникова [2], Т. В. Подуфалова [5], Е. И. Шейгал [10], Л. М. Марчук [3], Т. Н. Спильный [7] и др. Разнообразие подходов к изучению категории градации послужило причиной появления различных вариантов дефиниций градации. В данной статье за основу взято определение, предложенное Т. В. Подуфаловой, согласно которому градация рассматривается как «процесс фиксации последовательного, постепенного изменения количественных характеристик объекта или скачкообразного изменения качественных характеристик объекта, перехода одного качества в другое, а также как фиксация результата этого процесса» [5: 27].

Одним из перспективных направлений исследования представляются фразеологические единицы (далее – ФЕ) с градуальной семантикой, которые, с одной стороны, являются средством выражения универсальной категории градации, а с другой, отражают лингвокультурную специфику того или иного языка. В. А. Маслова [4: 38] рассматривает фразеологизм как текст, образующий двойную связь с культурой, через его «внутреннюю» и «внешнюю» формы. О. Л. Бессонова [1: 68] отмечает, что внутренняя форма фразеологизма выступает своеобразным посредником в связи ФЕ с культурной действительностью, в силу того, что фактуальный план внутренней формы ФЕ фиксирует реальный фрагмент культуры. Оба исследователя разделяют мнение В. Н. Телии, которая считает, что связь ФЕ с культурой реализуется не только через внешнюю форму фразеологизма, то есть структуру ФЕ, но и через его толкование, так как «образ осознается и интерпретируется носителями данного языка» [8: 251].

Специфика фразеологического значения определяет необходимость при отборе ФЕ учитывать не только структуру и значение, но и лексикографические толкования ФЕ, что позволит глубже исследовать семантику градуальности во фразеологии. Необходимость исследования градуальной семантики в значении ФЕ обусловило формулирование критериев отбора материала, представленных в табл. 1.

1. Из таблицы следует, что в корпус выборки эмпирического материала вошли только те английские фразеологические единицы, в чьих словарных дефинициях зафиксирован как минимум один градуальный признак, т. е. признак, способный изменяться, проявляться в той или иной степени, характеризующийся измеримостью (соотнесенностью с определенной точкой шкалы), релятивностью и динамичностью (возможностью движения в сторону нарастания или убывания) [5: 27]. Этот критерий является инвариантным, то есть общим и обязательным для всех единиц языкового материала и условно обозначается как критерий А. Градуальный признак отражает количественные или качественные характеристики, например: *blood is thicker than water* (family

relationships are more important than any others) ‘кровь не водица’; *dead easy* (very easy) ‘крайне легко’.

Как видно из примеров, градуальный признак может быть выражен в лексикографических толкованиях ФЕ эксплицитно, то есть с помощью маркеров в обобщенном виде представленных понятиями «больше» и «меньше», или имплицитно (путем указания на крайне высокую меру или степень признака).

Таблица 1

Градуальные маркеры в лексикографических толкованиях ФЕ

Название критерия	Характеристика критерия	Градуальные маркеры	Примеры
Инвариантный критерий А	наличие в семантике ФЕ признака, способного к градуированию		<i>blood is thicker than water</i> (family relationships are stronger and more important than any others) ‘кровь не водица’
Вариативный критерий В	форма сравнительной / превосходной степени сравнения	<i>-er, -est, more (most) less (least)</i>	<i>halcyon days</i> ‘мирные, счастливые дни’ (a time in the past that was <u>better</u> than the present)
Вариативный критерий С	средства количественной интенсификации	<i>a lot of, lot, lots, lot, much, many, all, a great/good deal of, large number/ amount, (a) few, (a) little</i>	<i>be rolling in the aisles</i> ‘покатываться со смеху’ (laughing <u>a lot</u> while watching or hearing something)
Вариативный критерий D	усилительные наречия	<i>absolutely, too, totally, completely, extremely, greatly, very almost, nearly, slightly, rather, as good as</i>	<i>be walking on air</i> ‘летать на крыльях от счастья’ (feel <u>extremely</u> happy, often so that you do not notice anything else)

Парадигма степеней сравнения прилагательных и наречий является одним из самых иллюстративных средств экспликации градации в языковой системе, относящихся к «грамматикализованному ядру поля градуальности» [2: 50]. Градуальная семантика в этом случае реализуется через относительное значение сравнительной степени прилагательных, указывающей не на дискретное количество признака, а актуализирующей значение большего или меньшего количества признака в сравнении с признаками других объектов. Градуальная семантика может выражаться также суффиксальными и

аналитическими формами суперлатива и элатива. Суперлатив в данном исследовании трактуется как средство указания на качество, присущее характеризруемому признаку в высшей мере, то есть больше, чем всем остальным, а элатив как омонимичная с превосходной степенью форма, обозначающая безотносительно высокую степень качества.

2. Вариативный критерий В включает эксплицитные градуальные маркеры, к которым относятся показатели степеней сравнения прилагательных и наречий в лексикографическом толковании ФЕ (аффиксы *-er*, *-est* и усилительные слова *more*, *most*, *less*, *least*), например: *better the devil you know than the devil you don't* (it's better to continue in a situation you know than try a new one) 'лучше известное зло, чем неизвестное', *knock the stuffing out of somebody* (to make somebody feel less confident or physically weaker) 'сбить спесь с кого-либо'.

3. Само присутствие признака с необычайно большой или маленькой степенью его проявления предполагает неявное сравнение с объективно существующей нормой. Вариативный критерий С подразумевает наличие в лексикографических толкованиях ФЕ кванторных слов, которые выражают большее / предельно большое или малое / предельно малое количество признака, например: *be rolling in the aisles* (laughing a lot while watching or hearing something) 'покатываться со смеху', *to a fault* (so much of a good quality, such as honesty or kindness, that it can cause problems) 'чрезмерно, чересчур, слишком'.

4. Вариативным критерием Д является использование усилительных наречий в сочетании с указанием на градуируемый признак в лексикографическом толковании ФЕ, например: *above board* (completely honest and legal) 'честный, открытый, прямой'; *be walking on air* (feel extremely happy, often so that you do not notice anything else) 'летать на крыльях от счастья'. Усилительное наречие соотносит количество признака с определенной зоной на шкале градации, то есть функционирует в качестве градуатора, который фиксирует степень изменения признака.

Существует подробная классификация усилительных наречий английского языка, представленная в работе И. И. Туранского [7: 85], которую кратко можно представить как разделение на интенсификаторы и даунтонеры.

Интенсификаторы в свою очередь разделяются на эмплифайеры, (указывающие на определенную отметку на шкале интенсивности, выше ординарного уровня, и эмфасайзеры, целью которых является создать общий эффект усиления, например: *actually, clearly, definitely*). Последние не рассматриваются в данной работе в качестве градуальных маркеров, в силу того, что их потенциал в полной мере реализуется в тексте.

К эмплифайерам относятся единицы, которые указывают на превышающее норму количество признака. Они делятся на такие подгруппы [7: 85]:

1.1 максимайзеры, которые сигнализируют область предельной отметки (*absolutely, completely, extremely, totally*);

1.2 бустеры, обозначающие высокую отметку на шкале интенсивности (*greatly, too, very*).

Среди даунтонеров, указывающих на такую степень проявленности признака, которая относит его к зоне убывания на шкале градации, различаются:

2.1 компромайзеры, указывающие на незначительное движение вниз по шкале (*rather, quite*);

2.2 диминишеры, обозначающие значительное движение вниз по шкале интенсивности (*partly, slightly, somewhat, a little*);

2.3 минимайзеры, сигнализирующие предельно низкое количество признака (*barely, hardly*);

2.4 аппроксиматоры, выражающие количество, приближенное к норме (*almost, nearly, as as*).

Все указанные наречия, вне зависимости от того, сигнализируют ли они высокое или низкое количество признака, выполняют функцию градуаторов,

так как указывают на степень проявления признака и соотносят ее с определенной отметкой на шкале градации.

ФЕ с градуальной семантикой являются те ФЕ, которые содержат в своем лексикографическом толковании в обязательном порядке инвариантный признак и один из вариативных признаков. Градосема в структуре фразеологического значения, может актуализировать один или несколько элементов семантической структуры фразеологизма.

Список литературы

1. *Бессонова, О. Л.* Фразеологические единицы с национально-культурным компонентом значения в британском и американском вариантах английского языка: семантика и структура [Текст] / О. Л. Бессонова, А. А. Гайдаш // *Філологічні трактати.* – Т. 6, № 1. – 2014. – С. 67-73.
2. *Колесникова, С. М.* Градуальность : системные связи и отношения в русском языке : монография [Текст] / С.М. Колесникова. – М. : МПГУ, 2012. – 294 с.
3. *Марчук, Л. М.* Семантичні групи словосполучень на ознаку недискретної кількості [Текст] / Л. М. Марчук // *Наукові праці Кам'янець-Поділ. держ. ун-ту : Філологічні науки.* – Вип. 7. – Кам'янець-Подільський : Абетка-НОВА, 2003. – С. 141-146.
4. *Маслова, В. А.* Национальный характер сквозь призму языка : монография [Текст] / В. А. Маслова. – Витебск : ВГУ им. П. М. Машерова, 2011. – 68 с.
5. *Подуфалова, Т. В.* Когнитивно-семантические и функциональные особенности градации в русском языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Т. В. Подуфалова. – Харьков, 2006. – 240 с.
5. *Сепир, Э.* Градуирование. Семантическое исследование [Текст] / Э. Сепир // *Новое в зарубежной лингвистике.* – Вып.16. – М. : 1985. – С. 43-78.
6. *Спільник, Т. Н.* Градаційне відношення в структурі складних сполучникових конструкцій сучасної української мови : автореф. дис. ... канд. філол. Наук : 10.02.01 / Т. Н. Спільник. – Харків, 2004. – 20 с.
7. *Телия, В. Н.* Русская фразеология : Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М. : «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
8. *Туранский, И. И.* Семантическая категория интенсивности в английском языке : монография [Текст] / И. И. Туранский. – М. : «Высшая школа», 1990. – 173 с.
9. *Шейгал, Е. И.* Градация в лексической семантике. : монография [Текст] / Е. И. Шейгал. – Куйбышев : Изд-во КГПИ им. В.В. Куйбышева, 1990. – 96 с.
10. *Bolinger, Dw.* Degree Words [Text] / Dw. Bolinger. – The Hague-Paris : Mouton, 1972. – 324 p.
11. *Lakoff, G.* Metaphors We Live By [Text] / G. Lakoff, M. Johnson. – Chicago and London : The University of Chicago Press, 2003. – 276 p.
12. *Osgood, Ch.* The Measurement of Meaning [Text] / Ch. Osgood, J. Suci, P. Tannebaum. – Urbana : Univ. of Illinois press, – 1958. – 342 p.

Динамика цветообозначения *gelb* и его производных в словаре и тексте (XVI-XVII века)

*Статья посвящена изучению цветообозначения *gelb* и его производных в текстах разных жанров и лексикографических источниках немецкого языка XVI-XVII веков. Рассматриваются семантические особенности и лексическая сочетаемость исследуемых цветообозначений, изучается динамический аспект лексемного состава анализируемых единиц, их графическая вариативность.*

Ключевые слова: *цветообозначение, желтый цвет, прилагательное, производные, графическая вариативность, XVI-XVII века.*

*The article is concerned with the study of colour name *gelb* and its derivatives in texts of different genres and lexicographical sources dated XVI-XVII centuries. Semantic peculiarities as well as syntagmatic properties of the colour names under study have been discussed. Dynamic aspect of the lexeme composition of the units in question and its graphic variability have been traced.*

Key words: *colour name, yellow, adjective, derivatives, graphic variability, XVI-XVII centuries.*

1 Вступительные замечания. Цвета украшают мир, поэтому цветообозначения (далее – ЦО) целиком заслуживают огромного потока посвященных им исследований. Но они заслуживают и большего. Поэтому их изучение остается актуальным до настоящего времени [1: 38]. Несмотря на наличие фундаментальных работ, которые посвящены диахроническому анализу некоторых основных ЦО немецкого языка [9; 10; 11], динамический аспект системы ЦО, начиная с XVI в., практически не попадал в поле зрения исследователей. Именно этим обусловлена актуальность данного исследования.

Основные задачи статьи – провести инвентаризацию лексем, обозначающих в исследуемый период желтый цвет, проследить языковые изменения и графическую вариативность наименований жёлтого цвета в корпусе текстов и словаре выбранного исторического сегмента. Исследование проводится на материале немецкоязычных текстов разных жанров XVI-XVII вв.

и 33-томного словаря немецкого языка Я. Гримма и В. Гримма *Deutsches Wörterbuch* (далее – DWB) [4].

2 XVI век. В текстах, датированных XVI в., *gelb* зафиксировано всего 5 раз. Однако для обозначения оттенков желтого цвета используется еще 4 лексемы (*golden, goldgelb, goldfarb, schwefelgelb*) (17 словоупотреблений). Паралельно с традиционным прилагательным, обозначающим желтый цвет, – *gelb*, в исследуемых источниках употребляется производное прилагательное *golden*. Адъективные дериваты на *-en, -ern* обычно указывают на происхождение слова от названия определенного материала. Они могут использоваться и как цветообозначения, и передавать сходство с окраской исходного материала: *golden, korallen, silbern. Goldene Äpfel* ‘золотые яблоки’ – это не яблоки из золота, их цвет подобен этому драгоценному металлу [11: 242]. Все отобранные лексемы зафиксированы в лексикографических источниках [4: 2879].

К исследуемой группе необходимо также отнести прилагательное *gelblich / gelblicht* ‘желтоватый’ [4: 2887], известное еще со средневерхненемецкого (далее – свн.) периода. В источниках XVI в. оно употребляется в форме *gelblecht*.

Прилагательное *gelb* в текстах XVI в. передает цвет песка, цветов, является одним из оттенков мрамора.

Сложные прилагательные-метафоры *goldgelb* ‘золотисто-желтый’ и *schwefelgelb* ‘серно-желтый’ зафиксированы только в Библии М. Лютера. В обоих случаях в качестве первого компонента выступает существительное, которое называет металл (*Gold* ‘золото’) или вещество (*Schwefel* ‘сера’).

Цветообозначение *goldgelb* свидетельствует в Старом Завете о наличии проказы и становится признаком нечистоты человека:

(1) <...> *und wenn <...> das Haar dort goldgelb und dünn ist, so soll er ihn unrein sprechen <...>* [12: 119] ‘и если волосы там золотисто-желтые и тонкие, то он [священник] должен признать его [человека] нечистым’.

Сложное прилагательное *schwefelgelb* употребляется в Новом Завете (вместе с другими ЦО) как один из цветов лат всадников, которые убивали людей за их грехи:

(2) <...> *feuerrote und blaue und schwefelgelbe Panzer* [13: 296] ‘огненно-красные, и голубые, и серно-желтые латы’.

Прилагательные *golden, goldfarb* передают цвет волос (напр.: *goldfarbes Haar* ‘волосы золотистого цвета’ [2: 369]) или окраску небесных светил:

(3) *Die Sonne sinkt, die Sonne sinkt, das gülden Abendsternlein blinkt* <...> [3: 74] ‘Солнце садится, солнце садится, золотая вечерняя звезда блестит’.

В исследуемых текстах XVI в. нет ни одного примера употребления существительных, обозначающих оттенки желтого цвета. Однако, по данным DWB, в этот период в качестве существительного, обозначающего предметы желтого цвета, используется субстантивированное прилагательное *das Gelb* ‘желтый цвет’ [4: 2884], а самые давние употребления существительного *die Gelbe* ‘желтый цвет, желтизна’ [4: 2884] засвидетельствованы еще в древневерхненемецком языке.

Группу лексем желтого цвета дополняют два глагола, образованные не от основного имени цвета *gelb*, а от оттеночного *golden*: *goldglänzen* ‘отблескивать золотом’, *vergolden* ‘позолотить’. Оба глагола употреблены в переносном значении: *goldglänzen* передает блеск меди [12: 495], *vergolden* в форме партиципа II – блеск и цвет верхушки башни, покрытой золотом [14: 29].

DWB свидетельствует о существовании глаголов, образованных от основного прилагательного *gelb*: варианты *gelben / gilben* имеют значения ‘быть желтым, делать желтым’ и восходят к свн. *gelben / gilwen*. Подобное значение передает глагол *vergilben* ‘стать / делать полностью желтым, пожелтеть’, который в свн. языке зафиксирован в формах *vergelwen, ergelwen* [4: 2885].

3 XVII век. К лексемам, которые использовались в XVI в. для обозначения желтого цвета и его оттенков, в исследуемых текстах XVII в. добавляются прилагательные *bleichgelb* ‘бледно-желтый’, *goldgeschmiedt* ‘выкованный из золота’, *rotgelb* ‘красно-желтый, рыжий’

(45 словоупотреблений). Наиболее часто употребляется *golden* (29 раз), тогда как *gelb* встречается лишь 11 раз.

В DWB приведены также другие названия оттенков желтого цвета со ссылкой на тексты XVII в., а именно: *braungelb* ‘коричнево-желтый’, *erdgelb* ‘землисто-желтый’, *gelblicht* ‘желтоватый’, *grüngelb* ‘зелено-желтый’, *speckgelb* ‘цвета желтого сала’ [4: 2880, 2887].

В анализируемых текстах *gelb* употребляется для передачи окраски драконов:

(4) *So qvalmen gelber Drachen Hölen* [7: 12] ‘Так чадят пещеры желтых драконов’.

Кроме этого *gelb* рассматривается как цвет дураков. В таком контексте *gelb* получает негативную окраску. Негативная коннотация присутствует и в примерах оборота *grün und gelb vor den Augen werden* ‘потемнеть в глазах’ [6: 182], поскольку такая зрительная иллюзия возможна от сильной боли или нервного потрясения. Прилагательное *gelb* определяет цвет волос (*gelbe Haare*) [6: 61]. Можно предположить, что под *gelb* понимается *blond*, которое было заимствовано в немецкий язык позднее – в XVIII в. Подобное значение зафиксировано также в DWB [4: 2879].

В романе Г. Гриммельсгаузена прилагательное *gelb* используется автором для обозначения цвета мышьяка (*gelber Arsenik, einen gelben Arsenicum (Arsensalbe)* [6: 34]).

Гамму желтого цвета дополняют лексемы *golden* (29 словоупотреблений), *goldgelb* (2 СУ), *bleichgelb*, *goldgeschmiedt*.

Во многих случаях *golden* сочетается с существительными *Licht, Sonne, Sonnenstrahlen, Strahlen*, тем самым передавая не только цвет, но и блеск, ср.:

(5) *Seht, wie das güldne Liecht der Sonnen heller blicket!* [5: 92] ‘Посмотрите, как золотой свет солнца ярче блестит’.

(6) *Daß noch die Sonne <...> mit ihrem gülden wagen thet vberfahren alle land* [16: 198] ‘Что еще солнце в своей золотой колеснице объезжает всю землю’.

В другом случае словосочетание *goldene Strahlen* ‘золотые лучи’ символизирует не солнечные лучи, а женские волосы, касательно которых, используются и другие метафоры: *goldene Faden* ‘золоты нити’, *goldgeschmiedt* ‘выкованный из золота’ [5: 91].

Прилагательное *golden* выступает составной частью метафорического перифраза (*goldenes Auge*) для обозначения солнца:

(7) *Wilst du denn or untergehn und so wieder auferstehn, göldnes Auge dieser Welt* [15: 93] ‘Хочешь ли ты закатиться и снова воскреснуть, золотое око этого мира?’.

Как видно из приведенных текстовых примеров, авторы XVII в. часто ассоциируют *golden* с солнцем. Однако, это прилагательное может употребляться и относительно украшений из золота:

(8) *<...> ein Prächtigt Kleid mit göldnem Zierath <...>* [7: 13] ‘нарядная одежда с золотой отделкой’.

Если *golden* как обозначение цвета несет абсолютно позитивную коннотацию, прилагательное *bleichgelb* ‘бледно-желтый’, характеризующее цвет лица, имеет негативное оценочное значение:

(9) *Sein Angesicht war <...> bleichgelb* [6: 19] ‘Его лицо было бледно-желтым’.

В исследовательском корпусе текстов XVII в. выявлено пять существительных, обозначающих желтый цвет и его оттенки: *Beryll*, *Bleigelb*, *Gold* (3 словоупотребления), *Rauschgelb*, *Sand*. Вследствие семантических инноваций в поэтических текстах XVII в. лексемы *Beryll* ‘берил’, *Gold* ‘золото’, *Sand* ‘песок’ употребляются как имена цвета. Цвет щек передает *Beryll*, которое имеет позитивное оценочное значение, в то время как сравнение с песком – негативное.

Цвет волос определяет метафора *Gold* с позитивной коннотацией. *Sand* получает негативную окраску, так как оно контрастирует со снегом (*warmer Schnee* – синестезия), и цвет (холодного) песка напоминает цвет кожи умершего человека:

(10) *Es wird der bleiche tod mit seiner kalten hand Dir endlich mit der zeit umb deine brüste streichen. Der schultern warmer schnee wird werden kalter sand* [8: 246] ‘Бледная смерть холодной рукой со временем прикоснется к твоей груди. Плеч теплый снег превратится в холодный песок’.

Существительные *Bleigelb* ‘окись свинца’, *Rauschgelb* ‘аурипигмент’ называют красители или вещества и содержат в себе сему цвета.

В анализируемых текстах XVII в. зафиксированы два единичных случая употребления префиксальных глаголов, образованных от прилагательного *gelb* и существительного *Gold*, – *vergilben* ‘делать желтым, пожелтеть’, *vergolden* ‘позолотить’, которые дополняют группу лексем, обозначающих желтый цвет. Вышеназванные глаголы отобраны из произведений одного автора – Г. Глогера – для передачи цвета кожи (*vergilben*) (негативная коннотация)) и волос (*vergolden*). В DWB засвидетельствованы примеры употребления глагола *gilben* [4: 2885].

4 Выводы и перспективы исследования. Проведенное исследование художественных текстов и лексикографических источников XVI-XVII вв. позволяет сделать следующие выводы: лексем, обозначающие желтый цвет в текстах XVI в. являются немногочисленными. Следует отметить, что в текстах этого периода отсутствуют производные от *gelb*, хотя они зафиксированы в DWB в нескольких графических вариантах (*gelblich / gelblicht / gelblecht, gelben / gilben*).

Анализ цветообозначений, обнаруженных в словаре и текстах XVII в., свидетельствует о динамике развития данной группы – как в текстах, так и в лексикографических источниках. Они представлены прилагательными, существительными и глаголами. Кроме этого, наблюдается рост частотности употребления данных наименований цвета. Так, *golden / gülden* – самая частотная лексема и передает всегда позитивную коннотацию. Привлечение корневых морфем *Blei-*, *Rausch-* к образованию ЦО может свидетельствовать о новом витке развития ремесла и использования этих материалов в указанное время.

В перспективе проведенное исследование может послужить базой для воссоздания целостной системы ЦО в немецком языке XVI-XIX вв., что позволит выявить динамику развития анализированных единиц на более обширном эмпирическом материале.

Список литературы

Рахилина, Е. В. О семантике прилагательных цвета [Текст] / Е. В. Рахилина // Наименования цвета в индоевропейских языках : Системный и исторический анализ. – М. : КомКнига, 2007. – С. 29-39. 2. *Deutsche Volkslieder* : Texte und Melodien : in 2 Bd-n [Text] / Hrsg. von L. Röhrich. – Düsseldorf : Schwann, 1967. – Bd. 1 : Lieder aus dem Volksleben. Brauch, Arbeit, Liebe, Geselligkeit. – 583 S. 3. *Deutsche Volkslieder*. 168 Volkslieder und volkstümliche Lieder / [Text]. – Stuttgart : Philipp Reclam, 1998. – 264 S. 4. *DWB* : Grimm, J. Deutsches Wörterbuch : in 33 Bd-n [Text] / J. Grimm, W. Grimm. – Nachdruck. – Bd. 5. – Nachdruck der Erstaufgabe 1897. – München : dtv, 1984. – S. 2153-4452. 5. *Fleming, P.* Deutsche Gedichte [Text] / Paul Fleming. – Stuttgart, 1865. – 100 S. 6. *Grimmelshausen, H.* Der abenteuerliche Simplicissimus Teutsch : in 2 Bd-n [Text] / H. Grimmelshausen. – Berlin u. Weimar : Aufbau-Verlag, 1972. – Bd. 1. – 309 S. 7. *Gryphius, A.* Vermischte Gedichte [Text] / A. Gryphius // Gesamtausgabe der deutschsprachigen Werke : in 2 Bd-n. – Tübingen : Niemeyer, 1963. – Bd. 3. – S. 5-96. 8. *Hoffmannswaldau, C. H.* Gespräch eines Kindes mit seiner Mutter [Text] / C. H. Hoffmannswaldau // Gedichte aus Neukirchs Anthologie. – Bd.1. – Leipzig : Brockhaus, 1838. – S. 31-149. 9. *König, J.* Die Bezeichnung der Farben : Umfang, Konsequenz und Übereinstimmung der Farbenennung, philologisch-historisch betrachtet, sowie experimentell-psychologisch untersucht [Text] / Jenny König. – Leipzig, 1928. – 204 S. 10. *Lehmann, B.* Rot ist nicht „rot“ ist nicht (rot). Eine Bilanz und Neuinterpretation der linguistischen Relativitätstheorie [Text] / B. Lehmann. – Tübingen : Narr, 1998. – 377 S. 11. *Ludwig, K.* Die Farbbezeichnungen in der deutschen Gegenwartssprache [Text] / K. Ludwig // Sprachpflege. – 1966. – Nr. 12. – S. 241-245. 12. *Luther, M.* Luther-Bibel. – Das alte Testament [Text] / M. Luther. – Deutsche Bibelgesellschaft. – 1991. – 906 S. 13. *Luther, M.* Luther-Bibel. – Das neue Testament [Text] / M. Luther. – Deutsche Bibelgesellschaft. – 1991. – 306 S. 14. *Schmetzl, W.* Ein Lobspruch der Stadt Wien in Österreich [Text] / W. Schmetzl. – Wien, 1892. – S. 17-74. 15. *Silesius, A.* Heilige Seelenlust oder geistliche Hirtenlieder [Text] // Sämtliche poetische Werke / A. Silesius. – in 3 Bd-n. – Bd. 1. – München : Hanser, 1952. – S. 31-91. 16. *Spee, F.* Geistliche Lieder aus dem Guldernen Tugendbuch [Text] // Sämtliche Schriften / F. Spee. – Bd. 2. – München : Kiesel, 1968. – S. 11-473.

И. В. Фатьянова

ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет», г. Донецк
e-mail: irafatianova@mail.ru

I. V. Fatyanova

Donetsk National University,
Donetsk

Сопоставительный анализ микроконцептосферы *терроризм*: на материале русского и англо-американского политического дискурса

Статья посвящена выявлению особенностей функционирования микроконцептосферы ТЕРРОРИЗМ в современном русском и англо-американском политическом дискурсе последнего десятилетия на основе методики исследования текстовых концептов. В результате исследования определена роль вербализаторов данной микроконцептосферы в когезийной целостности исследуемых текстов.

Ключевые слова: *концепт, микроконцептосфера, политический дискурс, тематическая группа.*

The article deals with determining the peculiarities of the micro conceptual sphere TERRORISM functioning in Modern Russian and Anglo-American political discourse of the latest 12 years using the text-based concept method. The role of the concept verbalizers in cohesion unity of the studied texts is analyzed.

Key words: *concept, micro conceptual sphere, political discourse, thematic group.*

Опыт дискурсивного анализа в современной филологии открыл новые горизонты в изучении социальных явлений в разных сферах нашей жизни. Изменения, которые произошли в современном мире на протяжении последних десяти лет в укладе жизни, условиях развития общества, мировоззрении современной цивилизации сопровождаются таким глобальным явлением, как терроризм. **Актуальность** исследования обусловлена приоритетным положением, которое занимает микроконцептосфера ТЕРРОРИЗМ в языковых картинах мира (ЯКМ) современного русского и англо-американского сообществ, принимая во внимание современную социально-политическую обстановку в мире.

Объектом исследования являются русская и американская ЯКМ, сопоставляемые на материале публицистических текстов политического дискурса (ПД).

Предметом выступают языковые единицы в русском и английском языках, вербализующие микроконцептосферу ТЕРРОРИЗМ (МТ).

Цель исследования – изучить и сравнить способы реализации МТ в современном русском и англо-американском ПД. Достижение поставленной цели предполагает постановку и решение следующих **задач**:

1) дать определение терроризма как микроконцептосферы, актуализируемой единицами двух сопоставляемых языков; 2) на основе сравнительного анализа данных современного ПД провести сопоставительный анализ единиц для обозначения ключевого и базовых концептов исследуемой микроконцептосферы в русском и английском языках; 3) выявить и классифицировать тематические группы (ТГ), которые представляют МТ в современном русском и англо-американском ПД.

Материалом исследования послужили фрагменты текстов публицистического характера, в которых дискурсообразующим концептом предлагается терроризм. Выборка корпуса текстов формировалась на основе соответствия идейно-тематического плана текстов понятийным свойствам МТ. Для этого использовались материалы печатных СМИ русского и англо-американского ПД, а также Интернет-сайты, освещающие политические события в стране и за рубежом за последние 12 лет.

На современном этапе развития лингвистики особое внимание уделяется изучению особенностей функционирования концептов в различных типах дискурса [2; 3; 8; 9]. Выбор ПД для данного исследования обусловлен тем, что он представляет наиболее адекватный контекст концептуализации феномена ТЕРРОРИЗМ, который содержит набор типичных предметно-референтных ситуаций, конкретизирующих различные характеристики феномена, его виды, причины и цели, субъекты и объекты. Ключевой и базовые концепты МТ выделены на основе функционального подхода, согласно которому концепт рассматривается как динамическое образование, процесс и результат наименования лингвистического знака в ситуации общения [2; 3; 8; 9]. Являясь меж-дискурсивным феноменом, терроризм формирует свою

микрoкoнцeптoсфeрe, кoтoрaя мoжeт быть oпpeдeлeнa кaк чaсть кoнцeптyaльнoй сфeры co спeцифичeскoй стpyктyрнoй oргaнизaциeй, влaдeющeй oпpeдeлeнными чeртaми и oсoбeннoстями при yпoтpeблeнии в сoвpeмeннoм ПД [11]. Дaннoe исслeдoвaниe ислoзyeт лингвo-кoгнитивнyю мeтoдoлoгию, и, слeдoвaтeльнo, дискyрс выстyпaeт eдиницeй кoгнитивнoгo плaнa, тo eсть, тaкoй, кoтoрaя спoсoбнa «пpeдстaвлять знaния o сoциaльнoм кoнтeкстe, с yчeтoм кoтoрoгo oсyщeствляeтcя сoциaльнoe вzaимoдeйствиe с пoмoщью тeстoв» [2: 229-230], пoскoлькy, тaк или инaчe, oснoвными фyнкциeми тeкстa являютcя кoгнитивнaя, aксиoлoгичeскaя и пpагмaтичeскaя [2: 267-280]. Длa oписaния вeрбaльнoй oбoлoчки кoнцeптoв, кoнстpyиpyющeх МТ в сoвpeмeннoм ПД, мы ислoзyeм мeтoдикy исслeдoвaния тeкстoвoгo кoнцeптa (пoд тeкстoвым кoнцeптoм пoнимaeм тaкoй вид кoнцeптa, кoтoрый сoздaeтcя в дискyрсe лeкcичeскими кoнстpyктaми (тeрмин A. A. Зaлeвскoй) мaссивa oднoрoднoх кoнцeптoв oпpeдeлeннoгo числa ислeдyeмыx тeстoв [7: 130], длa исслeдoвaния кoтoрoгo yкaзaннe фyнкциe тeкстa игpaoт вaжнeйшyю рoль и сoстaвляют eгo oснoвнyю сyть, пoскoлькy инфoрмaция, кoтoрaя являeтcя сoдeржaниeм кoнцeптa, сyщeствyeт в тeкстe-дискyрсe, им пepeдaeтcя, пoбyждaeт к дeйствию, и / или эмoциoнaльнo влияeт нa рeципиeнтa. Пpинимaя вo внимaниe пoлoжeния тeoрии фрeймoвoй сeмaнтики Ч. Филлмoрa, зaмeтим, чтo «слoвo пpeдстaвляeт сoбoй oпpeдeлeннyю кaтeгoризaциoнyю oпытa, и в oснoвe кaждoй кaтeгoрии, кoтoрaя вырaжaeтcя слoвoм, сyщeствyeт мoтивирyющaя ситyaция, тaк нaзывaeмый мoтивирyющeй кoнтeкст, кoтoрый вoзникaeт нa фoнe пpeдстaвлeний и oпытa чeлoвeкa» [4: 58]. Этo пoзвoляeт мoдeлирoвaть пpинципы стpyктyрирoвaния и oтoбрaжeния oпpeдeлeннoй чaсти oпытa и знaний чeлoвeкa в знaчeнияx языкoвыx eдиниц, чтo пpeдoстaвляeт вoзмoжнoсть выявить кoнститyтивнe элeмeнты микрoкoнцeптoсфeры ТЕРРОРИЗМ.

Длa кaтeгoризaции пpизнaкoв МТ рaссмoтpим тeмaтичeскиe гpyппы (ТГ), кoтoрe были выдeлeны вo вpeмя aнaлизa языкoвoгo мaтeриaлa.

1. ТГ «глoбaльнaя yгpoзa / global threat». Тeррoризм пpeдстaвляeтcя кaк лингвaльнaя oбoлoчкa рyсскoгo и aнглo-aмepикaнскoгo ПД длa oписaния

социально-политического феномена, который рассматривается как глобальная проблема для мировой безопасности. Анализируя тенденции развития современного терроризма, исследователи замечают, что условия глобализации способствуют развитию информационных каналов по обеспечению и обмену информацией в мировом масштабе. Совершенствование информационных технологий расширяет возможности пропаганды идей терроризма, способствует распространению современных технологических способов организации и проведения террористических акций, поиска спонсоров для этой деятельности. Как русские, так и англо-американские масс-медиа последнего десятилетия ярко отображают данный взгляд на явление терроризма и представления современных носителей русского и английского языков о нем: «... серия терактов, обрушившихся на Россию, – это прямая угроза всем цивилизованным государствам, и ответ на нее обязан быть, конечно же, совместным.» [6] “When we think of the major threats to our national security, the first to come to mind are nuclear proliferation, rogue states and global terrorism.” [13].

Синонимические ЛЕ *международный террор* / *терроризм* / *mega-terrorism*, *superterrorism* используются для обозначения современного терроризма (с реальной угрозой использования террористами оружия массового уничтожения) [1: 221]. С такими понятиями как *международный терроризм* / *mega-terrorism*, *superterrorism*, *international terrorism*, которые представляют признаки МТ как угрозы мировой безопасности, связано распространение словосочетаний *оружие массового поражения* / *weapons of mass destruction*, *dirty bomb*, *dirty nuke*. Исследуемый материал демонстрирует употребление таких синонимов с негативной оценочной окраской для актуализации понятия «угрозы», как *опасность*, *катастрофа*, *трагедия* / *threat*, *danger*, *disaster*.

В зависимости от концептуальных признаков (КП), которые приобретает МТ, выступая репрезентантом данной группы, можно определить дополнительные концептуальные оттенки, а именно: 1) личности как объекта терроризма (Т) – *мировое сообщество* / *the whole world*; 2) неживых предметов

как объекта Т – *политическая и экономическая стабильность / economic and political stability*; 3) личности как субъекта Т – *террористы / террористические организации / mega-/ international / transnational terrorists*; 4) масштабов проявления – *терроризм / террор глобального масштаба / global terrorism, mega-terrorism, superterrorism, international / transnational terrorism*; 5) направления проявления – *nuclear / radiation / WMD-terrorism*; 6) использования методов / тактик – *шантаж / похищение / kidnapping, assassinating, hijacking*; 7) эмоционально-экспрессивная характеристика – *глобальный / global, significant, internal, imminent*.

2. ТГ «символ новой эры / the symbol of new era» представляет терроризм как символ «новой эры». Обращение современного терроризма к сфере символов способствует тому, что террористический акт сам приобретает черты символа, о чем красноречиво свидетельствуют события 11 сентября 2001 года. К этой ТГ мы предлагаем относить ЛЕ, которые выражают дату совершения террористических актов, которая начала существовать в разных цифровых и словесных формах: *9/11, Sept.11*, а также ее производных *pre-Sept.11, post-Sept.11, Generation 9-11, 9-11 hijacker, Sept.11 plot, Sept.11 effect, post-9/11 efforts*, и т.д. В публицистических текстах англо-американского дискурса лексемы *attack(s), attackers, hijackers, suspect(s), pilots* задействуются в словосочетания с титульными элементами номинативной парадигмы МТ, будучи употребляемыми с *Sept.11, the Sept.11, 2001, 9/11, 9-11*.

Данная ТГ приобретает такие КП: 1) личности как объекта Т – *общество / society*; 2) неживых существ как объекта Т – *the World Trade Center, the Twin Towers*; 3) личности как субъекта Т – *9-11 hijack cell, 9-11 hijacker(s)/ pilot(s)*; 4) темпоральной мотивации – *post-9/11 era, September 11 / post-September 11 world*; 5) использования методов, тактики – *Sept.11 plot, 9/11 charity scam, Sept. 11 attacks*; 6) результатов – *Sept. 11 effect, 9-11 widow(s), Generation 9-11*.

3. Группа вербальных репрезентантов МТ, которая представляет понятие о терроризме как политическом явлении, которое проявляется в таких сферах, как политические режимы объединены нами под титулом «политика

терроризма / *terror policy*». Терроризм рассматривается как характеристика определенного вида политической борьбы. Этот феномен определяют как использование насилия для достижения определенной политической цели [12: 1482]. Поэтому все чаще ключевые когезийные лексемы *политика, тактика, метод, режим, идеология / politics, policy, tactics, method, regime, ideology* включаются в словообразовательные модели с титульными элементами номинативной парадигмы МТ, будучи употребленными с существительными *террор, терроризм, террорист / terror, terrorism, terrorist*. Не менее распространенными выступают словосочетания *политика запугивания / устрашения / царство террора / scare tactics, reign of terror*, которые непосредственно выражают исследуемую МТ.

В ТГ «политика терроризма / *terror policy*», которая представляет терроризм как разновидность современной мировой политики, можно выделить такие КП: 1) личности как объекта Т – *общество / society*; 2) личности как субъекта Т – *terror regimes/ government, rogue / hostile nations, terrorist-friendly / ending states*; 3) интенции – *запугивание / intimidation, coercion*; 4) использования методов / тактики – *терроризирование / intimidating, terrorizing*; 5) причины использования – *идеологическая, политическая / ideological, political*; 6) сферы проявления – *политический / националистический / идеологический / революционный / political / non-political, official, state-sponsored, democracy, anarchist, nationalist, revolutionary*; 6) направления проявления – *политический / религиозный / nuclear terrorism, theoterrorism*; 7) эмоционально-экспрессивная характеристика – *угрожающий / устрашающий / threatened, horrifying*.

4. К группе вербальных репрезентантов МТ «преступление / *crime*» мы относим ЛЕ, которые представляют терроризм как преступление против человечества. Исследуемый материал демонстрирует употребление таких синонимов для актуализации понятия «преступления», как *убийство, шантаж, саботаж, беззаконие, беспорядок, беспредел, насилие / assassination, assassinate, crime, blackmail, sabotage, lawlessness, disorder, violence*. Среди вербальных репрезентантов этой группы в англо-американском политическом

дискурсе наиболее частотной оказывается модель сочетания прилагательного *serial*, существительных *shoe, suicide, homicide, millennium* с существительными *bomb, bomber, bombing*, которые представляют субъекта терроризма и его инструмент. Эта группа имеет следующие КП: 1) личности как объекта Т – население / *people*; 2) неживого существа как объекта Т – *государственная / частная собственность / property*; 3) личности как субъекта Т – преступники / преступные группировки / *transnational criminals, terrorist suspect(s) / group / organization / network / cell, local / domestic / anthrax terrorist*; 4) тактики / стратегии – *взрывы, похищения / bombing, shooting, kidnapping*; 5) сферы проявления – *криминальный, религиозный / criminal, religious*; 6) направления проявления – *биологический, экологический, кибер, религиозный / agroterrorism, bioterrorism, criminal terrorism, cyberterrorism, ecoterrorism, narcoterrorism, theoterrorism*; 6) масштабы проявления – *международный / international*; 7) эмоционально-экспрессивная характеристика преступления – *unlawful, violent*; 8) противодействия – *отдел по борьбе с терроризмом / антитеррористический закон / акт / homeland security, homeland-defense*.

5. ТГ «война / war», в которой терроризм выступает как понятие «неравной войны (конфликта, тактики)» объединяет такие ЛЕ, как *война нового поколения / нового века / 21 века / asymmetric conflict, asymmetric tactics*, т. е. войны, в которой противоборствующие стороны имеют разный военный потенциал и более слабая сторона использует «нестандартную» тактику, в частности террористические действия. Тактику террористических организаций определяют и словосочетания *fourth-generation warfare, fifth-generation warfare*, которые отображают понятия «война четвертого / пятого поколения» [1: 99].

Данная ТГ имеет следующие КП: 1) личности как объекта Т – население / *people, civilians*; 2) неживого существа как объекта Т – *государственная / частная собственность / property*; 3) личности как субъекта Т – повстанец, сепаратист / *guerrilla, holly warriors, rebel groups / forces, attackers, warfighter*; 4) тактики / стратегии – *asymmetric warfare (conflict, tactics, threat), technocentric warfare, network-centric warfare*; 5) признаков использования – *идеологические /*

политические / *ideological, political*; б) направления проявления – *кибер / биологический / экологический / религиозный терроризм / nuclear / radiation terrorism, bioterrorism, cyberterrorism, ecoterrorism, narcoterrorism, theoterrorism*.

Таким образом, исходя из результатов проведенного исследования можно сделать вывод, что содержание микроконцептосферы ТЕРРОРИЗМ в современном российском и англо-американском политическом дискурсах раскрывается широким спектром вербализаторов, которые являются важнейшими элементами когезийного пространства исследуемых текстов и представленных в работе серией тематических групп «глобальная угроза / *global threat*», «символ новой эры / *symbol of new era*», «политика террора / *terror policy*», «преступление / *crime*», «война / *war*». Эти группы состоят из подгрупп дополнительных концептуальных оттенков. Некоторые из этих признаков являются общими, как для российского, так и для англо-американского политического дискурса, в частности признаки «объекта / субъекта терроризма», «использование методов / тактики / стратегии» свойственны всем пяти тематическим группам, а признак эмоционально-экспрессивной характеристики терроризма входит в тематические группы «глобальная угроза / *global threat*», «политика террора / *terror policy*», «преступление / *crime*». Другие признаки свойственны только определенной группе, в частности признак временной мотивации терроризма характеризует тематическую группу «символ новой эры / *symbol of new era*», которая в наибольшей степени реализуется в англо-американском политическом дискурсе, а признак противодействия терроризма – только тематическую группу «преступление / *crime*». Тематическая группа «преступление / *crime*» состоит из наибольшего числа дополнительных концептуальных оттенков, что свидетельствует об их особенной функциональной частотности в политическом дискурсе как русского, так и английского языков.

Итак, микроконцептосфера ТЕРРОРИЗМ выступает как важнейшая часть русской и англо-американской картины мира и неотъемлимая категория

политического сознания современных носителей русского и английского языков.

Список литературы

1. *Зацний, Ю. А.* Інновації у словниковому складі англійської мови початку XXI століття: [англо-український словник] / Ю. А. Зацний. – Вінниця : Нова Книга, 2008. – 360 с.
2. *Карасик, В. И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.
3. *Касавин, И. Т.* Ситуационный контекст / И. Т. Касавин // Текст, дискурс, контекст: введение в социальную эпистемологию языка. – М. : “Канон+” РООИ “Реабилитация”, 2008. – С. 267-280.
4. *Колесник, Н. В.* Фреймовая семантика Ч. Филлмора / Н. В. Колесник // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей / [отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов]. – М. : МАКС Пресс, 2002. – Вып. 22. – С. 58-66.
5. *Кубрякова, Е. С.* Язык и знание: на пути получения знания о языке: части речи с когнитивной точки зрения: роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
6. *Национальный портал противодействия терроризму.* Россия. Антитеррор / В. В. Путин о терроризме [Электронный ресурс] // Библиотека антитеррора. – Режим доступа : <https://www.antiterror.ru/text/library/81552104.html>
7. *Петрінська, Т. С.* Текстовий концепт як проєкція мовної картини світу в дискурсі / Т. С. Петрінська // Нова філологія: збірник наукових праць. – Запоріжжя: ЗНУ, 2009. - №35. – С. 127-130.
8. *Приходько, А. М.* Концепти і концептосистеми в когнітивно-дискурсивній парадигмі лінгвістики / А. М. Приходько. – Запоріжжя : Прем’єр, 2008. – 232 с.
9. *Селіванова, О. О.* Сучасна лінгвістика: термінологічна енциклопедія / О. О. Селіванова. – Полтава : Довкілля. – К., 2006. 716 с.
10. *Степанов, Ю. С.* Константы: словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М. : Академический Проект, 2001. – 990 с.
11. *Фатьянова, I. B.* Мікроконцептосфера TERRORISM у сучасному англо-американському політичному дискурсі : дис. ... кандидата філол. наук: 10.02.04 / Фатьянова Ірина Валеріївна. – Одеса, 2013. – 275 с.
12. *Macmillan English Dictionary for Advanced Learners.* – Oxford: Bloomsbury Publishing Plc., 2006. – 1567 p.
13. *Terrorism Quotes – Brainy Quote* [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.brainyquote.com/quotes/keywords/terrorism.html>

Л. Н. Ягунова

ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет», г. Донецк
e-mail: *l.yagupova@donnu.ru*

L. N. Iagupova

Donetsk National University,
Donetsk

От *urloup* до *Urlaub*, или Как изменялся немецкий язык

*Статья продолжает цикл публикаций автора, посвященных словообразованию и семантике имен существительных в средневерхненемецком языке. В ней проанализировано развитие семантики существительного – от свн. *urloup* до современного *Urlaub*. Статья содержит большое количество иллюстративного материала, который подтверждает теоретические положения исследования.*

Ключевые слова: *средневерхненемецкий язык, словообразование, семантика, рукопись.*

This paper continues the author's publications on the noun derivation and semantics of the Middle High German. It provides the analysis of semantic change of the noun – from mhg. «urloup» to modern «Urlaub». The paper contains a great amount of illustrative material which supports the theoretical theses of the investigation.

Key-words: *Middle High German, derivation, semantics, manuscript.*

1 Вводные замечания. Практически аксиомой является утверждение, что язык – это часть культуры. Познать средневековую культуру и приблизиться к пониманию закономерностей языковых изменений можно, изучая древние тексты, которые достались нам в виде рукописей. Историческая лингвистика претерпевает в последние десятилетия существенные изменения. Новые теоретические подходы к исследованию немецкого языка, в т. ч. его истории [1; 7; 8; 12; 13] всё чаще апробируются на материале электронных текстовых корпусов [4; 6; 8; 11; 15]. Именно корпус оригинальных средневерхненемецких (далее – свн.) рукописей (т. н. Бохумский корпус [13: 1311-1318]), в который входят 79 текстов разных жанров и типов, положен в основу данного и ряда других исследований автора статьи [2: 61-86].

При исследовании производных существительных в корпусе свн. рукописей обращают на себя внимание слова, схожие по своей форме со словами современного немецкого языка, но отличные от них целиком или

частично по своему значению¹. Зачастую эти слова характеризуются высокой частотностью экспликации и становятся ключом к пониманию свн. литературы и средневековой культуры в целом. К таким словам несомненно можно отнести и свн. *urloup* (совр. нем. Urlaub) – основной объект исследования в данной статье.

2 Этимология лексемы *urloup*. Отглагольное свн. имя существительное *urloup* [10: 2009] (дс., дфр., ср.-н.-н., ср.-нидерл., швед. *orlof*, н.-нем. *urlôf*, нидерл. *oorlof*, дат. *orlov*, англ. *furlough*) было известно ещё в древневерхненемецкий (далее – двн.) период (уже в VIII в.) и восходит к гот. *uslaubjan*, двн. *irlouben*, mhd. *erloben* [5: 2466; 9: 753]. В течение своей длительной истории данная лексема претерпела значительные семантические изменения – от значений ‘разрешение (уйти)’, ‘прощание’ (в двн. и свн. языке) до значения ‘отпуск’ (в современном немецком языке), началом формирования которого можно считать, согласно [5: 2471], начало XVII в., когда были отмечены значения ‘каникулы, свободное от школы время’ и ‘освобождение на короткое время от военной службы (увольнение)’ [см. также 3: 239].

3 Частота употребления. Графическая вариативность. Лексема *urloup* обнаружена в 30 свн. рукописях (95 словоупотреблений) – текстах разных типов и жанров, особенно часто – в религиозных текстах, куртуазном и героическом эпосе. Несмотря на высокую частотность *urloup* в течение всего свн. периода, ни одного примера употребления не зафиксировано в исторических грамотах, большое количество которых появляется в XIII веке. Это – третье по частотности производное существительное, в состав которого входит префикс *ur-*.

В корпусе рукописей выявлена значительная графическая вариативность *urloup* (прежде всего – корневой морфемы), которая подтверждает генетическое родство анализируемого свн. деривата с его эквивалентами в других индоевропейских языках (см. выше). Графическая вариативность в свн. период обусловлена прежде всего диалектным (географическим) фактором (ср.: *vrlaup*,

¹ К. П. Вегера [14: 15] считает их «ложными друзьями».

urloup (бав.), *vrlop* (зап.-алем.), *vrlob* (гесс.-тюр.), *urlob*, *vrlof* (ср.-фр.), *orlaub* (ср.-фр.-гесс.) и свидетельствует об отсутствии языковой нормы как таковой в исследуемый период.

4 Сочетаемость *urloup*. Лексема *urloup* соединяется в корпусе рукописей с рядом глаголов, образуя глагольно-именные словосочетания.

4.1 *urloup nēmen*

4.1.1 Наиболее часто (34 примера употребления) встречается словосочетание *urloup nēmen* в значении ‘прощаться’, букв. ‘брать разрешение уйти’. В данном значении *urloup nēmen* может употребляться без предлога (пример (1)), не редко также – с предлогами *zuo* или *von* (2):

(1) *Sie nam urlob unn gienc* [AthP: 6,046] ‘Она попросилась и пошла’.

(2) *ovch het div kuniginne. vrlovp nv genomen. von Rvdegeres wibe. vnn von d' tohter fin* [Nib: 1354,2-3] ‘Королева попросилась также с супругой Рюдигера и его дочерью’.

4.1.2 В религиозных текстах *urloup nēmen* актуализирует также значение ‘уйти из жизни (попроситься с жизнью)’ [5: 2475], ср.:

(3) *do die zit nv kome daz ir heiligez leben ein.n ende solt nemen da sant sie nach etlichen swelt'n vnd tet in irn tot kunt Da sprachen sie hyn wider liebe alheit. waz hast du da myt gemaynt daz du dir zv sande peters messe vrlaup neme von vns vnd daz du sprecht vnd geleb ich sand peters tag so stirb ich niht in difem iar* [GnaÜ: 36,18-37,04] ‘И вот потому что подходит время, когда её святая жизнь должна была закончиться, позвала она всех сестёр и сообщила им о своей смерти. На что они ответили: «Дорогая цельность, что ты имела ввиду (когда сказала), что ты к мессе в пам'ять о Святом Петре уйдёшь [из жизни] от нас, и что ты сказала: «А если я буду жить в день Святого Петра, то я не умру в этом году?»’.

В приведённом текстовом фрагменте значение ‘уйти из жизни’ выявляется благодаря контексту и словам соответствующей тематики – текстовому синониму *stërben* ‘умирать’ и противопоставлению *stërben* и его антонима *gelëben* ‘жить’.

4.2 *urloup gēben*. В рукописях выявлено 14 случаев соединения существительного *urloup* с глаголом *gēben* ‘дать разрешение уйти’, как в следующем примере:

(4) *vrlovp er im gebn bat* [Parz: 280a,26] ‘Он попросил его дать ему разрешение уйти (= отпустить его)’.

4.3 *urloup haben*. Среди глагольных словосочетаний с *urloup* в их составе обращает на себя внимание также *urloup haben* ‘иметь разрешение уйти’ [см.: 5: 2472] (9 случаев употребления), ср.:

(5) *vrlob wel wir han wir wellen nu von hin gan* [Mar: 4682] ‘Мы хотим уйти, мы хотим уйти отсюда’.

В этом же религиозном тексте приводится довольно редкий пример употребления *urloup* (словосочетания *urloup haben*) в сочетании с абстрактным существительным (*sünde* ‘грех’) в значении ‘исчезать’. В данном случае можно предположить неразложимость целого словосочетания и идиоматизацию *urloup* в его составе, ср.:

(6) *da heten ovrlovp die funde. vn entwichen an der stunde* [Mar: 2749-2750] ‘Тогда исчезли грехи, исчезли вмиг’.

4.4 *urloup jēhen*. В другом религиозном тексте этого периода зафиксировано словосочетание *urloup jēhen* ‘признавать исчезновение грехов’, что подтверждается контекстным «соседством» существительного *abelas* ‘отпущение (грехов)’, ср.:

(7) *d' vat' urloup giht mit dem aplaz in* [ZwBR: 39r,07-08] ‘Отец признаёт исчезновение [грехов], потому что сам отпускает их’.

4.5 Словосочетания *urloup* с другими глаголами. Производное *urloup* соединяется также с глаголами *verliehen* (*urloup verliehen* употребляется в значении, синонимичном *urloup gēben* [ZwBR: 10v,11]), *gewinnen* (*urloup gewinnen* – синоним *urloup haben* [Renn: 23872]), *biten* и *gērn*, ср.:

(8) *sy knyde nider unde bat urlouf, dy sēlige Iolant. dâ gync sy wider al zehant.* [Yol: 5812-5814] ‘Она преклонила колени и попросила разрешения уйти, блаженная Иоланта, и тогда она сразу ушла’.

(9) *wie schone er vrlovbes gerte z en Burgonden dan* [Nib: 0068,4] ‘Как страстно он тогда жаждал прощания, чтобы ехать в Бургундию’.

4.6 Предложно-именные словосочетания. В подобных словосочетаниях *urloup* означает ‘разрешение’ и соединяется с предлогом *âne* (12 случаев употребления) или *mit* (9 примеров употребления), обычно – с именем существительным в генитиве или притяжательным местоимением. Словосочетание с *âne* (*âne urloup*) обнаруживается только в светских текстах: сводах городского права [StBA; Rupr], своде земского и ленного права [SwSp], а также в хронике [Kchr], т. е. преимущественно, в письменных памятниках, созданных во 2-й пол. XIII – 1-й пол. XIV в. (см. список источников примеров).

Словосочетание *mit urloup* зафиксировано, кроме StBA и SwSp, также в OхBR и HTri, ср.:

(10) *vnn ist daz si daz lehen tailen. wellent. daz sullen si nicht tailen an. des h'ren vrloop. des das lehen ist* [Rupr: 073,06-08] ‘И выходит, что они собираются делить ленное поместье без разрешения владельца, которому оно принадлежит’.

(11) *mit der ebdiffen orlaube* [OхBR: 06r,11-12, 10r[15r],18] ‘с разрешения аббатиссы’.

Поскольку в правовых текстах речь идёт о том, что позволено, а что – нет, совсем неслучайным кажется противопоставление обоих словосочетаний в рамках одного и того же текста (или даже одного отрывка), как, например, в StBA и SwSp, ср.:

(12) *kaufet ein gaft in d' stat silber ane des mvnzmaifters vrloop. der ist dem munzmeister von dem silb' des flahschatzes schuldik* [StBA: 16rb,05-09] ‘Если чужой покупает в городе серебро без разрешения мюнцмейстера, то он должен ему часть серебра’.

(13) *daz sol er tvon myt des burggrafen vrlaube* [StBA: 119vb,15] ‘Это он должен делать с разрешения бургграфа’.

Иногда словосочетание *mit urloup* не сопровождается ни существительным в генитиве, ни притяжательным местоимением, однако и в этом случае данные слова имплицитно подразумеваются, ср.:

(14) *Vater myt vrlaub wil ich dir. myn hertz entfliezzen vberal* [Wins: a61,01-02] ‘Отец, с [твоего] позволения я везде хочу открывать тебе своё сердце’.

5 Типичные словосочетания с *Urlaub* в современном немецком языке

5.1 Словосочетания с предлогами. Поскольку лексическое значение *Urlaub* претерпело в течение своей истории коренные изменения, естественно, что изменениям подверглась и структура соответствующих предложных словосочетаний. Так, в электронной информационной системе *elexiko* (Ein Online-Wörterbuch zur deutschen Gegenwartssprache) [*elexiko*] не отмечено сочетание *Urlaub* с предлогами *mit* и *ohne* (свн. *âne*), однако зафиксировано употребление лексемы с предлогами: *aus* (*frisch aus dem Urlaub* ‘только что из отпуска’), *in* (*auf der Fahrt in den Urlaub* ‘по пути в отпуск’) и *auf* (*nicht auf Urlaub verzichten wollen* ‘не хотеть отказать себе в отпуске’; *keine Lust auf Urlaub* ‘нет желания идти в отпуск’), правда, необходимость использования предлога *auf* в последних двух примерах продиктована не именем существительным, а управлением глагола *verzichten* и существительным *Lust* (*auf Akk. verzichten* ‘отказываться от чего-либо’; *Lust auf Akk.* ‘желать чего-либо’).

5.2 Глагольные словосочетания. К типичным сочетаниям *Urlaub* с глаголами в современном немецком языке относятся, согласно [*elexiko*], в т. ч. сочетания *Urlaub nehmen* (*[sieben] Tage Urlaub nehmen* ‘взять неделю отпуска’) и *Urlaub haben* (*zwei Wochen Urlaub haben* ‘иметь две недели отпуска’), однако смысл данных словосочетаний абсолютно иной, чем в свн. языке (см. п. 4).

Вследствие изменений, которые претерпела семантическая структура лексемы *Urlaub*, в современном немецком языке не употребляется словосочетание **Urlaub geben*, вместо этого (в нормативно-правовых актах) – *Urlaub gewähren* ‘предоставлять отпуск’, ср.:

(15) *Diese gesetzliche Vorschrift greift, wenn zwingende betriebliche Gründe gegen die komplette Gewährung des Jahresurlaubs sprechen und sieht vor, dass in diesen Fällen mindestens zwölf Tage zusammenhängender Urlaub gewährt werden muss* [BurlG].

Для литературного немецкого языка также характерны беспредложные глагольные словосочетания *Urlaub machen*, *Urlaub genießen*, *(seinen) Urlaub buchen*, *(seinen) Urlaub unterbrechen* [elexiko]. При этом во всех случаях *Urlaub* понимается как ‘отпуск’.

Данное исследование, на примере свн. *urloup* и лексемы современного немецкого языка *Urlaub*, в очередной раз подтверждает уже имеющиеся в исторической лингвистике многочисленные факты изменений в лексическом составе немецкого языка путём коренных изменений семантической структуры слова, а вследствие этого – и изменений в лексической сочетаемости в составе соответствующих словосочетаний. Другие частотные лексемы средневерхненемецкого периода могут стать предметом дальнейших исследовательских поисков.

Список условных сокращений

англ. – английский, *бав.* – баварский, *гесс.-тюр.* – гессенско-тюрингский, *гот.* – готский, *дат.* – датский, *дрвн.* – древневерхненемецкий, *др.* – древнесаксонский, *дрфр.* – древнефризский, *зап.-алем.* – западно-алеманнский, *нидерл.* – нидерландский, *н.-нем.* – нижненемецкий, *свн.* – средневерхненемецкий, *ср.-нидерл.* – средненидерландский, *ср.-н.-н.* – средненижненемецкий, *ср.-фр.* – средне-франкский, *ср.-фр.-гесс.* – среднефранкско-гессенский, *швед.* – шведский,

Список литературы

1. *Шавкун, Н. С.* К вопросу соотношения словообразования и синтаксиса [Текст] / Н. С. Шавкун // Вопросы германской филологии. Юбилейный сборник научных трудов кафедры немецкой филологии / Ред. : Е. Г. Болдышева ; Пятигорский гос. лингв. ун-т. – Пятигорск, 1999. – С. 262-281. 2. *Ягупова, Л. М.* Мовно-географічна варіативність системи середньовісньонімецьких префіксальних іменників [Текст] / Л. М. Ягупова. – Донецьк : Донецький нац. ун.-т, 2007. – 605 с. – (Типологічні, зіставні, діахронічні дослідження ; 4). 3. *Baufeld, Ch.* Kleines frühneuhochdeutsches Wörterbuch : Lexik aus Dichtung und Fachliteratur des Frühneuhochdeutschen [Text] / Christa Baufeld. – Tübingen : Niemeyer, 1996. – 264 S. 4. *Ganslmayer, Ch.* Wortbildung in der deutschen Urkundensprache des 13. Jahrhunderts [Text] / Ch. Ganslmayer, P. O. Müller, U. Ring // ZfdPh. – 2003. – Vol. 122/3. – S. 321-358. 5. *Grimm, J.* Deutsches Wörterbuch : in 33 Bdn. [Text] / J. Grimm, W. Grimm. – Nachdruck der Erstausgabe 1878. – Bd. 24. – München : dtv, 1984. – 2620 S. 6. *Iagupova, L.* Idiomaticierte

Präfixsubstantive mit *ge-* im Mittelhochdeutschen [Text] / Larysa Iagupova // Semantik und Pragmatik im Spannungsfeld der germanistischen und kontrastiven Linguistik / Hrsg. v. L. Iagupova, V. Kaliuščenko, A. Kaṭny, H. Roll. – Frankfurt / M. : Peter Lang, 2013. – S. 183-193. – (Studien zur Germanistik, kontrastiven und diachronen Linguistik 1). 7. *Kaliuščenko, V. D.* Deutsche denominale Verben [Text] / V. D. Kaliuščenko. – Tübingen : Narr, 1988. – 180 S. – (Studien zur deutschen Grammatik ; Bd. 30). 8. *Klein, Th.* Mittelhochdeutsche Grammatik. – Teil III. Wortbildung [Text] / Th. Klein, H.-J. Solms, K.-P. Wegera. – Tübingen : Niemeyer, 2009. – 684 S. 9. *Kluge, F.* Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache [Text] / Friedrich Kluge ; unter Mithilfe von M. Bürgisser und B. Gregor völlig neu bearb. von E. Seebold. – 22. Aufl. – Berlin ; New York : de Gruyter, 1989. – 822 S. 10. *Lexer, M.* Mittelhochdeutsches Handwörterbuch : in 3 Bdn. [Text] / Matthias Lexer. – Nachdruck der Ausgabe Leipzig 1872-1878. – Stuttgart : S. Hierzel, 1992. – Bd. 2. – 2050 S. 11. *Ring, U.* Substantivderivation in der Urkundensprache des 13. Jahrhunderts : Eine historisch-synchrone Untersuchung anhand der ältesten deutschsprachigen Originalurkunden [Text] / Uli Ring. – Berlin ; New York : de Gruyter, 2008. – 581 S. – (Studia Linguistica Germanica 96). 12. *Sieburg, H.* Zur Substantivableitung des Ripuarischen aus historischer Sicht [Text] / Heinz Sieburg // Historische Wortbildung des Deutschen / Hrsg. v. M. Habermann, P. O. Müller, H. H. Munske. – Tübingen : Niemeyer, 2002. – S. 211-225. – (Reihe Germanistische Linguistik 232). 13. *Wegera, K.-P.* Grundlagenprobleme einer mittelhochdeutschen Grammatik [Text] / Klaus-Peter Wegera // *Sprachgeschichte. Ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache und ihrer Erforschung / hrsg. v. W. Besch et al.* – 2., vollst. neu bearb. und erw. Aufl. – 2. Teilbd. – Berlin ; New York : de Gruyter, 2000. – S. 1304-1320. – (HSK 2.2). 14. *Wegera, K.-P.* Mittelhochdeutsch als fremde Sprache. Eine Einführung für das Studium der germanistischen Mediävistik / [Text] / Klaus-Peter Wegera, Simone Schutz-Balluff, Nina Bartsch. – Berlin : Erich Schmidt Verlag, 2011. – 234 S. 15. *Wegera, K.-P.* Deutsch diachron. Eine Einführung in den Sprachwandel des Deutschen. Unter Mitarbeit v. I. Lemke [Text] / Klaus-Peter Wegera, Sandra Waldenberger. – Berlin : Erich Schmidt Verlag, 2012. – 326 S. (Grundlagen der Germanistik 52).

Список источников примеров

16. *AthP* : Athis und Prophlias. – Рукопись середины XIII в. 17. *BurlG* : Das Bundesurlaubsgesetz (BUrlG) – kurz Urlaubsgesetz [Электронный ресурс]. – Режим доступа : www.urlaubsgesetz.com – Дата обращения : 03.09.2016. 18. *elexiko* : Ein Online-Wörterbuch zur deutschen Gegenwartssprache [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www1.ids-mannheim.de/lexik/elexiko.html> – Дата обращения : 25.09.2016. 19. *GnaÜ* : Christina Ebner. Von der Gnaden Überlast. – Рукопись, датированная до 1346 г. 20. *HTri* : Heinrich von Freiberg. Tristan. – Рукопись 1343 г. 21. *Kchr* : Kaiserchronik. – Рукопись последней четверти XII в. 22. *Mar* : Priester Wernher. Marienleben. – Рукопись 1220-1230 гг. 23. *Nib* : Nibelungenlied. – Рукопись первой половины XIII в.

24. *OxBR* : Oxforder Benediktinerregel. – Рукопись начала XIV в. 25. *Parz* : Wolfram von Eschenbach. Parzival. – Рукопись первой половины XIII в. 26. *Renn* : Hugo von Trimberg. Renner. – Рукопись 1347 г. 27. *Rupr* : Ruprecht von Freising. Rechtsbuch. – Рукопись 1328 г. 29. *StBA* : Stadtbuch der Stadt Augsburg. – Рукопись последней четверти XIII в. 30. *SwSp* : Schwabenspiegel. – Рукопись 1287 г. 31. *Wins* : Winsbecke und Winsbeckin. – Рукопись приблизительно 1300 г. 32. *Yol* : Yolande von Vianden. – Рукопись первой трети XIV в. 33. *ZwBR* : Zwifaltener Benediktinerregel. – Рукопись первой четверти XIII в.

Авторы

д-р филол. наук, профессор

Басыров Шамиль Рафаилович

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», кафедра германской филологии

ул. Университетская, 24

283001, г. Донецк

alex_.84@mail.ru

канд. филол. наук, профессор

Белова Валентина Фёдоровна

ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет», кафедра германистики и межкультурной коммуникации

пр. Калинина, 9

357532, г. Пятигорск,

Ставропольский край

belovav2008@yandex.ru

ст. преподаватель

Берещенко Надежда Владимировна

УО «Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины», кафедра теории и практики английского языка

ул. Советская, 104

246019, г. Гомель

nadusha_b@inbox.ru

ст. преподаватель

Беспамятная Лилия Владимировна

ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет», кафедра теории и практики перевода

ул. Университетская, 33

299053, г. Севастополь

lilya_pavlova23@mail.ru

канд. филол. наук, доцент

Воробьева Оксана Сергеевна

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», кафедра германской филологии

ул. Университетская, 24

283001, г. Донецк

vorobyovaoksana27@gmail.com

аспирант

Гончарова Каролина Давидовна

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», кафедра германской филологии

ул. Университетская, 24

283001, г. Донецк

karolina_tsulaya@inbox.ru

ассистент

Гордиенко Елена Витальевна

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», кафедра теории и практики перевода

ул. Университетская, 24

283001, г. Донецк

helen2407@i.ua

ст. преподаватель

Гудова Ольга Владимировна

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», кафедра теории и практики перевода

ул. Университетская, 24

283001, г. Донецк

skyuo@mail.ru

д-р филол. наук, профессор

Долгополова Лилия Анатольевна

ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет», кафедра немецкого языка

пер. Учебный, 8

Республика Крым,

295015, г. Симферополь

Lilian2000@mail.ru

канд. филол. наук, доцент

Дроздов Владимир Александрович

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», кафедра теории и практики перевода

ул. Университетская, 24

283001, г. Донецк

drozdov.va1950@gmail.com

ст. преподаватель

Дроздова Наталья Васильевна

ГОУ ВПО «Донецкая государственная
музыкальная академия
имени С. С. Прокофьева»

ул. Артёма, 44
283086, г. Донецк

drozdov.va1950@gmail.com

канд. филол. наук, доцент

Жданова Наталья Александровна

ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет», кафедра английского языка
для экономических специальностей

ул. Университетская, 24
283001, г. Донецк

engleconom@mail.ru

ст. преподаватель

Игнатюк Галина Николаевна

УО «Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины», кафедра
теории и практики английского языка

ул. Советская, 104
246019, г. Гомель

galina.ignatjuk@yandex.ru

д-р филол. наук, профессор

Калиущенко Владимир Дмитриевич

ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет», кафедра германской филологии

ул. Университетская, 24
283001, г. Донецк

germanistik.dn@donnu.ru

канд. филол. наук, доцент

Карасенко Елена Анатольевна

ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет», кафедра германской филологии

ул. Университетская, 24
283001, г. Донецк

elena_karassenko@mail.ru

ассистент

Квач Юлия Александровна

ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет», кафедра теории и
практики перевода

ул. Университетская, 24
283001, г. Донецк

y.kvach@yandex.ru

аспирант

Керова Лариса Витальевна

ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет», кафедра английской
филологии

ул. Университетская, 24
283001, г. Донецк

larisa.kerova89@gmail.com

канд. филол. наук, доцент

Кирюшкина Анна Александровна

УО «Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины», кафедра
теории и практики английского языка

ул. Советская, 104
246019, г. Гомель

akirushkina@mail.ru

канд. филол. наук, доцент

Клименко Ольга Викторовна

Университет Сейшел, факультет
гуманитарных наук и социального
развития, кафедра языков и медиа

olga.klymenko@bk.ru

аспирант

Косицкая Алина Геннадиевна

ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет», кафедра германской
филологии

ул. Университетская, 24
283001, г. Донецк

alinakositskaya@mail.ru

аспирант

Логутенкова Ольга Николаевна

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

ул. Ставропольская, 149
350040, г. Краснодар

logutenol@mail.ru

канд. филол. наук, доцент

Мирзаханова Айнабат Эфлетдиновна

ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет», кафедра германистики и межкультурной коммуникации

пр. Калинина, 9
357532, г. Пятигорск,
Ставропольский край

nadya_m1763@yahoo.com

ст. преподаватель

Нарчук Александр Петрович

УО «Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины», кафедра романо-германской филологии

ул. Советская, 104
246019, г. Гомель

anarchuk@tut.by

канд. филол. наук, доцент

Николаева Лариса Бориславовна

Маджан колледж, г. Маскат (Оман)

larysa.nikolayeva@gmail.com

канд. филол. наук, доцент

Рыжикова Марина Дмитриевна

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», кафедра теории языка, литературы и социолингвистики

ул. Ленина, 11, корп. 4
295000, г. Симферополь

marinaryzhikova@yandex.ru

магистрант

Сабержанова Айгюль Рушановна

ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет», Институт романо-германских

языков, информационных и гуманитарных технологий

пр. Калинина, 9
357532, г. Пятигорск,
Ставропольский край
enerix@yandex.ru

магистрант

Склярова Дарья Денисовна

ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет», Институт романо-германских языков, информационных и гуманитарных технологий

пр. Калинина, 9
357532, г. Пятигорск,
Ставропольский край

mrs.dsd@mail.ru

аспирант

Ткаченко София Геннадиевна

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», кафедра английской филологии

ул. Университетская, 24
283001, г. Донецк

surixa.sabia@gmail.com

канд. филол. наук, доцент

Ус Юлия Николаевна

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», кафедра германской филологии

ул. Университетская, 24
283001, г. Донецк

usjulia80@yandex.ru

канд. филол. наук, доцент

Фатьянова Ирина Валерьевна

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», кафедра английской филологии

ул. Университетская, 24
283001, г. Донецк

irafatianova@mail.ru

магистрант

Чайковская Мария Викторовна

ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет», кафедра германской
филологии

ул. Университетская, 24
283001, г. Донецк

m.chaikovskaya@i.ua

д-р филол. наук, профессор

Ягупова Лариса Николаевна

ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет», кафедра германской
филологии

ул. Университетская, 24
283001 Донецк

l.yagupova@donnu.ru

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

Сопоставительные и диахронические исследования языковых единиц и категорий

Материалы XIV-го Международного лингвистического семинара

Языки издания: русский, английский

Компьютерная верстка, макет обложки: **Л. Н. Ягупова**

Подписано в печать 28.10.2016 г.
Формат 60×84/16. Бумага офсетная.
Печать — цифровая. Усл. печ. л. 12,67.
Тираж 100 экз. Заказ № 16-Ноя222.

Донецкий национальный университет
83001, г. Донецк, ул. Университетская, 24.
Свидетельство о внесении субъекта издательской
деятельности в Государственный реестр
серия ДК 1854 от 24.06.2004 г.